

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВ

---

ИСТОРИИ  
ПРО МЕНЯ  
И МОИХ  
РОДНЫХ

---

КНИГА ВТОРАЯ

**Сергеев Н.**

Истории про меня и моих родных. Книга вторая / Николай Сергеев, 2022. — 212 с.

© Николай Сергеев, 2022

# Оглавление

---

<b>Посвящение и благодарности</b> .....	<b>7</b>
<b>Моё детство</b> .....	<b>9</b>
Гага .....	<b>12</b>
Фотокарточки .....	<b>14</b>
Папина мама .....	<b>16</b>
Мама .....	<b>18</b>
Бабушка Лена .....	<b>21</b>
Дедушка .....	<b>23</b>
Олечка .....	<b>27</b>
Наташа и Саша .....	<b>28</b>
Музыка .....	<b>33</b>
Сестра .....	<b>35</b>
Бухаревы .....	<b>39</b>
Кукольный театр .....	<b>40</b>
Сестра .....	<b>41</b>
Шикарный милиционер .....	<b>43</b>
А далее короткий экскурс вперёд, лет этак на двадцать пять .....	<b>44</b>
Рекс .....	<b>45</b>
Велосипед .....	<b>46</b>
На пароходе .....	<b>49</b>
Телевизор .....	<b>52</b>
Бассейн «Москва» .....	<b>55</b>
Друзья и игры .....	<b>57</b>
Фильмоскоп в сарае .....	<b>62</b>
В лес с отцом .....	<b>63</b>

Дачник Лёша и сосед Аркадий.....	65
Тобик и Барсик.....	69
Брат Виктор, фотодело и ракеты.....	71
Радиокружок.....	75
<b>Пора в школу.....</b>	<b>80</b>
Изобретатель.....	95
Школьный радиоузел, киноаппарат и физкабинет.....	97
Ленинград.....	102
<b>МТЖДТ имени А. А. Андреева.....</b>	<b>104</b>
Лабораторные работы.....	112
ГерВаныч.....	115
Практическое обучение в жизни всегда пригодится.....	117
Радиотехника.....	120
Сортировочная горка.....	121
Специальные предметы бывают разные.....	125
Всякая связь.....	133
Теоретическая механика и сопромат.....	135
Культурная программа воспитания.....	136
Восстановление железных дорог дорогого стоит.....	139
Оперотряд.....	143
Пионерский лагерь.....	144
Практика.....	149
Диплом.....	157
Работа в ШЧ-15.....	158
Встречи через годы.....	163
<b>Разные рассказы.....</b>	<b>168</b>
А у нас в квартире газ.....	168
Памятник Пушкину.....	170
Валера-милиционер.....	173
Виктор Алексеевич Агрономов о своей службе в Советской армии.....	177
Феня.....	178
Египтянин.....	179
Саша.....	180
Программисты.....	182
Самоизолировались.....	187
Хитрая кошка.....	189
<b>Воспоминания в Делехово про войну.....</b>	<b>191</b>
<b>Из застольных разговоров в Делехово.....</b>	<b>204</b>

*История — это лишь версия случившихся событий  
в нашей интерпретации. Что есть история,  
как не басня, в которую договорились поверить...*

Н. БОНАПАРТ



# Посвящение и благодарности

---

Посвящаю этот скромный труд моей дорогой жене Елене и моим детям, которые в детстве редко видели меня дома. Я постоянно где-то работал, работал и работал, в надежде на светлое будущее, и для работы всегда придерживался принципа «Если не я, то кто?».

А моей семье доставалось от меня, как я теперь понимаю и к моему великому сожалению, очень и очень мало внимания. Благодарю всю мою семью, первых моих читателей, за терпение, поддержку и критику.

Я благодарен моей супруге Елене за её бесконечное и ангельское терпение, связанное с моей работой. Также я благодарю её за понимание и помощь мне в подготовке этого опуса.

Я благодарю моего тестя Анатолия Михайловича Басманова и его родного брата Юрия Михайловича Басманова за интересные воспоминания и рассказы о военных годах в селе Делехово Рязанской области.

Я также благодарю мою сестру Елену за помощь в корректуре и подготовке к печати этих текстов.

Я благодарю моего коллегу Александра Александровича за полезную критику и поиск ошибок в моих текстах.

Я благодарю моего коллегу Вячеслава Ивановича за конструктивную, полезную критику и поиск многочисленных ошибок в моих текстах.

Я также надеюсь, что наши дети, а может быть и внуки, прочтут эту книгу и это как-то поможет им в жизни, и они по-другому воспримут некоторые события в жизни нашей семьи.

**P.S.**

Вашему вниманию предлагаются отдельные истории из моей жизни, жизни моей семьи и моих родных, а также моих друзей и знакомых, в моей интерпретации.

Я ни в коем случае не претендую на то, что всё вышенаписанное есть истина. Это просто отражение того, что я видел, слышал или в чём сам участвовал. Если что-то в описании тех давних событий написано в корне неправильно, то, пожалуйста, сообщите мне. Я с благодарностью приму любую критику или дополнения и уточнения по адресу электронной почты [nvsm@mail.ru](mailto:nvsm@mail.ru).

Все имена и фамилии, которые встречаются в этих текстах, могут быть вымышленными.

И описанные события тоже могут быть результатом художественного вымысла, а представленные фотографии могут быть следствием хорошей работы с Фотошопом.

Но общее представление о жизни в СССР, в то время и в той социалистической действительности, соответствует реальности.

# Моё детство

---

Как писал один очень известный поэт и бард, свое рождение я помню смутно (примерно так). Более или менее разумные мои воспоминания начинаются годам к трём, с середины 1957 года. Жил я тогда в основном в Томилино, почти до самого призыва в Советскую армию в 1974 году.

Очень хорошо помню, как мои родители вернулись из отпуска, когда они отдыхали в Сочи на Черном море. Мне был подарен деревянный паровозик с железными колёсами и железным тендером и такими же деревянными вагончиками. Очень была красивая и яркая игрушка. Но моей сестры тогда ещё и в проекте не было, значит это где-то осень 1956 года. Такие вот детские воспоминания, связанные с яркими впечатлениями. И почти помню фотографирование летом в Томилино около дома — я с мамой. Фотографировала, кажется, Галина Михайловна Шушевская во время очередного отпуска, когда она работала в Китае.

Также хорошо помню белого, в серых яблоках, бедного кота Фомку, которого я гонял по дому деревянным молотком для игры в крокет. А когда этот кот умудрялся забиться под шкаф, то я всю шуровал этим молотком под шкафом, а бедный кот жалостливо мяукал.

Спал я в детской металлической кровати, с обеих сторон была верёвочная сетка, чтобы ребёнок на пол не падал. Кровать стояла торцом к кровати моих родителей, и я просовывал

руку и просил маму «дать мне пальчик», держась за который я быстро засыпал.

Однажды, когда мне было всего два с небольшим года, моя мама повела меня фотографироваться на память в фотоателье в Томилино, которое находилось тогда недалеко от железнодорожной станции, на улице вдоль железной дороги (потом, через несколько лет, в этом здании была детская поликлиника). Фотографироваться я почему-то тогда очень не любил и боялся, всегда орал и при малейшей возможности убегал от фотографа. Эта фотокарточка сохранилась — я и мама в одинаковых, серых в крапинку пальто. И за то, что я стойко перенёс эту экзекуцию с фотографированием, мы поехали в тот же день в Москву в зоопарк. Там к нам присоединился и мой папа. В зоопарке мне тогда очень запомнился слон, который за что-то обиделся на посетителей и стал набирать в хобот песок с камушками и швырять его в посетителей. Причём он делал это так умело, что всё это летело выше трёхэтажного дома рядом со слоновником. А ещё помню невероятно вкусные булочки с маком, которые продавались тогда в зоопарке.



Это я с мамой 29 сентября 1956 года



А это немного раньше, летом 1956 года

Помню, что в то время первый вагон в электричках часто был «детским» и был разукрашен всякими рисунками и игрушками. И очень часто по вагонам ходили инвалиды войны и просили милостыню. Особенно тяжело было видеть инвалидов без ног на деревянных дощечках с колёсами из старых подшипников.

А 22 ноября 1954 года скончалась моя прабабушка, Евгения Аполлоновна Лагодовская. Она меня видела, а я её, к сожалению, нет.



А это моё самое первое фото, мне уже почти месяц...



Евгения Аполлоновна в 1887 году в Варшаве в карнавальном costume



А это Евгения Аполлоновна в 1934 году в Томилино

## Гага

Я почему-то очень часто падал, причём даже дома. Как раз в то время приехала в отпуск из командировки в Китай мамаина подруга, Галина Михайловна, и подарила мне китайский игрушечный металлический заводной каток, очень красивый и расписной. И после этого, как только я где-то падал, мама заводила ключиком этот каток и запускала его на том месте, где я плюхнулся. Каток ездил туда-сюда и «выравнивал» место моего падения. Это быстро прекращало мои вопли и слёзы. Говорил я тогда ещё плохо и вместо «Галя» выговаривал «Гага», и потом, когда Галина Михайловна опять уехала в Китай, я стал называть «Гага» её маму, Клавдию Семёновну. Так это имя Гага навсегда «пристало» к Клавдии Семёновне, даже когда Галина Михайловна окончательно вернулась в Томилино.

Гага и её дочь Галина Михайловна жили у нас в Томилино много лет. Моя мама училась вместе с Галиной в институте, а после ужасного землетрясения в Ашхабаде в 1948 году (Клавдия Семёновна жила там, и соседи «чудом» откопали её из развалин дома) Галине Михайловне с огромным трудом удалось «выписать» свою маму в Москву. Но жить было негде, и моя мама уговорила своего папу, Владимира Александровича, приютить эту семью в нашем доме. Только в середине 1964 года Галина Михайловна, которая работала тогда научным сотрудником в Гидрометцентре, наконец смогла купить квартиру в кооперативном доме в Москве в Кунцево, и они туда переехали. Основное их имущество к этому времени составляли книги, которых было просто невероятное количество. Причём с этой кооперативной квартирой приключилась следующая беда: пока кирпичный дом начинали строить, то Кунцево считалось Подмосковьем, а к завершению строительства это место вдруг стало московским районом Кунцево. А иногородних в те времена в Москве не прописывали. С огромным трудом удалось тогда Галине Михайловне прописаться в собственную квартиру, а потом прописать туда и свою маму. Родной брат Галины Михайловны Славик к этому времени жил в Одессе, уже был женат и у него был сын Вова. После армии Слава служил на флоте мотористом, он всю жизнь плавал на грузовых судах механиком

и побывал во многих странах. В том числе и во Вьетнаме во время войны с Америкой. Один раз летом Славик приезжал со своей семьёй в гости к маме и сестре в Томилино. Запомнилось, как радостно отмечалось это событие. Помню, как к Гаге несколько раз приезжала в гости её подруга Бронечка из Ашхабада и они вспоминали тамошнюю жизнь, свою молодость и трагедию землетрясения в 1948 году.

У Гаги был чёрный, с рыжими полосками, кот Никита, который часто воевал с нашим котом Фомкой, а потом неожиданно пропал. Гага очень переживала из-за этого.

Однажды летом Гага подобрала во дворе птенца стрижа. Всё лето его выхаживали и выкармливали. Мне поручалось ловить мух, причём желательно было, чтобы эти мухи были ещё живые. Стриженок просто не видит неподвижную муху, глаза у него так устроены. Чтобы он увидел, нужно было чтобы «дичь» двигалась. Поэтому муху привязывали к нитке, или обмазывали творогом и сажали на конец спицы и начинали быстро водить и шевелить перед клювом птицы. Только тогда стриж понимал, что это еда, и жадно хватал пищу. Также пришлось несколько раз спасти стрижа от любопытного кота, который очень интересовался птичкой и всегда пытался пробраться в комнату Гаги. И ведь выкормили этого стрижа. Ближе к осени его выпустили, и он улетел.

А потом почти каждый год, по традиции, Гага выкармливала какого-то очередного птенца, чаще воробушка, который имел неосторожность вывалиться из гнезда. Над каждым окном, за наличниками, весной воробьи строили гнёзда из пеньки и ваты, которыми были проконопачены зазоры между брёвен, из которых были сделаны стены дома. Дедушка мой очень из-за этого переживал и ему приходилось «подконопачивать» дом почти каждый год при подготовке к зиме. Потом он нашёл решение проблемы — проконопаченные швы были обильно покрашены масляной краской, и воробьи уже не могли таскать оттуда строительный материал для своих гнёзд. Помню, что мне было разрешено поучаствовать в этой покраске, но кончилось это тем, что я весь перемазался в краске, за что и постоял потом в углу (для меня это было тогда ужасное наказание).



Это Клавдия Семёновна, Гага, в 70-х годах прошлого века

Гага работала лаборантом в каком-то научном медицинском институте и по роду службы постоянно возилась с различными препаратами. По её рассказам, врачи часто ей говорили, что на практике она знает гораздо больше многих врачей и вполне могла бы диссертацию написать. Но вместо этого Гага всю жизнь помогала писать диссертации другим...

## **Фотокарточки**

Галина Михайловна была «страстным» фотографом. Постоянно, если была в Томилино, что-то или кого-то фотографировала. Потом лазила в подвал и перезаряжала фотокассеты (фотоплёнка тогда продавалась отдельно от кассет и заправлять их плёнкой нужно было самому и в полной темноте, на ощупь). И конечно, и плёнки и фотокарточки были только черно-белые. А потом нужно было ещё и самому проявлять отснятые фотоплёнки — опять, пожалуйста, в подвал, чтобы зарядить плёнку в проявочный бачок. Самому нужно было и растворы проявителя и закрепителя (фиксажа)

делать. Потом, когда набиралось несколько уже проявленных фотоплёнок, нужно было ещё и фотокарточки самому напечатать. Для этого у Галины Михайловны был фотоувеличитель У-2. Но делать это нужно было опять в темноте, при слабом свете специальной красной лампы. Это была почти магия. В подвале вечером или ночью в комнате с полностью занавешенными тёмными шторами окнами происходило это волшебство. Плёнка заправлялась в фотоувеличитель, рядом стояли две кюветы (ванночки) с растворами проявителя, фиксажа и ещё две кюветы с водой для промежуточной и окончательной промывки фотокарточек. Если плохо промыть фотокарточку, то после высыхания на ней вскоре появлялись разводы или грязные пятна.

Помню, как мне первый раз было позволено присутствовать во время печати фотокарточек: была «глубокая ночь» — часов 11–12 ночи (обычно меня укладывали спать в 9 часов вечера). Галина Михайловна просматривала плёнку, потом подкладывала на столик увеличителя фотобумагу, которую она доставала из чёрного конверта. По секундомеру отсчитывала время экспозиции (включения белой лампы в увеличителе), а затем клала отэкспонированную фотобумагу в проявитель. И происходило ЧУДО! На чистом белом листе вдруг появлялось изображение.

Потом в нужный момент, чтобы не «перечернить» фотокарточку, её нужно было промыть, потом 20 минут выдержать в растворе фиксажа («закрепить») и опять промыть. А уже на следующий день Галина Михайловна доставала электроглянцеватель, и ещё мокрые фотокарточки накатывались на его зеркальные пластины, сушились и становились великолепными. В то время весь этот процесс был для меня как волшебство... А Галину Михайловну я тогда боготворил почти как волшебницу.



Галина Михайловна примерно в 1952 году



А это уже в 1966 году в Томилино за домом:

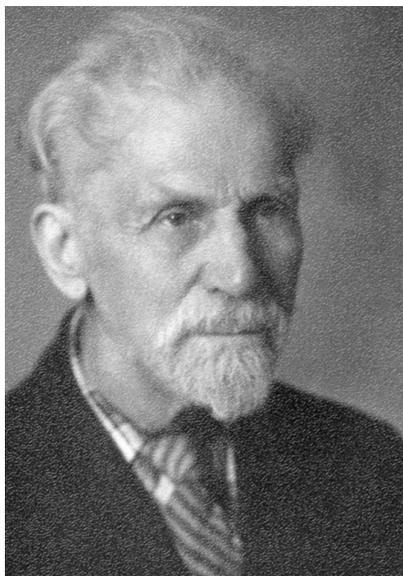
Елена Аркадьевна, Клавдия Семёновна, Владимир Александрович, моя мама Ия и Галина Михайловна

## Папина мама

Со мной в детстве в основном возилась моя бабушка, папина мама Мария Никандровна. Часто, особенно летом, приезжала из Рязани её родная сестра Ольга Никандровна. Причём, когда я родился, бабушка сказала моему отцу: «Не покрестите — сидеть с ребёнком не буду». И, несмотря на то что мой отец был коммунистом, меня бабушка со своей сестрой взяли да и окрестили в храме неподалёку от станции метро «Бауманская». Там в одном из переулков жил родной брат моей бабушки, Александр Никандрович Некрасов. Как он сам мне потом говорил, когда я уже подросток, он был поп-расстрига. То есть когда после революции начались гонения

на священников, он расстригся и стал мирянином. А вот другой его родной брат Пётр Никандрович Некрасов так не поступил и в 1937 году был за это расстрелян на Бутовском полигоне. Спустя много-много лет, в 2017 году мы с моей супругой Еленой были проездом в Рязанском кремле и зашли там в Кафедральный Успенский собор. Там я вдруг совершенно случайно увидел и купил книгу «Книга памяти новомучеников и исповедников Рязанских XX века». И в этой книге среди многих других была описана трагическая судьба моего двоюродного дедушки Петра.

Когда я уже учился в младших классах и довольно часто бывал в Москве у бабушки Мани, то видел, что Александр Никандрович очень заботился о своей сестре, приезжал к ней в гости, помогал по хозяйству. Он много лет работал ночным сторожем — вахтёром в каком-то учреждении недалеко от Ярославского вокзала. Когда перед дежурством он иногда заезжал к моей бабушке, то я видел, как он готовил для себя на работу «тормозок» — в литровую банку наливал суп, потом туда же клал котлету с картошкой, а сверху заливал компотом. В ответ на моё удивление он всегда говорил: «Всё равно в животе всё это перемешается».



Бабушкин брат  
Александр Никандрович Некрасов



Моя бабушка Маня с моим папой Витей,  
двоюродной сестрой Олей и моей  
сестрой Леной в 1963 году в Томилино

А его хобби и отдушиной в жизни были аквариумные рыбки. Дома у него было много аквариумов и он постоянно лелеял и расширял это своё хозяйство.

## Мама

Моя мама работала метеорологом на испытательном аэродроме в Жуковском и часто дежурила там по ночам. Перед ночным дежурством она обязательно после обеда ложилась поспать, так как на работе спать совсем не удавалось. Сам я этого не помню, но мне бабушка рассказывала, что когда как-то раз мама прилегла поспать перед ночным дежурством, я играл в соседней комнате в машинку и громко возил её по неровному полу. Бабушка меня увещевала: «Мама спит, маме на работу, не шуми». А я ей отвечал: «А я всё вайно буду...» Уже тогда характер у меня был «вредный».

Потом, уже после появления моей сестры, здоровье моей мамы стало резко портиться. Несколько раз её даже привозил после ночного дежурства домой на своей машине кто-то из известных летчиков. Упоминалось как-то имя Владимира (или Константина — младшего брата Владимира?) Константиновича Коккинаки.

Мама однажды рассказывала про него, что он пришёл к ней как к дежурному метеорологу перед испытательным вылетом на инструктора. И она чувствует, что он выпивший, и говорит ему: «Владимир Константинович, ну как же Вы полетите, Вы же выпили?» А тот ей отвечает: «Эх, милочка, вот когда я после Вас от доктора выйду, вот тогда я действительно пьяный стану». Перед вылетом все лётчики проходили обязательный медосмотр.

Также часто обсуждался мамин начальник по фамилии Милюков, который жил где-то в Плющево. Взрослые говорили, что он ничего в метеорологии не понимает, а умеет только спирт выписывать для протирки метеорологических приборов и их протирать. Как анекдот, рассказывалось, что он (или, может, это действительно просто анекдот) много лет выписывал спирт на «Протирку окклюзии» (в метеорологии этот термин относится к сложной структуре атмосферных фронтов, которая формируется, когда верхний холодный атмосферный фронт настигает нижний тёплый атмосферный

фронт и вытесняет его вверх. Это явление заканчивается устойчивыми ливнями. После окклюзии циклон заполняется холодным воздухом и прекращает своё действие). Когда же в очередной комиссии попался знающий человек, то афера вскрылась, но кончилось это ничем. Надо было просто уметь делиться с нужными товарищами.

Другой анекдот, который мама часто рассказывала, такой: «Когда у лётчика сердце кровью обливается? А всякий раз, когда он жмёт на кнопку антиобледенителя». В то время в качестве антиобледенительной жидкости использовали чистый спирт.

А ещё через несколько лет у мамы случился инфаркт и она целый месяц пролежала в Люберецкой больнице. Потом долго сидела дома на больничном. Помню, как я ходил с ней в поликлинику на другую сторону железной дороги (как тогда говорили, в ЦЭЭС — там были какие-то военные склады и завод «Звезда» — сейчас этот завод часто упоминается как место изготовления и испытания космических скафандров). В поликлинике она делала какую-то специальную гимнастику, а я тихо сидел на табуретке в уголке и терпеливо ждал.

Когда мама поправилась, то долго ей не разрешалось работать по ночам, а она сильно из-за этого переживала. Другие сотрудницы на неё обижались, и денег дополнительных за ночные дежурства маме не выплачивали. Помню, что подруга мамы по работе имела фамилию Голованова и жила она где-то под Москвой. Пару раз я с мамой ездил к ней в гости — доезжали до станции Перово, потом куда-то спускались вниз по насыпи и садились на электричку другой линии на станции Чухлинка и ехали ещё несколько остановок.

В какой-то момент мои мама с папой сильно поругались, и я даже слышал разговоры о разводе. Очень сильно из-за этого стал сам переживать, так как не мог представить, что это такое на самом деле. Но потом у мамы случился второй инфаркт, и как-то родители помирились. А в 1964 году тяжело заболел и мой папа...



Я с мамой и папой в 1956 году

Недавно удалось найти интересную фотокарточку из молодости моей мамы. Когда она училась в школе, то в Томилино была только 7-летняя школа. Далее нужно было учиться в школе в Люберцах, ближе 10-летки не было, и обучение было платным. И вот моя мама пешком ходила каждый день в Люберецкую школу и обратно.



На этом снимке 9 «А» класса Люберецкой школы №1 моя мама третья слева в первом ряду. А преподаватель в центре снимка с «круглым проборчиком», который учил тогда мою маму, много лет спустя учил и меня английскому языку на дополнительных занятиях в 4-м классе

## Бабушка Лена

Мамина мама Елена Аркадьевна Бородаевская-Лагодовская работала в Москве в Академии наук. Она знала довольно много языков (английский, немецкий, французский, польский, испанский и португальский) и была личным переводчиком у академика К. И. Скрябина, который был основателем науки о гельминтологии в СССР. Часто она работала и дома, в Томилино. Мне в это время запрещалось мешать бабушке и шуметь. Она сидела за старинным столом, покрытым зелёным сукном, а на столе стояла старинная лампа с замечательным зелёным стеклянным колпаком, свет от которой мне очень нравился и был очень приятен для глаз. В ящиках стола у бабушки была огромная картотека. На небольших картонных карточках были выписаны названия всяких гельминтов (глистов) на различных языках, которые постоянно встречались в тех переводах, которые делала моя бабушка Елена.

А бывало и так, что за бабушкой присылал свою машину академик. Это был настоящий «ЗИС-110» — огромная и шикарная машина. Улица Ломоносова в то время ещё не была асфальтированной, и машина эта с трудом по ней пробиралась между глубоких ям. Потом с ещё большим трудом шофёр долго-долго разворачивал машину, бабушка в неё садилась, а мне разрешалось посидеть на коленях у шофёра, пока машина доезжала до конца улицы. Там машина останавливалась, меня выпускали, и я, довольный и счастливый, бежал домой, а дедушка или мама стояли посередине дороги и ждали меня. Кстати, тогда по обеим сторонам улицы были приличные тротуары и по дороге люди обычно не ходили. А зимой эти тротуары чистили от снега сами хозяева домов, каждый свой участок, без всяких дворников.

Часто меня брал с собой встречать бабушку после работы мой дедушка, Владимир Александрович. Мы с ним шли к станции Томилино по улице Крылова, на которой тогда был стадион и летний кинотеатр (его по-простому называли «холодильник», так как даже летом внутри было холодно и сыро, а ещё раньше крыша в этом кинотеатре была только над экраном и первыми рядами скамеек, а зрители сидели под открытым небом). Обычно бабушка привозила из Москвы что-нибудь вкусное. Около её работы на Ленинском

проспекте был тогда восхитительный магазин «Диета», в котором даже вечером после работы можно было купить разные деликатесы. Часто это была какая-то рыба (помню очень вкусную копчёную треску), всевозможное сладкое желе (мне особенно нравилось молочное и вишнёвое) и докторская колбаса. От этой колбасы был такой вкусный запах, что он чувствовался по всему дому и у меня слюнки текли. А на Казанском вокзале тогда продавались замечательные слоёные пирожки с мясом, сочники с творогом и эклеры (не такие, как сейчас, а с настоящим кремом, покрытые сверху настоящей шоколадной глазурью). И конечно, часто бабушка привозила рыбью икру — её продавали вразвес и упаковывали в вощёную бумагу. Чёрная икра была зернистая и паюсная, но мне больше нравилась зернистая. Красная икра тогда особо не котировалась и считалась дешёвой. Даже в Томилино в магазинах на станции, а часто и в хлебной палатке на пересечении улиц Крылова и Чехова можно было купить икру, но упакованную в небольшие стеклянные баночки.

Однажды летом бабушке нездоровилось, и меня командировали отвезти сделанную бабушкой работу, очередной перевод какой-то научной статьи, в Москву в лабораторию на Ленинском проспекте, или, как теперь говорят, офис, где работала моя бабушка Лена. Вообще-то первый раз меня отпустили в Москву поехать одного ещё в 9 лет — папа заболел и нужно было отвезти на квартиру в Измайлово какое-то лекарство. Так что какой-то опыт одиночных поездок из Томилино в Москву у меня уже был.

Выдали мне маленький портфельчик с документами, денег на дорогу, и я поехал один. Гордости моей не было предела. Всё постарался сделать как велели и вернулся с очередным заданием для бабушки. А в лаборатории мне показали, как там сотрудники с огромным воодушевлением выковыривали глистов из куриных тушек и старательно их подсчитывали. После этого довольно долго есть курятину я опасался.

У бабушки была старинная красная тетрадь со всевозможными рецептами блюд. Тетрадь эта хранила рецепты начиная с XVIII века, и многие записи были не на русском языке, а мерой веса были фунты. Часто на праздники бабушка пекла сладкий пирог по рецепту своей мамы, который назывался «Пляцек Варшавский». Вкус

незабываемый. На Пасху всегда пеклись куличи и из творога с изюмом делалась Пасха. И, конечно, красились яйца, хотя в церковь ни бабушка, ни дедушка не ходили.

## Дедушка

Дедушка мой, Владимир Александрович Бородаевский, был человеком старой, дореволюционной закваски. Несмотря на все сложности жизни после революции, он сумел сохранить семью и достойно выжить в сложившихся условиях. Власть коммунистическую публично не ругал, а относился к ней с некой иронией и присущим ему едким юмором. Иногда, сидя в своём любимом старинном кожаном кресле, которое внутри было набито конским волосом, он мог читать и произведения В.И. Ленина. Почему-то мне особенно запомнилось как он читал «Шаг вперёд, два шага назад» и даже обсуждал прочитанное с моей бабушкой. Читал он очень много, библиотека в доме была обширная. Также постоянно выписывалось несколько газет и журналов, которые тоже прочитывались досконально, часто и бабушка тоже читала свежую прессу, а после ужина за столом начинались обсуждения прочитанного. Бывало, что меня во время таких обсуждений от греха подальше уводили из столовой.

Было в доме и много красочных альбомов с репродукциями картин художников из известных музеев. Иногда дедушка, сидя в своём любимом кресле, сажал на свои колени меня и мою сестру и показывал нам эти альбомы, объясняя суть сюжетов этих картин.

В одежде дедушка был педант и одевался очень старомодно. Утром, выходя из своей комнаты, он обычно был полностью одет и уже при галстуке. К завтраку, обеду или ужину существовал особый ритуал переодевания в другую одежду, в крайнем случае менялся хотя бы пиджак, но всегда при галстуке. В этом вопросе у него было полное непонимание и неприятие моего отца, который мог сесть за стол в трусах и майке, а галстук отец мой вообще не носил никогда. Волос на голове дедушки почти не было — он называл свою причёску «круглый проборчик», но несмотря на это раз в месяц

ездил в Москву к определённом парикмахеру, который много лет подряд подстригал моему дедушке остатки волос. Но дома дедушка всегда ходил в тюбетейке. В Москве достать в то время новую тюбетейку было очень сложно, и поэтому во время ежегодных речных путешествий по Волге дедушка всегда покупал новую тюбетейку в Казани. Это был такой многолетний ритуал.

На улице дедушка всегда был в шляпе, а зимой в зимней каракулевой шапке. При встрече со знакомыми в знак приветствия всегда приподнималась шляпа. Иногда дедушка ходил с тросточкой — была у него такая замечательная палочка с ручкой в форме конской головы и гильзой от трехлинейной винтовки на конце. Но это было не пижонство, а просто необходимость: в холодную и дождливую погоду у моего дедушки начинали «ныть» старые раны времён войны 1914 года и давали о себе знать осколки немецкого снаряда в ногах и спине.

В доме была старинная мебель, а некоторые вещи были сделаны руками моего дедушки. Например, столовый буфет и пара книжных шкафов были его работы. Раньше у дедушки был и токарный станок по дереву, и некоторые мои игрушки тоже были им сделаны ещё для моей мамы, когда она была маленькой. Когда я начал учиться в школе, то угловой столик, за которым я делал уроки тоже был сделан руками моего дедушки. Многие вещи в доме самостоятельно ремонтировались дедушкой, а что-то он сам проектировал и рассчитывал, а потом приглашал для реализации своих проектов более молодых специалистов.

Например, помню, что колодцем и водяным отоплением у нас занимался, как говорил дедушка, «водопроводчик» по фамилии Нацлузов. Это был очень толковый и рукастый татарин, который имел такой профессиональный авторитет в посёлке, что позже на полученные гонорары даже умудрился купить подержанную светлокоричневую «Победу». Машину эту он привёл в идеальное состояние и гордо разъезжал на неё по вызовам жителей посёлка. И конечно, когда он что-то делал с нашим колодцем, то я всегда крутился около него, и он не чурался что-то мне объяснить или показать.

Телефон в те времена часто ломался, а бывало и так, что понять, что тебе говорит второй участник разговора, затруднительно (микрофоны в телефонных аппаратах в то далёкое время были только

угольные и при повышенной влажности давали ужасные искажения). Тогда собеседники начинали сообщать друг другу важную информацию по буквам или используя различные синонимы. Дедушка мой, например, свою фамилию в таких случаях начинал объяснять по телефону так: «Бо-ро-да-евский, бороду свою съел». И мне это тогда казалось очень смешным. Звонок из телефона-автомата в те времена стоил 2 копейки, но дозвониться удавалось не всегда. А часто телефоны-автоматы ломались или их специально ломали всякие хулиганы (чаще всего они выкручивали из трубки телефонный или микрофонный капсоль).

Помню, как однажды дедушка поехал в Москву покупать линолеум для пола в большой комнате и взял меня с собой. Где-то недалеко от станции Электрозаводская в хозяйственном магазине эта покупка совершилась, а вот привезти рулон линолеума из Москвы в Томилино было большой проблемой. Дедушка тогда ухитрился поймать такси «ЗИМ» — это была большая длинная машина, и рулон линолеума с трудом удалось засунуть в салон. И это был первый и единственный раз, когда мне удалось



Владимир Александрович в традиционной тубетейке в 1960 году и, на удивление, без галстука



Владимир Александрович в 1977 году. Тубетейка, жилет и галстук на месте

прокатиться в «ЗИМе» — замечательная была машина, в отличие от «Победы», которая в основном использовалась в московском такси.

Довольно часто дедушка водил меня и мою сестру в различные музеи и на выставки. Особенно запомнилось посещение ВДНХ. В то время около входа на ВДНХ можно было сесть на «моторикшу» — это был такой мотороллер, в котором водитель сидел сзади на одном колесе с мотором, а спереди было два колеса и два сиденья для пассажиров. И в хорошую погоду можно было прокатиться по выставке и посмотреть все павильоны, да ещё и с объяснениями водителя-экскурсовода.

Когда в 1962 году в посёлке Томилино началась кооперативная газификация частных домов, то дедушка принял в этом деле самое прямое участие. Он был и проектировщиком газопровода, и главным бухгалтером кооператива. То он мерил шагами будущие трассы, то закупал на всяких базах необходимые трубы и газовое оборудование. И буквально за 2 года частные дома на нескольких улицах получили газовое отопление и газовые плиты. После керосинок, дров и угля это казалось чудом — как будто уже почти коммунизм наступил. После завершения всех работ по газификации кооперативом дедушке были подарены настенные часы с боем. Каждые 15 минут они отбивали свою мелодию. Сначала спать под эту музыку было просто невозможно, но постепенно все домашние привыкли и почти этого не замечали.

Совсем недавно стараниями Андрея Бородаевского нам удалось получить старинный фотоснимок выпуска Московской школы прапорщиков (примерно 1916 год). К 1916 году основной костяк младших офицеров в действующей армии на уровне взводов и рот уже выбыл из строя и срочно создавались ускоренные курсы подготовки младшего командного состава из числа отличившихся солдат. Наш дедушка после тяжёлого ранения был преподавателем в этой школе.



На снимке Владимир Александрович Бородаевский сидит в первом ряду третий слева

## Олечка

Когда мне было года два, то родители решили, что мне нужна няня, и вскоре в нашей семье появилась девушка Оля. Она была родом из Белоруссии, из деревни. Приехала покорять Москву, но что-то у неё не сложилось. Мой дедушка, Владимир Александрович, работал в то время в плановом отделе на Томилинской птицефабрике. Где и как он повстречал эту Олю, я не знаю, но ей было обещано, что дедушка устроит её работать на эту птицефабрику, если она пару лет меня понянчит (в то время были большие проблемы с устройством на работу для деревенских жителей).

Для меня она стала Олечкой, которая всё время со мной возилась, и я очень к ней привязался.

Олечка была очень заботливой и аккуратной. Жила она у нас в доме в проходной комнате. На стене над её кроватью висела лампа, которую я однажды от стены оторвал и чудом не попал под электрическое напряжение.

Часто по вечерам в выходные дни взрослые устраивали игру в карты. Олечку вскоре тоже научили играть в бридж, и она потом (по утверждению моего деда) играла очень неплохо.

Через несколько лет, я точно знаю, она жила в общежитии на птицефабрике и работала в цеху, где делали всякие украшения из куриных перьев (было и такое в то время). Иногда она заходила к нам в гости и, помню, как-то раз подарила мне очень красивое китайское махровое полотенце. Этим полотенцем я пользовался потом много лет и очень оно мне нравилось. Оно так у нас и называлось: «Олечкино полотенце».

## Наташа и Саша

Моей подружкой «по песочнице» была девочка Наташа Куликова из соседнего дома. Она была на год старше меня и, соответственно, была для меня авторитетом и заводилой во всех наших играх.

Кстати, и разницу между мальчиками и девочками наглядно объяснила мне тоже она. У неё вскоре появился младший брат Саша, а у меня сестра Лена появилась ещё только через год. В нашем дворе была детская песочница, и у Наташи во дворе тоже была такая же. Летом мы с ней часто играли у нас — двор был побольше. Однажды помню, как играли в песочнице у Наташи возле дома и её мама Евгения Павловна позвала Наташу кушать, а я почему-то остался в песочнице один. Уж не знаю почему, но я попробовал на вкус песочный куличик. Хорошо, что Наташина мама вовремя это увидела из окна и устроила мне полоскание рта, а потом отвела меня домой, и довольно долго я потом у них не появлялся.

Как я уже говорил, Наташа была заводилой многих наших детских игр. Когда она пошла в школу, то мы начали играть в школу. Она, конечно, в этих играх была учительницей, но писать тогда ещё я не умел, да и считать толком тоже не умел. И её попытки учительствовать ни к чему не привели. Но через год-два мы опять вернулись к игре в школу, а учениками тогда были уже моя сестра Лена и Наташин брат Саша.

С Сашей мы играли в основном в машинки, в войну, партизаны и тому подобное. Помню, как после просмотра по телевизору

фильма «Чапаев» мы довольно долго играли в Чапая и делали себе деревянные сабли и ружья.

Наташин папа, Николай Николаевич, был инвалидом войны и у него вместо одной ноги был протез. Но он ездил на работу в Москву и работал конструктором в каком-то институте. Утром в любую погоду он торопливо шёл на станцию с палочкой, а вечером возвращался обратно. А мама Наташи, Евгения Павловна, не только растила детей, но и работала дома, делала копии чертежей — кальки.



Евгения Павловна и Николай Николаевич Куликовы в молодости

И вот однажды, как инвалиду войны, Николаю Николаевичу через военкомат выдали автомобиль. Это была инвалидная мотоциклетка СМЗ С-ЗА (читается как «С три А») Серпуховского мотоциклетного завода с мотоциклетным мотором ИЖ-49 (аж целых 8 лошадиных сил), с ручным управлением и брезентовым тентом вместо крыши. Перед этим была целая эпопея получения прав на автомобиль. И потом стал Николай Николаевич ездить на работу в Москву на этом автомобиле. Зимой он, конечно, продолжал

ездить на работу на электричке, но вот весной автомобиль торжественно выкатывался из гаража и после «профилактики» начинался летний сезон. Николай Николаевич с энтузиазмом взялся за изучение автомобиля. Выписал себе журнал «За рулём» и читал его от корки до корки (и я тоже стал этот журнал читать). Сам он делал все нужные операции по обслуживанию машины и даже пытался что-то улучшать и модернизировать. Мне иногда разрешалось присутствовать во время возни с автомобилем и это было для меня хорошим уроком в изучении всяких механизмов. Очень уж мне тогда нравился запах бензина, машинного масла и краски, а ещё в гараже у Николая Николаевича было много всяких странных деталек, тумблерочков и приборчиков, которые он как настоящий инженер-конструктор разбирал и с интересом изучал. А появлялись эти штучки в том гараже со свалок, на которые иногда он и меня брал с собой. Например, однажды на свалке в Жуковском мы нашли броневое стекло от самолёта. Что мы потом только с ним не делали — и молотком били, и в тисках ломали, — ничего не помогало. Крепкие стёкла были на опытных советских военных самолётах...

Летом Николай Николаевич пристрастился ездить на карьер, а осенью в лес за грибами. Хорошо помню, как однажды взяли летом на карьер и меня. Вообще-то машина эта была рассчитана на двух человек — водителя и пассажира, поэтому я лежал сзади за сиденьем на горячей крышке мотора (мотор у этой машины был сзади), мама Наташи сидела на пассажирском сиденье. На коленках у неё сидели Наташа и Саша и тент был поднят, чтобы не очень было видно, что вместо двух человек в машине едут пятеро. Несмотря на проблему с ногами, Николай Николаевич очень ловко плавал, чему я очень тогда был сильно удивлён.

Как-то осенью меня взяли и за грибами. Это тоже была незабываемая поездка. Как я уже знал, Наташе папа как-то давал в лесу «порулить», а в тот раз и мне перепало такое счастье. Восторгу моему не было предела.

Позднее мотоколяску сменил горбатый «Запорожец» с ручным управлением, а ещё через несколько лет — и более современный ЗАЗ-968. На этих машинах Николай Николаевич много лет ездил на работу, а во время отпусков объехал со своей семьёй половину страны.



А это Николай Николаевич с сыном Сашей и та самая знаменитая мотоколяска С-3А. Снимок был сделан 2 мая 1960 года

Наташа рано начала заниматься музыкой. Для этого её родители купили красивое пианино, на котором стоял портрет Вана Клиберна — был тогда такой известный пианист, победитель конкурса имени Чайковского. Наташа мне тогда рассказывала про какие-то ключи: скрипичный и басовый. Но я представлял их себе как ключи от волшебной двери, как в сказке про Буратино. Учила музыке Наташу Маргарита Владимировна, которая жила около железной дороги и имела шикарный рояль. И, глядя на эти Наташины занятия, мне тоже захотелось учиться музыке.

В конце марта у Наташи был день рождения, и много лет подряд её родители собирали у себя дома Наташиных друзей и устраивали шикарный день рождения с застольем и разными вкусностями. Однажды во время такого дня рождения Наташин папа налил детям немного сладкого шампанского, и я сразу почувствовал себя «большим». Правда перед этим пришлось нагло соврать, что папа мой уже давал мне пробовать шампанское. Всё бы ничего, но Евгения Павловна доложила этот факт моей маме. Последовали жёсткие разборки моей мамы с папой, но я твёрдо стоял на своём и постепенно всё забылось.



Это я с Сашей Куликовым в 1961 году, оба мы на трёхколёсных велосипедах



Николай Николаевич учит Наташу кататься на велосипеде

Когда я учился в 4-м классе, то мой папа купил мне подарок в «Детском мире» — игрушечный полевой телефон. На самом деле это были просто два наушника, приделанные к пластмассовым трубкам, но, соединённые проводами, они вполне прилично позволяли поговорить, почти как по настоящему телефону. И вот мой папа помог нам с Наташей протянуть провода между нашими домами, и у нас с Наташей появился персональный телефон. Сначала нужно было долго громко кричать в трубку, чтобы привлечь внимание второго абонента. Тогда мой папа прикупил в «Детском мире» ещё и пару звончков

с батарейками и помог приладить всё это хозяйство к телефонам, и мы с Наташей долго развлекались и играли в эту игрушку.

В то время у нас дома был настоящий телефон от Томилинского ручного телефонного коммутатора, даже номер помню: 2-32. Поднимаешь трубку, и телефонистка спрашивает: «Вам кого?» Можно было позвонить в Москву, сказав: «Дайте, пожалуйста, город», или позвонить другим счастливым обладателям телефонов в посёлке, просто сказав телефонистке нужный номер. Телефонов в домах на нашей улице тогда было немного, и многие соседи, в том числе и Наташина мама, Евгения Павловна, иногда приходили к нам, чтобы позвонить в Москву своим родным или на работу. А иногда и её родные звонили и просили позвать Евгению Павловну. И наш игрушечный телефон очень помог в таких случаях. Однажды кто-то из соседей из зависти «донёс» на телефонную станцию, что у Бородаевских-то теперь два телефона, а это «жлобство и буржуинство». И ведь приходил с телефонной станции монтёр разбираться с этой кляузой. Дедушка ему показал нашу игрушку, тот извинился и всё на этом закончилось.



Евгения Павловна и Николай Николаевич были самоотверженными тружениками, весь их участок был всегда обработан и множество полезных продуктов они выращивали своими руками

## Музыка

Родители мои однажды посоветовались и тоже отвели меня «на прослушивание» к Маргарите Владимировне. Кажется, её фамилия была Андреева и она была родственницей бывшего, ещё сталинского наркома железнодорожного транспорта, именем которого

назывался техникум, в котором я позже учился после окончания 8-го класса.

Но это обучение музыке началось ещё до школы. Какие-то способности у меня нашли и решили: музыке быть. Причём оплачивать эти музыкальные занятия взялись мои бабушка и дедушка.

Пару месяцев меня 2 раза в неделю водили на эти занятия. Обучение было надомное и классическое: гаммы, простейшие этюды и изучение нот. Мне это всё быстро надоело. А тут в очередной раз тяжело заболела моя мама, и музыка моя закончилась.

Но примерно через 2 года каким-то образом меня опять уговорили на занятие музыкой. Наверное, я уже учился тогда во втором классе.

Надо сказать, что моя мама прилично умела играть на пианино. А пианино у нас дома в Томилино было старинное, какой-то немецкой фирмы, но сильно расстроенное и местами поеденное древесными жучками. Зато клавиши, как уверялось, были покрыты пластинками из настоящей слоновой кости. Бабушка же моя, Елена Аркадьевна, играла на пианино просто великолепно и довольно часто доставала из шкафчика ноты и играла серьёзные произведения.

Пригласили знакомого настройщика фортепьяно, очень пожилого дедушку, который долго возился и в конце концов привёл инструмент в приличное состояние. Особенно это понравилось бабушке, которая после этого стала играть на пианино гораздо чаще.

И начались мои учения — мучения.

Поначалу я даже старался, но вскоре домашние задания делать стал только «из-под палки» и без всякого энтузиазма. Правда постепенно втянулся. На музыку стал уже ходить один, а весной, летом и ранней осенью ездил на занятия на велосипеде. У Маргариты Владимировны была дочь Марина, несколько странная дама, которая, как нам рассказывали, училась в консерватории, но в какой-то момент от стресса перед выпускными экзаменами что-то у неё с головой случилось. И был сын Герман, лет на 5–7 старше меня. Гера, как его звали дома, был очень изобретательный и талантливый мальчик. Постоянно что-то мастерил, и мне было разрешено часто с ним общаться после занятий за роялем. Были у него и очень интересные книги из серии «Сделай сам» для школьников, которые мне тоже давали почитать. Наверное поэтому я и продержался на этой

музыке до середины 4-го класса, когда вдруг заявил: «Всё! Больше на музыку я не пойду». Родители сильно настаивать не стали... Тем более, что к этому времени музыкой стала уже заниматься и моя сестра Лена. А ведь к этому моменту я играл уже довольно неплохо. Вершиной моего мастерства стали «Танец маленьких лебедей» и полонез Огинского, который я играл на память с закрытыми глазами и без запинок, чем приводил моего деда в полный восторг. Это было его любимое произведение, наверное потому, что детство свое он провёл в Польше, в Варшаве и под Варшавой, и для него это была как бы «малая родина». А настоящее название этого полонеза как раз и было «Прощание с Родиной». Кстати, вторым любимым произведением дедушки была опера «Аскольдова могила», но до этого произведения я так и не добрался. Года два спустя я ещё потом мог играть полонез, не глядя в ноты, но постепенно всё забылось, забылись и ноты. И теперь только «Чижик-пыжик» и «В траве сидел кузнечик» одной рукой — это всё, что я смогу наиграть.

## Сестра

Жил я в основном в Томилино с мамой Ией и её родителями Еленой Аркадьевной и Владимиром Александровичем. Папа мой, Виктор Федорович, проводил со мной воскресенья, а в будние дни часто оставался ночевать в Москве со своей мамой, моей бабушкой Марией Никандровной. В Москве на Верхней Красносельской они и жили в одной комнате в коммуналке, на втором этаже. Это был двухэтажный бревенчатый дом с отоплением от печей. В каждой комнате была своя печка, которую зимой нужно было постоянно топить. У каждой семьи был свой сарай, в котором с осени запасали дрова и уголь. Кухня была общая и там была газовая плита и умывальник. Туалет и ванная тоже были в доме, но горячей воды не было. Была водогрейная колонка, которую каждый раз нужно было топить дровами.

Очень хорошо помню, как дедушка взял меня с собой в Москву. Мы на электричке приехали в Москву, на Верхнюю Красносельскую, где и жила тогда бабушка Маня. Потом туда же приехал с работы

мой папа. Дедушка «поймал» такси («Победу») и мы все вместе поехали забирать из роддома мою маму и мою сестрёнку Лену (в тот момент она ещё Леной не была, а имя ей еще только выбирали). Её могли бы назвать и Ольгой или Евгенией, но в конце концов она стала Еленой. Из роддома Лену повезли сразу в Томилино. На улице было очень холодно, середина января. А дома было тепло — тогда отопление в Томилино было печное, но с батареями, как тогда говорили, «парового отопления». Топили печку утром каждый день дровами и углём, а когда на улице было особенно холодно, то и к вечеру подтапливали. И вот моя мама развернула одеяла и пелёнки, и все домашние пришли на «смотрины» моей сестры. Потом был праздничный ужин, но я точно помню, что первое время сильно ревновал — ведь теперь всё внимание доставалось моей маленькой сестрёнке. Декретный отпуск в те давние времена был всего четыре месяца — два месяца до родов и два после. Потом можно было ещё на три месяца молодой маме взять отпуск за свой счёт, и это всё, нужно было выходить на работу.

Моя нянечка Олечка уже с нами не жила, и дедушка нашёл нам с сестрой новую няню — Надю. Это тоже была девушка из деревни под Смоленском, но совсем не такая добрая и заботливая как «моя» Олечка.

Мама сначала кормила Лену грудью, а когда стала ездить на работу, то дневное кормление моей сестры поручалось Наде. Процесс был очень занимательный и я всячески старался в нём участвовать — сначала приготавливалась молочная смесь и наливалась в бутылочку с соской.

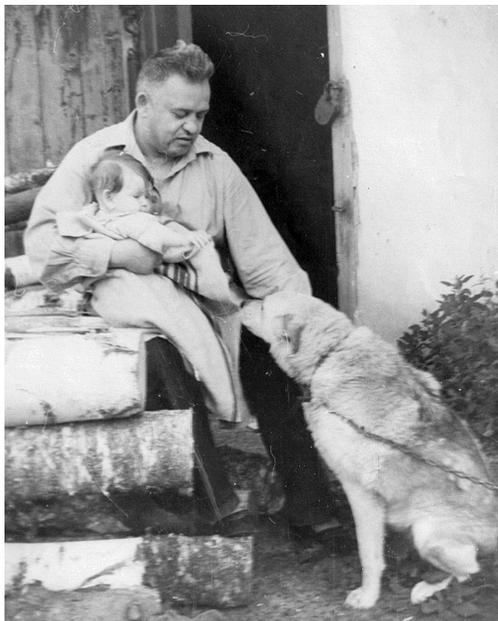
Потом Надя «наваливалась» своей большой грудью на Лену, чтобы та не очень вырывалась, и начинала кормить Лену из этой бутылочки. А я с погремушками в каждой руке как мог развлекал сестру, чтобы она «удивилась и поела». Часто Лена набирала полный рот молока, а потом фонтаном выплёвывала, что очень сердило нашу няню.

Часто приезжала помогать в Томилино и бабушка Маня, и тогда процесс кормления и укладывания Лены спать намного упрощался. Бабушка знала множество детских песенок и сказок и умело заговаривала нас с сестрой во время кормления. Бабушка Маня была очень верующей, часто ходила в церковь и поила меня сладенькой

водичкой, как она говорила, «святой водой». Показывала мне книги с иконами и пыталась научить молиться. Но меня это тогда мало интересовало. Особенно учитывая то, что мои мама и папа относились к этим попыткам бабушки очень отрицательно. А мамы родители придерживались нейтралитета.

Однако моя мама мне потом рассказывала, как бабушка Маня однажды вылечила её волшебным образом. Мама моя заболела, я был ещё совсем маленький, а бабушка должна была уехать из Томилино в Москву. Мама моя и говорит бабушке: «Как же я с маленьким буду управляться, вся больная?» А бабушка её перекрестила несколько раз, пошептала что-то. Она уехала, а моя мама буквально через час поправилась. Потом мама спрашивала у бабушки Мани: «Что Вы сделали?» А та ответила: «Я тебя вручила святому Николаю, он тебя и излечил».

Хорошо помню и зимние прогулки с мамой и Леной. Тогда у нас были высокие плетёные санки — как коляска, но с полозьями. Лену долго одевали и заворачивали в пелёнки и одеяла, потом одевали меня, Лену укладывали в санки и, пока мама одевалась, я гордо «стерёг» сестру около



Папа, маленькая Лена и наш пёс Рекс  
Лене тут всего 6 месяцев



Моя сестрёнка Лена, уже подросла...



Мы с сестрой Леной в 1961 году



На этом снимке мы с сестрой вместе с родителями летом 1958 года. Лене всего 6 месяцев, а у меня в руках моя любимая игрушка...

дома. Гулять часто ходили в Томилинский лесопарк. Тогда это был настоящий лес, но с дорожками и лавочками. В дальнем углу нашего двора была калитка и так называемый «проходной двор» и через него можно было сразу выходить на радиополе, а там и до лесопарка было не так далеко.

Пока мама кормила мою маленькую сестру, у нас появился «молочный брат». На улице Фурманова у молодой мамы пропало грудное молоко, и моя мама несколько месяцев подкармливала и этого маленького ребёнка.

## Бухаревы

А в соседнем доме около моего «молочного брата» жила мамина подруга Анна Ивановна Бухарева. У неё тоже была в то время маленькая дочь. Муж Анны Ивановны был, кажется, дипломатом или работником торгового представительства и длительное время работал в нашем посольстве в Китае. Когда дети подросли, Анна Ивановна тоже жила в Китае вместе с мужем. Каждый их приезд в отпуск в Томилино был заметным событием, и всегда они привозили какие-то подарки. Например, мне как-то подарили замечательный китайский автомат, похожий на советский ПППШ. В автомат вставлялись батарейки, и он трещал и мигал лампочкой. В то время это был уникальный «шедевр», наши игрушечные автоматы делались тогда в основном деревянные и максимум могли иметь механическую трещотку. Правда сломал я этот китайский автомат примерно за неделю и очень горько потом плакал. Все, кто пытался помочь моему горю и починить эту игрушку, потерпели неудачу...

Дедушке моему тогда были подарены китайские карты, которые были очень красочные и удивительно сладко пахли. Причём этот замечательный запах исходил от этих колод с картами ещё несколько лет. Взрослые часто играли по вечерам в эти карты, а я сидел рядом на диване и нюхал вышедшие из игры карты. Моя бабушка Маня потом научила меня играть в карты в пьяницу и в дурака, но китайские карты мне не давали, приходилось ограничиваться старыми советскими или даже, наверное, ещё и дореволюционными.

Дедушка мой, Владимир Александрович, очень прилично играл в шахматы. Он даже выиграл первую премию в турнире на Томилинской птицефабрике, где работал тогда в плановом отделе. Он мне потом рассказывал, что ему предложили на выбор в качестве приза деревянные шахматы (пластмассовых тогда и в помине не было) или мандолину. Он выбрал шахматы, а мандолина досталась шахматисту, занявшему второе место. Кстати, муж Анны Ивановны тоже хорошо играл в шахматы и когда бывал в отпуске, то часто играл с моим дедушкой. Дедушка пытался научить меня играть в шахматы, но я особого рвения не проявил. Хотя со временем действительно стал тоже неплохо играть в шахматы и даже иногда умудрялся выигрывать у деда (правда теперь я уверен, что он просто иногда мне поддавался или «давал фору»).

## Кукольный театр

Меня всегда манил чердак в нашем доме в Томилино, а также нижний ящик в бабушкином зеркальном шкафу. Там можно было найти удивительные старинные вещи. Как жаль, что я не понимал тогда истинную ценность и уникальность этих вещей. Например, в качестве игрушки мне как-то отдали целую пачку всяких разных денежных купюр. Там были и совсем старые, ещё царские деньги, и деньги всевозможных «правителей» времён революции и гражданской войны. Так что понятие «метр керенками» я изучал непосредственно на оригиналах. Жаль, что со временем всё это куда-то подевалось.

Также был самодельный кукольный театр, который дедушка делал своими руками для моей мамы, когда она была ещё девочкой. Дедушка очень хорошо рисовал. Все куклы и декорации были для сказки А. С. Пушкина «Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях». Был полный набор для нескольких сцен. Особенно запомнилась последняя сцена, в которой царевна должна была оживать: из фигуры спящей в хрустальном гробу царевны выдёргивалась шторка и царевна «оживала», так как за шторкой был уже другой рисунок с проснувшейся царевной. Меня и мою сестру это приводило в восторг.

Бабушка, Елена Аркадьевна, часто читала нам с сестрой сказки Пушкина. Это было очень толстое, ещё старое дореволюционное издание, где текст был с ятями и твердыми знаками. А ещё в этой книге часто встречались целые абзацы, в которых вместо букв были звёздочки. А бабушка читала и в этих звёздочках тоже, и я потом, когда сам научился читать, очень удивлялся, как она смогла расшифровать эти звёздочки. Много позже мне объяснили, что так цензоры закрывали какие-то строки по разным причинам. Что-то запрещала церковь, а что-то не нравилось правительству или царю.

Мой папа читал мне в основном сказки про русских богатырей — была у меня тогда такая очень красочная книжка. А мама часто читала книги про разных животных, кажется, автор был Бианки.

А когда я подросток, она же читала нам с сестрой «Рассказы о семье Ульяновых». Несколько раз она начинала читать «Остров сокровищ», но начало там довольно нудное и книжка эта казалась мне неинтересной. Но именно эта книга была первой, которую я сам прочитал до конца, когда учился уже в третьем классе. Причём до этого чтение было для меня «пыткой», а тут вдруг я увлёкся и читал даже ночью с фонариком под одеялом. После этого я стал «глотать» книги о путешествиях и фантастику. Жюль Верн, Конан Дойль, Беляев, Немцов и книги многих других авторов были прочитаны мной от корки до корки. Но скоро я научился читать «по диагонали» — то есть меня интересовало только динамичное развитие сюжета, а все длинные и нудные описания и переживания я просто пропускал. Часто я начинал читать книгу с конца и, если она мне нравилась, то потом дочитывал и начало.

## Сестра

Сестра моя росла быстро и как-то незаметно для меня. Помню, как года в полтора она тяжело заболела и её положили в Малаховскую детскую больницу. Выздоровливала Лена долго и тяжело, и когда её наконец привезли из больницы домой, то это было большим праздником для всех.

Потом долго нам не разрешалось играть с Леной на солнце, и ей нельзя было бегать и прыгать.

Помню, у нас было детское алюминиевое ведро, в которое собирались красивые и интересные камешки. Однажды сестра набрала полный рот этих камешков, чем очень испугала наших маму и бабушку. Потом был период, когда Лена «вредничала» — наберёт в рот камешков и бежит, смеётся. Кончилось это тем, что все эти камешки дедушка куда-то далеко выкинул, а в детской песочнице провели ревизию и ликвидировали все найденные там камни.

Калитка у нас запиралась только на деревянную щеколду. Был случай, когда Лена уже немного подросла, она открыла калитку и убежала в сторону птицефабрики. Бабушка Маня хватилась, а Лены нет. Улица у нас тогда ещё не была асфальтирована, и Лена бежала по тротуару вдоль заборов. На ней было плюшевое красное пальтишко, и это помогло увидеть её уже в конце улицы. Я догнал её почти у самого пруда и привёл домой. Здорово ей потом досталось от бабушки Мани. Она всё нас страшила крапивой и «берёзовой кашей», но не было случая, чтобы до этого действительно дошло.

Я в ясли или детский сад так и не попал. Когда я уже учился классе, наверное, во втором, то пришла почтовая открытка о том, что очередь наконец подошла и меня можно приводить в детский сад. Всем было очень весело от такой новости.

А вот сестра моя какое-то время ходила в ясли-сад, который находился в доме 35 (или 37) на улице Ломоносова. Это была чья-то старая дача, которую Томилинская птицефабрика превратила в детский сад. Меня иногда посылали вечером забирать Лену из сада домой, чему я был очень рад и горд.

В наших совместных играх Лена всегда меня слушалась, я был заводилой всяких шалостей и пакостей и иногда потом сваливал вину на сестру.

Помню как-то раз, когда Лена уже ездила на велосипеде «Школьник», который достался ей от меня в наследство, я попросил её подвезти меня на станцию. Я крутил педали, сидя на седле, а Лена сидела спереди на раме. И вот около трансформаторной будки

на нашей улице я вильнул передним колесом, и мы очень неудачно шлёпнулись в самую грязь. Чудом обошлось тогда без печальных последствий.

## Шикарный милиционер

Когда я в детстве капризничал или не слушался, то дома меня никогда не лупили. Максимум ставили «в угол», в котором я постепенно пальцем проковырял в штукатурке большую дырку. Бабушка Маня пугала меня «берёзовой кашей», а папа страшал «шикарным милиционером на белом коне с пикой и шашкой наголо», который прыскачет и заберёт непослушных детей в кутузку (я тогда думал, что кутузка — это такая огромная плетёная корзинка). Этого милиционера я представлял себе как богатыря с картинки из книжки про русских богатырей и сильно побаивался. Однажды я с родителями был в магазине около станции в Томилино и вдруг увидел «шикарного милиционера». Правда он был без коня, пики и шашки наголо, но всё равно произвёл на меня чрезвычайно сильное впечатление. Был какой-то праздник, а парадная милицейская форма в то время была с белым кителем и белой фуражкой, очень нарядная. И вот я подошёл к этому милиционеру и вдруг сказал: «А я слушаюсь». Тот был сильно удивлён, и ещё, как оказалось, жил он в доме 40 на нашей улице.

Этот дом в народе назывался «Сороковой дачей» — огромный двухэтажный дом с нелепыми пристройками, поделенный на маленькие комнатки, в которых теснились самые разные люди. Все «удобства» в них были на улице, и даже воды в доме не было. И отопление было от маленьких печек-буржук. У каждой семьи был во дворе сарайчик, в котором хранился на зиму запас дров и угля, а ещё и картошка, капуста и прочие припасы. Кто-то даже держал в таком сарайчике поросёнка. И вот однажды ночью, холодной зимой, один из жителей этого дома в своём сарайчике выпил, закурил и заснул. Все сарайчики сгорели дотла вместе с этим бедолагой и всеми зимними припасами. Пожар был огромный. Искры летели до неба. Сам дом пожарные тогда, к счастью, отстояли, а вот на месте сарайчиков ничего не осталось. Мой дедушка тогда очень

боялся, как бы и на наш дом искры не попали. В ванну на всякий случай стали наливать запас воды, чтобы если что, было откуда воду черпать. А воду тогда нужно было вручную качать в колодце во дворе и носить в дом вёдрами. Я тогда очень переживал и с тех пор всегда очень боялся пожаров.

Дома в посёлке в то время были в основном деревянные и зимой отапливались дровами и углём, и иногда в посёлке случались такие пожары, что сгорали целые дома, бывало — и с жителями, и всегда во время таких пожаров было очень страшно. Особенно когда горел дом с шиферной крышей — от высокой температуры шифер начинал громко взрываться и это было похоже на фильмы про войну...

### **А далее короткий экскурс вперёд, лет этак на двадцать пять...**

Прошли годы... И вот я уже сам стал отцом и нужно было как-то управляться с маленькой дочкой. Чтобы кушала без капризов хорошо и спать без проблем вовремя укладывалась. И однажды после очередного показа по телевидению «Бриллиантовой руки» наступило озарение, вот оно: «Управдом — друг человека». Достаточно стало тихонько постучать в стенку и сказать: «Слышишь, доченька! Это управдом сердится». Действовало великолепно, но надо было закрепить достигнутый результат. И как-то раз в центре Москвы, на площади Свердлова (теперь она называется Театральная площадь), я показал дочери этот огромный памятник Якову Михайловичу Свердлову с большущим портфелем под мышкой, и сказал: «Вот, доча, это и есть управдом. Днём управдом тут на площади стоит, за порядком смотрит, а ночью ходит и смотрит, как себя дети ведут, а непослушных забирает в свой портфель и уносит». После этого у нас в семье наступило абсолютное детское послушание и несколько лет мы с женой не знали никаких проблем.

А спустя еще несколько лет, когда дочка ещё подросла и кино по телевизору иногда смотрела, случился такой казус. Посмотрела дочка кино про войну, как наши фашистов били, а на следующий день повели мы с женой её на Красную площадь, смотреть смену

караула у Мавзолея Ленина. И вот стоим мы во втором ряду, а дочка у меня на шее сидит, чтобы ей лучше видно было, и совсем рядом с нами проходит очередная смена почётного караула. Солдаты с карабинами в руках, высоко поднимая ноги, печатают шаг, и когда они поравнялись с нами, дочка моя громко так меня спрашивает: «Папа, папа, а это фашисты?» Я сразу начинаю на неё шикать: «Тише дочка, никакие они не фашисты, это свои, наши». Дочка немного подумала и громко так констатировала: «А, это партизаны». Уж и не знаю, как бедные солдаты почётного караула свои карабины от смеха не уронили, но рядом с нами вся толпа смеялась от души.

## Рекс

Пёс по кличке Рекс был крупной сибирской лайкой. Он появился у дедушки в Томилино задолго до моего рождения и жил на улице в будке, на цепи. В детстве моём этот пёс доставлял мне много проблем во время моих игр во дворе. Пока я был маленьким, любимым развлечением Рекса было обежать вокруг меня, цепью своей дернуть и завалить меня на землю. Я начинал орать, кто-то из взрослых приходил мне на помощь, мне велели близко к собаке больше не подходить. Но стоило остаться мне одному, как я обязательно опять лез к собаке и опять оказывался на земле. Причём Рекс меня не обижал, мог лизнуть в щёку — просто он так со мной играл. По вечерам пса спускали побегать по участку. Забор был тогда крепкий и на улицу пёс не выскакивал. Он дико ненавидел кошек, но только чужих. Свой же кот, Фомка, иногда зимой даже ночевал в будке вместе с Рексом. Каждый вечер дедушка намазывал маргарином кусок чёрного хлеба и перед тем, как спустить с цепи Рекса, давал ему такую вот «конфетку». Никаких собачьих команд этот пёс не признавал, но умел «давать лапу» и с большим энтузиазмом прыгал через барьер. Хозяином Рекс признавал только деда, хотя мог погулять на цепи по улице с моим папой. Если папа приезжал с работы раньше моей мамы, то часто брал Рекса и мы с ним вместе шли на станцию встречать маму. Это был как бы такой ритуал. Особенно в день зарплаты: тогда в Томилино было не очень спокойно, хулиганов хватало.



А тут моя мама Ия с Рексом около его будки. Она наступила ногой на цепь и ругает его за то, что он опять меня уронил в сугроб

Бывали летом случаи, когда ночью Рекс, бегая по участку, прихватывал какого-нибудь хулигана — воришку, который забрался в наш сад за цветами или яблоками. Например, однажды утром у него в будке обнаружился довольно приличный, немного порванный пиджак, а к вечеру пришёл с извинениями здоровенный детина и обещал деду больше никогда не безобразничать: «Только пиджак верните, а то батя запрет».

## Велосипед

К трём годам мне был подарен детский трёхколёсный велосипед. Этот велосипед имел спереди одно колесо, а сзади два, разнесённых на длинной оси. И можно было ещё одному ребёнку встать

сзади на центр этой оси и ехать «пассажиром». Это был настоящий велосипед, крепкая железная рама, колёса со спицами, но шины были не надувные, а сплошные резиновые. А ещё можно было путем нехитрых операций с гаечными ключами превратить этот трёхколёсный велосипед в двухколёсный. Так как никаких настоящих подшипников в этом велосипеде не было, то приходилось довольно часто смазывать оси колёс машинным маслом (дедушка называл эту смазку «тавот»). Иначе уж больно тяжело было педали крутить. И как-то раз мой папа перепутал банки с машинным маслом и с олифой и смазал мой велосипед олифой. Сначала ехать стало легче, но довольно скоро олифа засохла и даже педали провернуть я уже не мог. Долго мой дедушка потом ругался и отмывал детали велосипеда в керосине.

Я довольно долго ездил на этом трёхколёсном велосипеде, а годам к шести мой дедушка настоял, чтобы меня учили ездить уже на двух колёсах. Но у меня почему-то ничего не получалось и я всё время падал и орал. Тогда на нашей полянке мои папа и дедушка встали друг напротив друга так, чтобы проехать без поддержки мне было нужно всего 1–2 метра, и стали «запускать» меня в свободную поездку на велосипеде, а потом подхватывали меня, не давая упасть. И буквально через полчаса я всё понял и научился держать равновесие сам. Это была для меня очень запомнившаяся на всю жизнь победа.

Когда я должен был пойти учиться в школу, то дедушка с бабушкой подарили мне на день рождения велосипед «Школьник» с настоящими колёсами с надувными шинами. Вообще в то время в СССР выпускалось два типа велосипедов для подростков — «Школьник» и «Орлёнок». Но «Орлёнок» был больше и тяжелее, а я был маленький и дохлый. И поэтому выбор пал именно на «Школьник».

В то время на нашем участке в Томилино можно было прокатиться вокруг всего дома и сада — дорожка была круговая. И вот в первый же день после получения такого замечательного подарка я начал учиться ездить на новом велосипеде именно по этой круговой дорожке. Быстро стало прилично получаться ездить и я ехал всё быстрее и быстрее. И кончилось это тем, что после очередного резкого поворота около веранды я не успел вовремя затормозить и на полной скорости «вмазался» лбом в сосну, при этом расколотил бабушкины горшки с цветами, которые стояли на грядке вокруг сосны, и немного погнул переднее колесо моего дорогого велосипеда. Слёз и рёва было много... Но как-то всё обошлось. Велосипед дедушка починил, а горшки мне простили. Но этот первый печальный урок я запомнил навсегда. И на этом велосипеде я ездил класса до шестого.

Конечно же все мои велосипеды переходили потом «по наследству» к моей сестре Лене.

А у моего папы в Томилино был, как тогда говорили, взрослый велосипед «Харьков» с рамой красного цвета и номером, как у автомобиля. В то время все велосипеды должны были иметь номера, которые выдавались в милиции. Когда я научился уже хорошо ездить на новом «Школьнике», то папа по выходным летом стал брать меня с собой в поездки. Это мне очень нравилось, так как каждый

раз удавалось увидеть и узнать что-то новое в посёлке и окрестностях. Был случай, когда папа взял меня с собой на Лыткаринский карьер, и мы ехали по Рязанскому шоссе, а затем в сторону Лыткарино, я впереди, а папа сзади меня страховал. И если сзади приближалась машина, то нам приходилось останавливаться и сходить на обочину. В то время машин на этом шоссе было не очень много, и наша экскурсия прошла удачно.

А потом я стал кататься на велосипеде вместе с Наташей Куликовой. У неё тоже был велосипед «Школьник», и мы постепенно объехали и изучили весь наш посёлок. Наташа ездила на велосипеде лучше меня, и ездить «без рук», то есть не держась за руль, я научился от неё. Особым шиком считалось проехать «без рук» по крутому спуску от улицы Пушкина в сторону завода алмазных инструментов. В середине этого спуска стоял какой-то магазинчик, и улица круто поворачивала направо, а потом опять налево для того, чтобы объехать этот магазинчик. И нужно было, не держась за руль, проехать всю эту улицу до самого завода. Вот однажды, когда мы катались в этом месте, я зазевался и, не свернув направо, врубился в ступеньки того магазина. Восьмёрка на переднем колесе велосипеда и здоровая шишка на лбу долго напоминали мне о том, что зевать и думать нужно быстрее, а впредь быть осторожнее.

А когда меня начали учить музыке (играть на фортепиано), то на уроки музыки я ездил на велосипеде с ранней весны и до поздней осени.

Был у меня приятель моего возраста Саша Зайцев, который жил с родителями на нашей улице Ломоносова. Его мама работала продавцом в магазине в ВУГах, а папа был шофёром и водил шестиколёсный грузовик ЗИЛ. У Саши был велосипед «Орлёнок», и мы с ним тоже часто разъезжали по всему посёлку, и был случай, когда без спроса поехали на пруд на птицефабрике и долго не возвращались. А Саша умудрился вляпаться в глубокую лужу и весь намочить. Пришлось срочно ехать к нам домой, так как Сашины мама и папа были на работе, и отмывать и сушить бедного Сашу. Сашин папа был человек простой и суровый и воспитывал сына в основном ремнём. Тогда мне удалось уговорить мою маму сходить поговорить к Сашиним родителям, и в тот раз ему «на орехи» не досталось.

## На пароходе

Мои бабушка с дедушкой (мамины родители) каждый год обязательно плавали куда-нибудь на пароходе. То до Горького, а то и до Астрахани или Перми. Уже осенью дедушка отправлялся покупать билеты на такое путешествие, так как осенью на следующую навигацию билеты продавали с большой скидкой. Был целый ритуал этих поездок. Обычно плавание начиналось в сентябре, когда дети уже пошли в школу и желающих поплавать становилось гораздо меньше. В день начала путешествия дедушка вызывал в Томилино такси или заранее договаривался с соседом Дмитрием Михайловичем, который был счастливым владельцем зелёной «Победы», отвезти их с бабушкой в Химки к отплытию парохода. Часто и моя мама их провожала, и меня иногда брали с собой. Для меня это было огромное событие. На речном вокзале в Химках всегда устраивался прощальный обед в местном ресторане и заказывалась необычайно вкусная газировка (забыл, к сожалению, название, но теперь такой нет в принципе). Потом при помощи носильщика на пароход грузились вещи и мне устраивалась небольшая экскурсия по пароходу. Ну, а потом прощание и долгая дорога домой в Томилино. Возвращение из плавания тоже было традиционное, со встречей, поездкой на такси и получением подарков. Если плавали в Астрахань, то обязательно привозили арбузы и дыни, а ещё и чёрную икру в железных баночках. Причём эти арбузы казались мне гораздо вкуснее тех, которые можно было купить в Томилино в магазинах около станции.

И вот, когда мне было лет пять, то бабушка с дедушкой однажды взяли меня с собой на пароходную прогулку по каналу имени Москвы. Было тогда такое развлечение, которое называлось Московская кругосветка. Вечером от Химкинского речного вокзала пароход отплывал и плыл по каналу до пристани «Большая Волга». В этом месте канал соединяется с Волгой. Там пароход стоял несколько часов, а потом разворачивался и к вечеру возвращался в Химки. Много позже я с удивлением узнал, что этот маршрут пользовался огромным спросом у москвичей. В Москве было очень много семей, которые жили в коммунальных квартирах, многие

молодожёны вообще могли не иметь своего угла. А тут на целые сутки можно было за небольшие деньги получить двухместную каюту, и никто не спрашивал штамп в паспорте о браке.

Но тогда я ничего этого не знал и был просто счастлив во время этой поездки. Было холодно и ветрено, но в каюте было замечательно. Дедушка ходил со мной в салон на носу парохода, где можно было поиграть в шахматы и шашки. Кормили в ресторане с газировкой, которую я тогда обожал до безобразия, и с мороженым. Пароход был колёсный двухпалубный и назывался «Иосиф Сталин». В холле висел огромный парадный портрет Сталина в мундире генералиссимуса. В салоне был его бюст. А в конце маршрута на берегу, напротив пристани «Большая Волга», стояли две гигантские статуи — Ленин и Сталин. И почти в каждом шлюзе было упоминание о Сталине, а шлюзов было очень много. Очень интересен для меня был процесс шлюзования парохода. Я старался уговорить дедушку посмотреть каждый шлюз. А ещё дедушка договорился с механиком парохода (я думаю, что он дал ему рубля три) и мне устроили экскурсию в машинное отделение — это было незабываемо. Огромные механизмы крутили колёса парохода, всё это блестело и гремело...

Читать я тогда ещё не умел, и бабушка читала мне замечательную книжку с картинками «Доктор Айболит». В то время у меня была привычка кусать ногти — все пальцы у меня были обкусаны, часто до крови. И вот, если во время чтения я начинал вдруг этим делом заниматься, то бабушка вставляла в рассказ примерно такую фразу: «А доктор Айболит в это время бегал по палубе и кусал ногти» или «Бармалей от досады стал кусать ногти». Это меня забавляло, и я прекращал дурное занятие. Кстати, в детстве бабушка Лена почему-то придумала для меня ласковое имя «Калач», но мне оно не нравилось и я сердился и, с досады, ещё сильнее начинал грызть ногти. Помню, как несколько раз мне даже мазали ногти горчицей, но это мало помогало, а закончилась эта дурацкая привычка внезапно и как-то сама собой, когда я пошёл во второй класс школы.

Вечером после возвращения в Химки дедушка взял такси «Победу», и в Томилино мы прибыли быстро и с шиком. При этом дедушка сидел на переднем сиденье, а я у него на коленях. Никаких ремней безопасности тогда не было и в помине. Кстати, поездка

из Москвы в Томилино на такси стоила тогда рубля три, а пенсия дедушки была около 100 рублей в месяц. И, между прочим, путь из Химок (кольцевой автодороги вокруг Москвы тогда ещё не было) проходил через Красную площадь. По Красной площади ездили машины и ходили трамваи.

Спустя несколько лет, уже когда не стало моего отца, мы с сестрой и мамой плавали летом на пароходке до Горького и обратно. Из Москвы до Горького плыли по Оке, а обратно уже по Волге и каналу имени Москвы. И во время того путешествия мы встречались в Рязани с нашим родственником Славой Сергеевым. Он приходил тогда на пристань вместе со своим младшим сыном Вадимом.



Слава, Вадим, Лена и моя мама Ия в Рязани около пристани на Оке в 1966 году

На одной из стоянок парохода мы вместе с мамой и Леной гуляли по берегу, а я бросал камешки в реку, стараясь сделать как можно больше отскоков камешков от воды. И вот один раз бросил неудачно и случайно попал сестре камнем в лицо. Лене было очень больно и обидно, а мне стыдно, и долго я потом переживал из-за этого случая. К счастью, обошлось тогда без последствий.

## Телевизор

Сколько я себя помню, телевизор дома в Томилино был, хотя и появился он явно не сразу после моего рождения. Дело в том, что мой родной дядя — Игорь Владимирович Бородаевский — был страстным радиолобителем. Он и радиоприёмники с «нуля» собирал, и антенны на крышах строил. И всё это начиная с 30-х годов, когда ещё учился в школе в Фаустово. Его увлёк этим делом тамошний учитель физики, и радиолобительство стало делом всей жизни Игоря. К сожалению, несмотря на огромный талант и настойчивость, Игорь Владимирович после школы не пошёл учиться в институт или техникум и так и остался одарённым самоучкой. Он и строительством занимался, и электрику освоил в совершенстве. Во время Великой Отечественной войны Игорь Владимирович служил связистом. Имел награды, ранение и контузию.

Совсем недавно, когда эта книга была почти готова, удалось получить фото моего дяди Игоря Владимировича Бородаевского во время его службы в армии. Фото, вероятно, сделано после вручения наград группе отличившихся фронтовиков весной 1944 года. Игорь Владимирович на этом фото крайний справа. Медаль «За отвагу» он получил в 1942 году, а здесь он награждён орденом Славы III степени.

Большое спасибо Ирине Камардиной, внучке Игоря Владимировича, за эту находку.

А после войны дядя вернулся домой с сундуком, набитым немецкими радиодетальями, чем очень расстроил свою жену Галину и сына Евгения. И это были все его трофеи, в отличие от многих других фронтовиков, вернувшихся живыми с войны. Позднее Игорь Владимирович добыл где-то телевизор КВН-49 для своих родителей



Игорь Бородаевский на фронте

и установил его в Томилино. Это был огромный тяжеленный деревянный ящик с малюсеньким круглым черно-белым экраном диаметром 18 сантиметров, который потреблял уйму электроэнергии, грелся и гудел. Но он работал и показывал целые две московские телепрограммы. А перед экраном была установлена огромная пластмассовая линза, которую наполняли дистиллированной водой или глицерином. Смотреть нормально телевизор можно было только в полной темноте, так как яркость экрана была небольшая. Вечером перед телевизором собиралась вся семья, а часто и соседи приходили «на огонёк». В 19:30 показывали кинофильм по первой программе, а в 21:30 по второй. Ну и конечно, новости, которые дедушка всегда смотрел с большим интересом. Начинались телепередачи, кажется, часа в 4 дня — показывали детскую передачу или мультфильм, а после вечерних кинофильмов всякая телетрансляция заканчивалась.

Периодически телевизор ломался, и тогда надо было ждать свободного выходного у Игоря или вызывать «специалиста» из Люберецкого телеателье, который всегда брал за вызов три рубля, а результаты его визита часто были не всегда очевидны. В тех телевизорах использовалось аж целых 16 радиоламп, которые часто «перегорали» или теряли «эмиссию» и их приходилось заменять на новые, а какие лампы поставил «специалист», было не совсем понятно (новые или от предыдущего отремонтированного телевизора). Или

какие-то другие детали часто выходили из строя и их также приходилось заменять. Естественно, я всегда крутился около телевизора во время его очередного ремонта и считал почти богом человека, который разбирался в огромных схемах и мог починить этот удивительный прибор.

Антенну на крыше тоже устанавливал Игорь Владимирович и периодически приходилось что-то чинить и на крыше. А в летнее время года нужно было ещё и «заземлять» антенну после каждого просмотра телепередач на случай внезапной грозы.

Через несколько лет Игорь Владимирович увлёкся модернизацией этих старых телевизоров и постоянно что-то переделывал и модернизировал. Сначала он пробовал всё на своём домашнем телевизоре в Ухтомке, а потом на телевизоре родителей в Томилино. В результате помню этот телевизор уже с экраном диаметром 31 сантиметр и ящиком с надставленными фанерой боковыми стенками, так как новая «трубка» в старом стандартном ящике уже не помещалась. Несколько лет проработала эта модернизированная конструкция, пока не была наконец заменена на заводской телевизор «Старт-3» (тоже с экраном 35 сантиметров), который умел показывать уже 3, а в дальнейшем и 4 программы. Этот телевизор проработал у нас много-много лет, и даже мои дети смогли смотреть телепередачи на этом аппарате.

А Игорь Владимирович делал потом и цветные телевизоры, но уже из готовых некондиционных блоков, которые начали тогда продавать в магазине «Пионер» на улице Горького недалеко от Белорусского вокзала. Замечательный был магазин. Я тоже потом, когда сам стал радиолюбителем, пристрастился его «навещать» — там за копейки можно было купить всякие «неликвиды», детали и проводочки, или неисправные блоки от самого разного радиооборудования.

Ну, и конечно, был в Томилино и радиоприёмник. Сначала СИ-235, который дедушка получил после войны со склада в Томилинском поселковом совете. В самом начале войны все граждане СССР были обязаны под страхом ареста и тюрьмы сдать свои радиоприёмники властям, разрешалось иметь только «чёрную тарелку» радиотрансляции. А после войны, когда стали возвращать радиоприёмники, многих из сдававших уже не было в живых, и разрешалось выбрать из ржавой кучи на складе любой аппарат. А году в 1958

дедушка купил уже современный радиоприёмник с проигрывателем пластинок «Восток-57», как тогда говорили, «радиолу». Приёмник стоял сверху на пианино, и я до него не доставал, хотя очень хотелось ручки на нём покрутить. Потом я все-таки приноровился залезать с ногами на пианино и крутить эти ручки, когда никто из взрослых этого не видел. Дедушка купил целую кучу пластинок, как тогда говорили, «долгоиграющих» — 33 оборота в минуту (старые же пластинки были для граммофонов или патефонов на 78 оборотов в минуту и на одной стороне пластинки помещалась только одна или две песни). Это были классические произведения — опера Бизе «Кармен» и что-то в таком же духе, и конечно любимая дедушкина вещь — полонез Огинского. Когда я ещё подросток, то мне стали разрешать заводить эти пластинки и я устраивал вечерние концерты для родных.

На чердаке под самой шиферной крышей была натянута антенна, и приёмник позволял слушать множество радиостанций. Мне очень нравилось медленно крутить ручку настройки и пытаться поймать какую-то редкую радиостанцию. Иногда бабушка слушала какие-то иностранные радиостанции на английском, немецком или французском языке и потом обсуждала с дедушкой какие-то новости, часто тоже не по-русски. Ну и иногда пытались слушать «Голос Америки» или «Би-Би-Си» на русском языке, хотя их постоянно глушили, но если удавалось что-то услышать сквозь гул и рёв, то считалось что здорово повезло.

## **Бассейн «Москва»**

Летом, когда я окончил третий класс, родители вдруг решили, что меня нужно срочно учить плавать. И мою соседку по песочнице Наташу Куликову её родители тоже решили учить плавать. Но мой дедушка настоял, чтобы поручить это дело профессионалам, и нас двоих стали возить учиться плавать в Москву, в открытый бассейн «Москва» около станции метро «Кропоткинская». Были куплены месячные абонементы, резиновые шапочки и купальные костюмы, и поначалу нас с Наташей возил или её папа на машине, или мой дедушка на электричке и в метро. Это происходило раза два в неделю. В бассейне были тренеры, которые за нами приглядывали и честно

пытались научить плавать, но, к сожалению, я оказался плохим учеником. Даже теперь, спустя 50 с лишним лет, я так и не умею нормально плавать. Конечно, что-то я могу, но в основном, после непродолжительного бултыхания на месте, начинаю медленно погружаться на дно, правильно пуская при этом пузыри.

Тренерам моё бестолковое обучение быстро надоело, и мне в основном предлагалось передвигаться вдоль канатов с поплавками, держась за них, или плавать с пенопластовым плотиком. Но всё равно бултыхание в воде под открытым небом по 45 минут на каждом сеансе, наверное, мне немного добавило здоровья и болеть я на какое-то время стал меньше.

А самым приятным и незабываемым в посещении бассейна был традиционный поход после сеанса плавания в кафе рядом с бассейном, в котором нам купались необычайно вкусные сардельки или сосиски с тушёной капустой и кофе.

На следующий год попытка обучения плаванию опять была повторена, причём к этому делу подключили и мою сестру Лену, а также младшего Наташиного брата Сашу.

Сначала нас опять возил кто-то из взрослых, а потом Наташе, как самой старшей, было разрешено возить нас на электричке и на метро уже без сопровождения взрослых. На электричке мы четвером доезжали до Казанского вокзала, потом на метро до «Кропоткинской». И после плавания шли в то самое кафе за сосисками. Незабываемое впечатление осталось от этих занятий. А на обратной дороге мы ещё и умудрялись полакомиться мороженым. Денег нам давали немного, поэтому покупалось только два мороженных и каждое делилось пополам.

Спустя несколько лет, когда я уже учился в техникуме, то на уроке физкультуры нас тоже несколько раз водили в этот бассейн «сдавать зачёты по плаванию». Но все попытки учителя физкультуры и тренера спихнуть меня в центральную часть бассейна, где было очень глубоко, окончились для них неудачей. Я упирался как только мог, и они в конце концов плюнули на это дело и зачётную тройку мне поставили. Почти все остальные мои сокурсники уже прилично плавали, а некоторым даже тренер разрешал прыгнуть с вышки. Помню, была в нашей группе девочка Света Журавлёва, которая бесстрашно прыгала с 10-метровой вышки солдатиком.



На этом снимке мой дедушка, Владимир Александрович, с Сашей Куликовым и моей сестрой Леной в сквере около бассейна «Москва»

Некоторые мальчики, глядя на неё, тоже забирались на эту вышку, но почти никто из них так и не отважился тогда прыгнуть вниз.

## Друзья и игры

В друзьях у меня тогда были все ребята примерно моего возраста с нашей улицы. Участок наш казался мне тогда огромным. Бабушка разводила цветы: тюльпаны, гладиолусы и георгины постоянно цвели всё лето. Был и небольшой огородик, но в основном там росла клубника. Полно было малины, груш и яблонь. Вдоль дальнего забора росла ирга. Но большая территория была «дикая» — там росла крапива, высокая трава и какие-то непролазные кусты. Дедушка периодически пытался с этим бороться, но довольно безуспешно. Раз за лето нанимали косцов, которые косили высокую траву и забирали на корм своим коровам. Таким образом нам было где поиграть и в войну, и в прятки, а на полянке можно было поиграть в мячик, в основном играли в вышибалы или в «съедобное — несъедобное». Доходило до того, что по двору носилась и горланила ватага из 10

и более детей. В саду у нас были качели и гамак, на которых мы все с удовольствием качались. А в глубине сада был летний душ, в помещении которого был наш «штаб» и где мы постоянно во что-то играли.

Осенью, когда начинала опадать листва, мы обязательно строили очередной «шалаш», который сверху покрывали кленовыми листьями. Был случай, когда в таком шалаше около летнего душа мы пытались устроить печку из какой-то чугунной штуковины. Разожгли огонь из тех же листьев, предварительно плеснув туда керосина. Нам повезло чудом — соседка как раз вышла в сад и увидела наш костер, начала на нас кричать, и мы с большим трудом сумели тогда погасить огонь. Душ и стоящий рядом деревянный забор почти не пострадали. Но дедушка, предупрежденный соседкой, нам в наказание этот наш шалаш снёс полностью.

Также было интересно «химичить» — что-то смешивали, а потом обычно поджигали. Спички тогда стоили 1 копейку и детям их продавали — пошлют меня в магазин за хлебом или молоком, а я заодно и пару коробков спичек прикуплю, вроде как родители велели. А вот папиросы «для опытов» нам не продавали. Но нас выручала Наташа Куликова — ей, как старшей, папиросы продавали для её отца, чем мы иногда и пользовались.

Первый раз курить я попробовал уже в первом классе и учил меня этому Вова Герман, который жил вместе со своей бабушкой в сороковой даче напротив нашего дома. Он тогда учился в одном классе с Наташей Куликовой, но почему-то считался отпетым хулиганом. Курить тогда мне не понравилось, но все же пробовали и отказаться было невозможно. Потом пытались курить и индийский чай, заворачивая его в кусочки газеты и воображая себя «взрослыми».

Во время одного такого «опыта» мы подожгли кусок рубероида, а он когда горит, то красиво капает горячей смолой. От этого эксперимента у меня на всю жизнь осталась на руке отметина от ожога горячей смолой.

Дети вообще-то часто бывают резки и несправедливы к своим сверстникам, иногда по совершенно случайным поводам. Например, одна из девочек младшего возраста, которая тоже тогда часто играла

с нами, как-то сказала: «Попа тебе» и показала эту свою часть. И всё, больше мы с ней никогда не играли, хотя наверняка этому её научили другие дети в детском саду, куда она ходила.

Или был случай, когда мальчик показал, как здорово шевелит ушами, и сказал, что когда вырастет, то электротоком закрепит уши, чтобы больше нравиться девочке. Тут же он стал «лопоухим» и это прозвище прилипло к нему навсегда.

Иногда к нам приводили поиграть детей «из приличных семей», родители или бабушки с дедушками которых считали, что «уж у Бородаевских-то их дети



Наташа Куликова (слева) и Оля Захарова в далёком детстве



Друзья детства (слева направо):  
Галя Свистунова,  
Люда Фельдман,  
Галя Ушакова  
и Саша Куликов

и внуки ничему плохому не научатся». Как же жестоко они ошибались...

Однажды привели к нам поиграть мальчика с соседней улицы, родители которого были очень обеспеченными дипломатами. Мы как раз играли в карты, в дурака. Мальчик Эдик играть в карты, конечно, не умел, но мы быстро его этому научили, буквально за один вечер. Разговорились, и Эдик сказал, что он ходит в школу «для одарённых детей». Кличка «Одарённый ребёнок» моментально к нему приклеилась, и мы только так его и называли. Причём он потом это тоже узнал и на нас уже не обижался.

Часто заводилой наших игр была Наташа, которая, как самая старшая, могла нас чем-то увлечь и настоять на своём. С её подачи мы играли в школу. А потом она организовала кукольный театр. Сами клеили кукол, примитивных, но зато сами. Под навесом повесили старый ковёр, который отделял нас от зрителей. Наташили скамейки и табуретки и вечером при свете карманных фонариков у нас был «аншлаг» — детей набралось десятка два. Показывали что-то мы вдвоём с Наташей, на ходу придумывая продолжение действия. Помню что-то про путешествие на Луну и что там нужно было зачем-то залезать милиционерам на голову. Ерунда, конечно, полная, но все дети были в диком восторге...

Когда я учился в младших классах, то дружил с одноклассником, который жил на соседней улице, Володей Смолянниковым. Но в пятом классе его оставили на второй год, и дружба наша постепенно ослабела. Был случай, когда, начитавшись журналов «Юный техник», мы с Вовой решили выяснить, где в электрической розетке плюс, а где минус. В опыте с батарейкой от карманного фонарика и стеклянной банкой с раствором поваренной соли с двумя электродами всё было просто и понятно, у какого электрода пузырьки видны, там и минус. А в розетке как? Физику в школе мы ещё не проходили, поэтому начали выяснять опытным путём. Нашли два куска провода и сунули их в электрическую розетку, а другими концами в банку с раствором соли. Рвануло прилично. Пробки предохранительные сразу вышибло, свет в доме погас, и это спасло нас от ожогов, электрических травм и пожара. Вот так, опытным

путём, мы и узнали, что в розетке, оказывается, течёт переменный ток, и очень приличный, убить может...

Володя тоже интересовался радиолюбительством, но в радиокружок в доме пионеров ходил редко. Зато потом он увлёкся модным в то время радиохулиганством. На основе радиоприёмника или телевизора и с помощью дополнительной самодельной приставки-радиопередатчика можно было выходить в радиоэфир в диапазоне 150–200 метров. Считалось престижным поговорить по радио с таким же радиохулиганом, высказаться в эфире или завести в эфир свою любимую пластинку. Наши доблестные специальные органы, которые тогда назывались просто, коротко и ясно — КГБ, активно боролись в то время с такими неорганизованными радиолюбителями. По улицам часто ездили специальные машины — радиопеленгаторы и отлавливали этих хулиганов. При этом без суда и следствия конфисковывалась вся радиоаппаратура в доме, как орудия преступления, да ещё и штраф приличный заставляли платить. При этом качать свои права никто из выловленных радиохулиганов даже не пытался. Были известны и случаи попадания на лесоповал особенно активных радиохулиганов за повторные нарушения. Вот мой приятель и попал однажды под такую раздачу. Из дома забрали всё, даже приёмник-радиоточку проводной трансляции. Отец его за эти шалости крепко выдрал, и Володя от радиолюбительства как-то отошёл, интерес, наверное, пропал.

Дружба наша с Володей постепенно расстроилась и последний раз мы виделись с ним летним вечером перед его уходом на службу в Советскую армию.

А в доме напротив Володи жил Лёня Ламбин, тоже нашего возраста. Иногда он также принимал участие в наших играх, но обычно он держался несколько высокомерно, и крепкой дружбы с ним у меня тогда не получилось. И был у этого Лёни замечательный пистолетик-пугач, купленный у старьёвщика, который периодически приезжал на телеге, запряженной лошадьёю, и менял на тряпки всякую всячину. У того же старьёвщика можно было и гипсовые пробки, заряженные бертолетовой солью с фосфором, для такого пугача купить. Пробка вставлялась спереди в ствол пугача и при выстреле огонь и грохот был как у настоящего пистолета. Очень я тогда Лёне завидовал...

Много лет спустя, когда Лёня работал фотографом и руководил кружком юных фотографов в детском санатории в ЦээСе, я иногда помогал ему по компьютерной части. Даже какой-то старый компьютер с монитором ему тогда отдал. Иногда мы с ним встречались и что-то обсуждали. Лёня потом помог мне забор построить, так как он оказался неплохим сварщиком. Но внезапно он трагически погиб...

## Фильмоскоп в сарае

Как-то раз, на Новый год, мой папа купил нам с сестрой настоящий фильмоскоп и несколько диафильмов. Для нас с сестрой это было какое-то волшебство. В зимние каникулы мы неделю обычно жили у бабушки Мани в Москве, в Измайлово. Каждый вечер папа вешал простыню — экран, и мне доверялось вставлять и крутить диафильм, а папа читал нам текст на экране. Наверное, это было, когда я учился во втором классе и читать тогда просто ненавидел и умел плохо. А следующим летом мы уже в Томилино устроили «кинотеатр» в сарае. Занавесили окно, притащили скамейки. Сами делали и «продавали» билеты, был у нас даже звонок перед началом сеанса. Я крутил плёнку в фильмоскопе, а Наташа Куликова вслух читала текст. А ещё мы в сарае откопали старый патефон моей мамы и перед «сеансом» заводили пластинки. Конечно, патефон таких мытарств не перенёс и был мною потом разобран «на детали». На такой сеанс собиралось детей 10–12 и все были очень довольны. После диафильмов часто играли в карты в дурачка или в домино. Также играли в шашки в «Чапая», когда нужно было щелчками выбивать шашки противника на доске. А если детей было много, то играли в мяч в «вышибалы» или «съедобное — несъедобное».

Всеми правдами и неправдами мы с Наташей пытались покупать новые диафильмы. Например, вместе с Наташей мы собирали пустые бутылки, мыли их и сдавали в приёмный пункт на Томилинском рынке, а на вырученные деньги покупали мороженое и очередной диафильм. Пустая бутылка тогда стоила 12 копеек (от шампанского — 17 копеек), а диафильм цветной стоил 30 копеек (чёрно-белый только 20 копеек).

## В лес с отцом

Мой папа, Виктор Фёдорович, очень любил ходить по лесу в тишине и покое, собирать грибы и ягоды, и довольно хорошо разбирался в съедобных и несъедобных лесных дарах. Я, к сожалению, этих знаний всячески чурался, неинтересно мне это в детстве было. Довольно часто летом, особенно во время отпуска, папа брал меня и сестру в лес. Это была целая экспедиция — вместе с нами соседи обычно отпускали и своих детей. И вот 5–6 детей, а иногда и ещё больше, во главе с моим папой выдвигались в Лыткаринский лес. Обычно такую толпу папа вёл пешком до конца улицы Ломоносова, мимо пруда, через Рязанское шоссе и территорию Томилинской птицефабрики в сторону песчаных карьеров. Никакого Новорязанского шоссе тогда даже в проекте не существовало, поэтому мы шли через поля мимо цехов птицефабрики и попадали сразу на опушку леса. А на этой опушке было старое кладбище немецких военнопленных. После войны в этом месте был лагерь для пленных немцев, которые строили на птицефабрике новые цеха (вместо тех, которые они во время войны разбомбили) и дома. Дома хорошие получились, до сих пор стоят почти как новые. Но некоторые пленные в процессе работы умирали от старых ран и болезней. Там их и хоронили. Почему-то местные мальчишки считали, что в этих могилах можно найти золотые вещи или хотя бы золотые зубные протезы. И поэтому почти все эти могилы были разрыты, а кости и черепа были разбросаны по всей опушке. Я слышал, что взрослые это осуждали, но у кого-то были дома и настольные лампы из черепов, и кости встречались (в школе мальчишки костями хвастались и в них играли). Жуткое было место, и мы быстренько стороной его обходили. А дальше был густой и чистый лес. Там мы бегали и играли в прятки и конечно в войну с сухими ветками и палками вместо ружей, а сосновые шишки были у нас вместо гранат. Иногда мы доходили и до ближайшего карьера с белоснежным песком и огромными гранитными камнями. Карьеры использовались для добычи этого замечательного песка для Лыткаринского стекольного завода, на котором делали тогда всякие оптические приборы (много позднее я узнал, что огромные зеркала для многих советских телескопов изготавливали именно на этом заводе). Карьеры

были глубокие, с чистой и очень холодной водой. Туда были проложены рельсы, и песок грузили экскаваторами прямо в вагоны для доставки на стекольный завод. Иногда даже дома было слышно, как в карьерах взрывали гранитные плиты или углубляли карьеры при помощи взрывов.

Так вот иногда, когда в таком походе были только мы с моей младшей сестрой, можно было и искупаться, но я плавать не умел и холодной воды очень боялся. Но бывало, что папа быстренько окунался. Он здорово умел плавать, но только по-собачьи, и громко при этом фыркал. Был случай, когда мы с папой и моей сестрой были на карьере, и внезапно пошёл сильный дождь. И вот мы все, мокрые и замёрзшие, с трудом втиснулись на остановке в автобус, чтобы домой ехать. И тут услышали, как все пассажиры автобуса обсуждали полёт женщины-космонавта. Пока мы были на карьере, по радио объявили о космическом полёте Валентины Терешковой.

Помню, как папа лечил свой радикулит (он говорил, что зарабатал его на фронте) при помощи утюга и листьев лопуха. Лопух поручалось собирать мне. Потом на поясницу папе выкладывали эти листья, накрывали тонким одеялом, и моя мама или бабушка старательно гладили папу горячим утюгом.

Папа и его мама, моя бабушка Маня, почему-то считали, что ягоды ирги, которая росла у нас в саду, помогают от многих болезней. И летом папа старательно собирал эти ягоды, а потом их долго сушили, раскладывая на газетах. А зимой бабушка часто заваривала эти ягоды как чай и пила или готовила из них компот либо кисель.

Осенью бывало, что вместе с мамой и папой мы ходили и за грибами. Правда потом весь грибной улов папа ходил показывать соседу, Николаю Николаевичу, который очень хорошо разбирался в грибах. И бывало, что тот и забраковывал кое-что из собранного урожая.

Мама моя тоже очень любила ходить в лес, она просто там отдыхала вдали от суеты. Но с ней мы обычно ездили в лес на автобусе в сторону Лыткарино. Остановка в лесу называлась, кажется, «Волкуши».

А ещё папа водил нас с сестрой в музей. Навсегда запомнился Политехнический музей, в котором мы с отцом были несколько раз,

и планетарий. Да и ВДНХ, и Парк Горького со всевозможными аттракционами были для нас частым местом посещений в те далёкие годы.

По субботам в Томилино был целый ритуал походов в прачечную в посёлок ВУГИ (Всесоюзный угольный институт). Пакеты с грязным бельём везли на велосипеде летом или на санках зимой, а обратно везли уже чистое бельё. Часто руководил таким походом мой папа. Запомнилось, как папа иногда декламировал во время этих походов такое стихотворение:

Я иду по большой дороге,  
А навстречу везут навоз.  
Я хотел бы, чтоб эти дроги  
Заменял бы электровоз.

Или такое:

Вдруг остановка, кондуктор ловко  
Вагон поставил и в путь отправил...

Мама моя как-то раз сказала, что это папа сам сочинил, хотя больше никогда я от него стихов не слышал.

А вот рядом с прачечной было и несколько продуктовых магазинов. Причём посёлок ВУГИ считался привилегированным и его магазины снабжались гораздо лучше (почти как в Москве), чем магазины в Томилино или на Птицефабрике. И в магазине часто покупались какие-то сладости для нас с сестрой.

## **Дачник Лёша и сосед Аркадий**

В то далёкое время было очень модно у москвичей на лето выезжать на дачу в Подмосковье. Народ был тогда не очень богатый, автомобили были для большинства недоступны, и считалось, что лучше проводить лето с детьми в тишине и на свежем воздухе недалеко от Москвы. Многие жители держали тогда коров, кур или коз, и парное молоко очень котировалось среди москвичей. Это только в году, наверное, 1960-м,

Н. С. Хрущёв, руководитель наш дорогой, уничтожил подсобное хозяйство в Подмоскovie, да и во всей стране, и порезали тогда всех коров на мясо, а до этого только на улице Ломоносова даже я знал трёх коров — бурую, рыжую и чёрную с белыми пятнами.

И вот многие жители Томилино тогда часто сдавали на лето комнаты в своих домах москвичам. Причём это обязательно регистрировалось и в домово́й книге, и в местной милиции, так как участковый милиционер в любой момент мог прийти и проверить соблюдение «паспортного режима», и никого это тогда не возмущало. Даже моего отца на лето временно регистрировали в Томилино, хотя у него была постоянная московская прописка.

И мои дедушка с бабушкой тоже сдавали на лето комнаты на втором этаже нашего дома. Уже начиная с ранней весны по выходным часто по улицам ходили потенциальные дачники и договаривались об аренде помещений на летний сезон.

И вот много лет арендовала у нас на лето комнату мама с сыном Лёшей. Сын этот постепенно рос и рос. У него был ревматизм, и даже летом он ходил в тёплых зимних ботинках. Лёшина мама работала много лет химиком в каком-то военном учреждении, и, возможно, это и было одной из причин болезни сына. Лёша явно имел великолепные художественные способности и очень хорошо рисовал и лепил из пластилина. А в соседнем доме №29 жил его приятель — ровесник Аркадий, и они часто вместе играли. Я был тогда ещё мал и меня к своим играм они не подпускали. В то время всю шла настоящая война во Вьетнаме. Каждый день по радио и в газетах сообщалось об очередных победах северовьетнамских войск. Даже я с интересом слушал подобные сообщения. В какой-то момент вдруг вьетнамцы стали сбивать американские самолёты по десятку в день. И наше радио взахлёб рассказывало о подвигах вьетнамских зенитчиков и ракетчиков, например примерно так: «Славный северовьетнамский воин Ван Ли-Си-Цын сбил сегодня три американских стратегических бомбардировщика». Так вот, в то время многие мальчишки играли в войну во Вьетнаме против американцев. Лёша и Аркадий лепили из пластилина модели американских и советских самолётов и танков, причём очень качественно, со всеми мелкими деталями и раскрасками. А потом играли этими самолётиками в войну.

Кто за наших будет играть, а кто за американцев, они разыгрывали каждый раз по жребью. Меня они даже близко к своему «полю боя» не подпускали, только потом я видел «разбитые» самолёты и танки, которые к следующей игре заново восстанавливались. А ещё они делали из проволоки всякие военные атрибуты. И, например, наручники из проволоки иногда примеряли на мне, если я сильно их донимал своими вопросами.

Аркадий потом быстро вырос и стал по примеру своего отца интересоваться техническими видами спорта, мото- и автогонками, катерами и скутерами. Отец его, Дмитрий Михайлович, ездил на работу в Москву на мотоцикле, а потом купил разбитую машину — такси «Победа» и постоянно с ней возился, восстанавливал, красил и чинил. И Аркадий ему в этом активно помогал, а потом и сам даже стал иногда ездить на этой машине по посёлку Томино, хотя прав у него тогда ещё не было.

У Аркадия был здоровый рыжий пёс Джек. Зимой Аркадий часто, на зависть всем нам, катался вдоль по улице на санках, в которые был запряжен этот пёс. Санки были высокие и сзади можно было стоять на полозьях, что Адик и делал. Пёс этот жил в отгороженном загоне рядом с входной дверью и очень ревниво охранял вход в дом.

В то время многие дворы на нашей улице официально считались «проходными», то есть любой мог пройти через такой двор на соседнюю улицу. Даже наш двор какое-то время считался проходным, пока в соседнем дворе не построили глухой забор и не завели злую собаку. И вот однажды летом кто-то, проходя через двор Аркадия, зачем-то завернул в сторону собачьего загона. Джек, естественно, возмутился такому нахальству и тяпнул непутёвого прохожего. Поднялся большой переполох и скандал, дядя тот побежал жаловаться в милицию и пришёл с разборками местный участковый милиционер. И тоже попёрся сразу в собачий загон. Мы всей командой в это время сидели на веранде и играли в карты. Вдруг раздались несколько выстрелов, и бедного Джека не стало. Но Джек успел-таки этого милиционера сильно покусать. Для нас, ребят, эта была большая трагедия с очень сильными переживаниями

У Аркадия были двоюродные брат Адик и сестра Бэлла. Адик был моложе меня, а его сестра немного моложе моей сестры Лены, и мы

часто играли все вместе, когда этих детей привозили на лето в Томилино. Их родители были как-то связаны с внешней торговлей, поэтому и одевали детей в заграничную одежду, и игрушки у них были удивительно великолепные. Все наши мальчишки страшно завидовали серебристому пистонному револьверу Адика. Жаль только, что наши отечественные пистонные ленты по 4 копейки, которые продавались в магазине «Культтовары» на станции в Томилино, плохо подходили к этому револьверу.

Но во время наших игр Адик, Бэлла и Лена во всём слушались меня, как старшего, что мне очень тогда нравилось. И многим «хулиганствам» они тогда научились от меня.

В следующем доме по нашей улице жила тогда моя ровесница, кажется Света, которая тоже часто участвовала в наших играх. Её дедушка был лётчик, Герой Советского Союза. У него тоже была автомашинка «Победа» бежевого цвета, и он постоянно лежал под ней и что-то ремонтировал. С утра в выходной день выкатит машину из гаража — и под неё. Вечером вылезает из-под машины и закатывает её обратно в гараж. Когда уж он на ней ездил, я даже и не знаю. Помню, как со Светиной бабушкой случилась беда — она полезла на чердак, упала с лестницы и сломала позвоночник. И я видел, как её увозила скорая помощь в больницу, что было для меня просто шоком. Потом Светина бабушка очень долго лечилась.

Ну а в доме №27 тогда жил мальчик Юра Танюхин. Почему-то он считался отпетым хулиганом, и мне даже какое-то время запрещалось с ним играть, но втихаря и его мы вовлекали в наши игры в войну, в прятки, вышибалы, в доктора и больницу и т.д. Уже учась в школе, этот Юра что-то крепко нахулиганил, а вскоре после окончания школы попал в тюрьму, а потом его следы затерялись.

А вот дачник Лёша, когда подрос, остался в своих игрушках, разве что ненадолго, но всерьёз увлёкся фотографией, девушками и вином. Даже когда Лёше было уже лет 17–18, он продолжал играть и тогда уже привлекал к своим играм вместо Аркадия меня. Например, мы могли часами играть с Лёшей в детские кубики. Кубиков у меня тогда было очень много. Из них на полу в большой комнате на втором этаже строились крепости, замки и дворцы, а потом из катапульта (дощечка на кубике) кубиками же всё это

великолепие и разрушалось. Кто первый разрушит все укрепления «противника», тот и победил. И Лёша часто «мухлевал», и мне было обидно до слёз, когда он побеждал.

А ещё спустя несколько лет Лёша играл со мной и другими моими приятелями в «ОБОМ» — Оборонительно-боевой отряд «Мушкетёр». Такая красивая надпись была на двери в большую комнату на втором этаже. И помогал делать всякие деревянные ружья и автоматы, которые стреляли проволочными пулями. Верхом его творения был самострел — арбалет «Вельзевул», который стрелял деревянной стрелой со стальным наконечником гораздо выше деревьев и, наверное, мог запросто убить человека. Вместо тетивы использовалась резиновая полоса из камеры от «Победы», и натягивать такую тетиву приходилось вдвоём.

## Тобик и Барсик

Я уже рассказывал про кота Фомку, которого я терроризировал в детстве. И когда я пошёл в школу, этот кот вскоре пропал. Тогда почти в каждом дворе в Томилино были собаки, наверное, бедный кот и погиб в драке с очередной собакой, драчун он был отменный.

После этого какое-то время кошек у нас в доме не было. Мыши радовались и отчаянно плодились. Дошло до того, что уже днём по дому бегали. Дедушка ставил мышеловки и почти каждое утро выносил очередную мышь, которая попалась на сыре или колбасе.

А я всё время канючил, что хочу котика, и однажды дедушка сдался и принёс от знакомых маленького серого, с белым носиком котёнка. Так у нас появился Тобик. Я возился с ним день и ночь, спал с ним в обнимку, и котёнок тоже отвечал мне взаимностью. Летом нужно было накопать и заготовить песок для кошачьего туалета, и это я тоже делал с энтузиазмом. Когда кот немного подрос и стал уже ходить гулять на улицу, то в туалет ещё долго всё равно приходил домой. Тобик быстро сам научился ловить мышей и птичек и делал это виртуозно.

А ещё примерно через год к нам «приблудился» чёрный с белыми пятнами котёнок, которого называли Барсик. Дедушка смирился, и теперь у нас два кота в доме жили, а мышей в доме не стало.

Главной хозяйкой коты признавали только мою бабушку Лёну. Она их кормила и лелеяла. Дедушка только терпел... Главной задачей котов было незаметно пробраться на бабушкину кровать, и тогда они были в безопасности. Кот становился плоским и незаметным и тихо-тихо крался мимо дедушкиной кровати и кресла. Если дед его вовремя не заметил, то финальный прыжок — и вот она, заветная кровать бабушки Лёны.

Поначалу Барсик вёл себя очень прилично. Помню, как он спал на диване в столовой, а на столе были всякие вкусности, но он на них никак не реагировал. Но постепенно в нём проснулся, наверное, его отец или дед и он стал страшным вором. Воровал еду он страстно и самоотверженно. Например, однажды наш сосед приехал с работы домой на своей «Победе» и, оставив приоткрытой форточку в машине, пошёл в дом. А за задним сиденьем лежали его покупки и в том числе пара килограммов сосисок. Барсик среагировал мгновенно — не прошло и пары минут, как он тащил в зубах связку этих сосисок, длинный хвост которой тянулся за ним, и спрятался под домом. Несколько дней потом он выбирался из-под дома, только чтобы воды попить, а дедушке пришлось компенсировать соседу понесённые убытки.

Около бабушкиной комнаты, примерно в полутора метрах от окна, росла сосна. И вот Барсик приноровился забираться на эту сосну, немного повыше окна, и начинал орать благим матом — откройте же форточку, хозяева. Стоило её открыть, как он начинал прицеливаться и раскачиваться, а потом в прыжке влетал прямо в комнату. А вот Тобик так прыгать не научился и лез прямо по окну, чем очень расстраивал моего дедушку — ведь окно потом приходилось лишний раз чинить и красить.

Холодильники тогда были редкостью, и зимой многие хранили продукты в авоськах, вывешивая их за окно. Все соседи уже знали: если какую-то еду у них вдруг украли, то надо идти ругаться к Бородаевским. Барсик приноровился красть даже на окнах второго этажа в сороковой даче. Как он это делал, я не видел, но однажды ему не повезло, и кто-то из соседей его за это убил. А ещё через несколько лет пропал и Тобик.

А вот потом в нашем доме стали появляться разные приبلудные кошки, которых всячески прикармливала моя бабушка Лёна.

Некоторые кошки были «допущенные к столу» и дому, а другие только кормились на крыльце из рук бабушки, а в дом не входили.

Для кормления кошек специально покупалась рыба: килька, салака, минтай, а иногда и хек. Крупная рыба резалась на кусочки, а мелкая просто складывалась в большую банку. Бабушка выходила на крыльцо и кричала: «Коты-ы-ы!» И со всех сторон из кустов и соседних участков мигом сбегались коты и кошки. Иногда до 10–15 штук. Бабушка каждому коту выдавала по кусочку или по целой рыбке, а потом и наливала в миску молока. И так каждый день. Кошки эти плодились, а дедушка вынужден был хоть как-то регулировать кошачье поголовье. При этом дедушка постоянно ворчал, но терпел...

Например, был у нас в то время абсолютно чёрный котёнок, который приболудился холодной зимой и был сильно болен — он постоянно чихал и плевался соплями. Его все жалели, впускали в дом и прозвали Чихачом. Несколько лет он так и прожил в нашем доме, и даже дедушка с этим смирился. Бывало, дедушка сидит в столовой за завтраком, а Чихач осторожно подходит и очень деликатно трогает дедушку за брючину лапкой. Дедушка и говорит: «Эти жёлтые пуговицы опять на меня смотрят» — у кота этого были огромные жёлтые глаза. И дедушка отрезает кусочек от своего бутерброда и даёт Чихачу.

А в доме напротив, в сороковой даче, жила старая кошка, которую мы прозвали Бабушкой. Так бывало, что эта кошка приходила к нам и приносила с собой какую-то добычу — мышку или птичку и старалась подкормить многочисленных котят, которые постоянно появлялись около нашего крыльца.

После смерти моей бабушки в 1973 году все эти коты и кошки довольно быстро куда-то исчезли из нашего дома и сада, как будто поняли, что не стало их хозяйки и покровительницы.

## **Брат Виктор, фотодело и ракеты**

В 1967 году мой троюродный брат Виктор Агрономов после службы в Советской армии поступил учиться в МВТУ. Жил он тогда в студенческом общежитии и хотел стать конструктором автомобилей. В то время отца моего уже не было в живых, а его мама, моя бабушка Маня жила одна на квартире в Измайлово. Виктор довольно

часто стал заезжать в гости к бабушке Мане, помогал ей по хозяйству и иногда оставался у неё ночевать. Как-то раз, во время новогодних каникул, когда и я тоже жил у бабушки, мы с Виктором познакомились поближе, и он взял меня под свою опеку. Знал он очень много и умел интересно про всё рассказывать. Так у меня появился старший брат и товарищ. Витя был очень увлечённым фотолюбителем и пристрастил к этому и меня. Ещё в последний год жизни мой папа подарил мне фотоаппарат «Смена-8», и я уже умел немного фотографировать, начитавшись книжки «Юный фотолюбитель». Но в совершенстве этому делу обучил меня именно Витя.

Бывало, что мы встречались с ним в субботу вечером у бабушки и всю ночь сидели при красном свете фотофонаря и печатали фотокарточки. А в воскресенье их промывали, сушили и обрезали на фоторезаке. Витя даже взял напрокат полупрофессиональный фотоувеличитель «Ленинград», чтобы лучше наши фотокарточки получались. И он, и я фотографировали в то время всё подряд, и это было очень мне интересно.

Позднее, когда я увлёкся радиолюбительством, Витя помогал мне совершенствоваться и в этом деле.

А ещё он научил меня строить ракеты... Это было очень и очень интересное дело. В то время никаких китайских фейерверков нигде не продавалось и всё нужно было делать своими руками. В хозяйственном магазине покупалась калийная селитра и сера. В лесу нужно было найти остатки свежего костра и собрать древесный уголь. Древесный уголь можно было и самому изготовить. Для этого брался кусок толстой стальной трубы и набивался деревянными чурками. Потом оба конца трубы надо было обмазать глиной и долго-долго нагревать в уличной печурке, которую дедушка мой использовал для сжигания бытового мусора. После этот уголь толкушкой в железной банке растирался в пыль. Все компоненты ракетного топлива тщательно отмеривались и взвешивались на самодельных весах, причём в качестве гирек использовались советские монеты — 1, 2, 3 и 5 копеек. Копейка весила ровно 1 грамм, а пятак, соответственно, 5 граммов. Точно работал тогда Монетный двор в Москве.

Потом нужно было в магазине «Культтовары» (или «Охотник») умудриться купить бумажные гильзы для охотничьих патронов

под капсюль «жевелю» — у них отверстие снизу как раз подходило на роль сопла ракетного двигателя. А дальше нужно было запрессовать «ракетное топливо» в эту гильзу. Делалось это просто, в тисках, деревянной или металлической толкушкой и молотком, причём молотком колотить приходилось от души. И всё это для того, чтобы топливной смеси в двигателе помещалось побольше и горела она равномерно. Сверху гильза тщательно закрывалась пыжами и заклеивалась. Ну а потом ещё нужно было обычным сверлом через отверстие под капсюль снизу высверлить в смеси канал для ускорения процесса горения. Позднее этот опасный процесс сверления я заменил на заранее установленную в сопло двигателя деревянную палочку или толстый гвоздь.

Саму ракету мы клеили из ватмана, который выпрашивала у родителей Наташа Куликова. А еще она помогала мне делать электрозапалы для наших ракет из старых проволочных сопротивлений — реостатов, которые мы находили на свалке около Томилинского завода полупроводниковых приборов в ЦЭЭСе (классное это было место, эта свалка, чего только там не валялось).

Наконец ракета была готова. Первое испытание мы устроили в Томилинском лесопарке, около речки Пехорки. Всей нашей большой командой поехали туда на велосипедах, в сумке везли ракету и метровый направляющий штырь для запуска, метров 10 провода и батарейки. Первый раз было страшно... Но дуракам везёт! Ракета наша с шумом и огнём взлетела метров на 20, перевернулась и с рёвом шлёпнулась рядом с нами, никто не пострадал.

И с этого момента дело пошло. Были летние каникулы после 6-го класса. Всё лето мы только и занимались тем, что строили ракеты, пытаясь их постоянно совершенствовать. Запускать ракеты стали прямо на полянке за домом 33, по нескольку ракет за вечер. Стоило первую запустить, как отовсюду сбегались мальчишки, да и взрослые приходили посмотреть. Наловчились мы так, что когда ракету запускали вертикально, то её не видно было. Только потом появлялась в небе точка, которая шлёпалась со всей силы об землю. Никаких парашютов мы не использовали. Так что ракеты у нас были одноразовые.

После кто-то надоумил нас сделать деревянные направляющие по типу «Катюши» и запускать ракеты наклонно, под углом 45 градусов — тогда получалась максимальная дальность полёта. И вот

с полянки от дома 33 ракета летела над всей улицей и часто попадала в пруд на птицефабрике.

Был случай, когда у ракеты после старта отвалился плохо приклеенный стабилизатор, и она, внезапно рыскнув, влетела прямо на чердак одного из ближайших домов. Хорошо, что хозяин этого дома тоже был в тот раз среди зрителей. Никогда я не видел, чтобы этот толстый дяденька так быстро бегал... К счастью, пожара тогда не случилось, но по шее я, кажется, получил.

Раз как-то я услышал на улице разговор двух местных бабушек о моих развлечениях: «А Бородаевский-то горящими головнями кидается». Это меня так соседи иногда называли, по фамилии моего дедушки.

Пробовал я и ракетное топливо на смеси сахарного песка и селитры. Сделал ракету, и попытался запустить — из сопла полез горящий расплавленный сахар и вся ракета сгорела на старте вместе со стартовыми направляющими. Но горела красиво и со спецэффектами...

Пределу совершенства нет, поэтому постоянно что-то улучшалось в ракетах и в их двигателях. Вот однажды сосед Аркадий посоветовал добавить в топливо немного чистого бездымного пороха — мол, так лучше работает. Были у него в то время винтовочные малокалиберные патроны, из которых, зажав плоскогубцами и осторожно раскачав и вытащив пулю, можно было высыпать из гильзы порох. Двигатель я делал как обычно, в дедушкином сарае, смесь прессовал от души. В какой-то момент, после очередного удара молотком, двигатель сработал. Всё произошло мгновенно — взрыв, огонь, пламя до потолка. Рядом стояла банка с топливной смесью — она тоже сгорела как факел. Чудом огонь не перекинулся на стены и крышу сарая. В левой руке я как держал толкушку, так она и пригорела к моей руке. Кожу с руки я потом, сгоряча, снял, как перчатку и только тут пришла настоящая боль. Бегом к колодцу и стал руку поливать холодной водой. Тут и мама прибежала на мои вопли. Остаток лета я провёл в перевязках и с постоянным запахом мази Вишневского от ожогов. И моя мама поставила мне ультиматум — никаких ракет...

Пришлось мне стать радиолюбителем.

Правда, год спустя пару ракет я всё же сделал и запустил, но быстрого кайфа уже не получил и всё в ракетном деле прекратилось само собой.

Как-то однажды пришли ко мне знакомые ребята с птицефабрики, постарше меня, со своей ракетой из дюралюминия с просьбой помочь с заправкой. Насыпал я им из остатков моей смеси. Но они сначала насыпали в корпус ракеты какой-то дряни, а уже сверху мой «составчик». Запускать они решили около пруда на птицефабрике. Все пошли смотреть... подожгли, сначала полезла из сопла какая-то горящая дрянь, потом ракета всё же поднялась метров на 10, развернулась и с рёвом врезалась в землю. В следующий раз они заправляли свою ракету уже без моих советов, чистым порохом, хотя я и рассказал им о своих опасениях и бедах. Подожгли, ракета с грохотом рванула на месте, как хорошая мина, и только осколки и кусочки от металлического корпуса полетели в разные стороны. Но никто не пострадал и всё на этом и закончилось.

## Радиокружок

Радиолюбительством я начал заниматься ещё и до ракет, глядя на моего дядю Игоря и на Геру — сына учительницы музыки. В Московском «Детском мире» в то время были замечательные отделы Радио, Фото и Сделай сам, где можно было купить за копейки всякую всячину. В том числе в Радиоотделе продавались бумажный пакетик «Сделай сам детекторный радиоприёмник» за 70 копеек и наушники «Тон-2» за 2 рубля. Вот ещё в 4-м классе я и выпросил у родителей такой наборчик в качестве подарка на Новый год. Набор для детекторного приёмника представлял собой три палочки, дощечку, кусочек жести и бухту провода. И, конечно, полупроводниковый диод Д-2 и приличная инструкция по сборке.

Возился я долго. Потом выяснилось, что нужно ещё и внешнюю антенну и заземление иметь — без этого такой приёмник работать не мог. Пришлось мне привлечь моего приятеля и вместе с ним натягивать во дворе антенну. Я высоты дико боялся и на берёзу лазил мой приятель Саша Зайцев. Долго ничего у меня не получалось. Потом,

через неделю мучений, вдруг я услышал в наушниках какую-то московскую радиостанцию. Радости моей не было предела.

Тут как раз и дядя Игорь заезжал, и он объяснил мне мои ошибки в сборке схемы приёмника.

Потом мне на день рождения дедушка с бабушкой купили в Томилино в магазине «Культтовары» и подарили наборчик «Сделай сам карманный радиоприёмник», но ничего путного у меня не получилось. А хороший дедушкин знакомый, который, как выяснилось, был безумным радиолюбителем, со мной заниматься не захотел и не стал.

Так бы и заглохли мои радиоопыты, но после ракет надо было что-то делать...

В школе познакомился я с мальчиком на класс старше меня, кажется, фамилия у него была Голосов, который рассказал мне, что ходит в Томилинский дом пионеров в радиокружок. Вот он меня туда впервые и привёл. На соседней улице Чернышевского был обычный большой бревенчатый дом, который носил гордое имя Томилинский Дом пионеров и школьников.

Руководителем радиокружка был сильно пожилой Василий Александрович Венсяцкий, который постоянно курил как паровоз. Человек 10 ребят моего возраста и постарше что-то пилили, строгали и паяли в маленькой комнатке, заставленной шкапами со всякими детальками. Всё это богатство Василий Александрович добывал на всяких предприятиях из неликвидов и помоек. В основном радиодетали отдавал и дарил Томилинский завод полупроводниковых приборов и воинская часть в ЦЭЭСе. Например, была в тех шкафах целая куча старых танковых радиостанций времен войны и каких-то полувоенных переговорных устройств. А ещё и в подвале пятиэтажки, в которой жил Василий Александрович, тоже был устроен склад всяких приборов и устройств. И из этого склада иногда что-то волшебным образом пропадало. Позднее как-то раз Василий Александрович взял меня с собой на этот склад за какими-то деталями и показал мне там свою конструкцию охранной сигнализации, а также пачки старых советских денег со специальной несмываемой краской. Утверждалось, что эту краску смыть ничем невозможно и такие деньги раньше использовались для того, чтобы ловить воров и прочих «расхитителей».

Меня без проблем взяли в эту компанию, и я тоже стал с каким-то мальчиком опиливать напильником текстолитовую пластину для какого-то стенда радиопередатчика. Занятия проходили два раза в неделю. Все модели брались из журналов «Радио», «Моделист-конструктор» и из книги «Юный радиолюбитель».

Через некоторое время в радиокружке появилось ещё два руководителя. Один из них, Анатолий, работал инженером в институте ВУГИ и у него в соседней пятиэтажке, где он жил, была своя коротковолновая радиостанция с огромной антенной на крыше. В то время было очень престижно и модно иметь свою радиостанцию. Такие радиолюбители ночами просиживали за поиском редких позывных в эфире и пытались связываться со всем миром. Потом, если сеанс связи состоялся, то в качестве подтверждения радиолюбители обменивались по почте своими QSL-карточками (для этого они обычно использовали красивые открытки со своим штампом), и по количеству подтверждённых связей оценивалась степень мастерства радиолюбителя. Часто все стены около радиостанции были обклеены этими карточками. Анатолий решил построить радиостанцию и в доме пионеров. После ремонта к дому пристроили небольшую комнату для радиостанции, а на крыше появилась коротковолновая антенна, которая могла прямо из комнаты при помощи штурвала и шестерён вращаться для улучшения качества связи с нужным направлением. Воинская часть подарила старый списанный радиоприёмник «Крот», а вот радиопередатчик наши ребята под руководством Анатолия строили своими руками на огромных радиолампах ГУ-32, которые больше светили и грели воздух, чем излучали радиоволны. Когда всё это заработало, то ещё пару месяцев ждали получения радиопозывного и разрешения от КГБ на право работы в эфире. Кажется, позывной наш был UA3KBF (при работе по радио голосом это произносилось так: «Ульяна Анна Три Киловатт Бразил Форм»). И работа в эфире закипела. Были ребята, которые проводили на радиостанции всё свободное время, все выходные и праздники, часто и ночи (по ночам коротковолновые связи лучше всего получаются и на намного дальние расстояния за счёт многократного отражения радиоволн от ионосферы). А ещё Анатолий пытался преподавать нам теорию электротехники и электроники, рассказывал, как работают радиолампы.

До сих пор помню, как целый час он что-то рассказывал про анодно-сеточные характеристики радиоламп, а мы что-то записывали в тетрадки, ничего при этом не понимая.

Для связи на большие расстояния обычно в то время использовалась морзянка. При помощи телеграфного способа связи нужно было передавать сообщения ключом азбукой Морзе и на слух принимать ответные сообщения. Пришлось ребятам учить азбуку Морзе. Этим занимался ещё один руководитель (к большому сожалению, я забыл его имя), который служил в воинской части, а по вечерам преподавал нам свою науку. У нас появился профессиональный пульт для обучения телеграфистов и все ребята с энтузиазмом взялись за изучение азбуки Морзе на слух. Некоторые ребята потом достигли приличных успехов в этом деле, но у большинства энтузиазм постепенно угас. А следующим летом случилось несчастье — наш Анатолий трагически погиб на работе при испытаниях нового угольного комбайна, и радиостанция наша осталась без руководителя и зачахла.

Но мне почему-то больше нравилась конструкторская работа по изготовлению разных устройств и стендов.

Был случай, когда Василий Александрович предложил сделать для Томилинской птицефабрики автомат включения ночного освещения, и мы с энтузиазмом провозились с этим проектом месяца два-три. Тут уже и летние каникулы начались, а толком ничего не получалось. Но всё же к концу лета добились мы этот автомат и даже приличный корпус из фанеры для него сделали. Показывать свою работу нас пригласили в дирекцию птицефабрики. Все нас хвалили, мы этот автомат директору оставили в надежде, что его как-то будут использовать, но кончилось это всё ничем. Правда троим или четверым нашим ребятам на птицефабрике выписали премию — по 10 рублей, что в то время было приличными деньгами. И я тоже попал тогда в эту группу, чем очень гордился. Ещё мы делали световой тир, блок охранной сигнализации, ёмкостное реле и многое другое.

Помню электронную таблицу умножения, которую Василий Александрович хотел использовать для обучения своего внука. Это

был набор ключей, списанных с телефонной станции, и сложнейшая схема соединений этих ключей с батарейками и лампочками, взятая из журнала «Радио». Я очень долго возился со сборкой этой конструкции, дошёл до того, что уже спаял коммутацию умножения на 5, а дальше было ещё сложнее и запутаннее. И я сдался, вернул всё Василию Александровичу. Он сам тоже помучился пару недель и так и забросил эту безумную конструкцию в дальний угол.

Всем этим конструированием я с энтузиазмом и занимался вплоть до окончания 8 класса и еще некоторое время, пока учился на первом курсе техникума. Затем новые интересы отвлекли меня от дома пионеров, но ещё много лет я продолжал поддерживать добрые отношения с Василием Александровичем и помогал ему чем мог.

Василий Александрович рассказывал мне, что он в молодости был военным комиссаром, как в 1937 году был арестован по доносу, долго сидел в лагерях, а в конце 50-х годов был полностью реабилитирован. Он позже читал своё «дело» и узнал, кто написал на него донос. Этот человек потом перед ним каялся и просил прощения, но ничего исправить было уже невозможно.

# Пора в школу

---

Когда мне пришла пора идти в школу, то как раз в это время мои родители получили новую квартиру в Измайлово на улице 2-я Советская. Тогда это была окраина Москвы. Совсем недавно тут были подмосковные деревни Измайлово, Калошино и так далее. Кольцевая Московская автодорога еще только строилась. Но станция метро «Измайловская» уже была. Эта была станция конечная и находилась уже наверху прямо в здании метродепо. Район быстро застраивался хрущевскими пятиэтажками. Школ не хватало. И меня было решено отдать в школу в Томилино, чтобы я был «под приглядом» маминых родителей. Тем более, что в этой же самой школе в детстве училась и моя мама. Но «прописан» я был в Москве и ещё по старому адресу на Верхней Красносельской улице. Прописаться по новому адресу к 1 сентября родители не успели.

Дедушка мой позвонил в Томилинский поселковый совет, поговорил с его председателем и получил нужную записку. И в день моего рождения, уже перед самым 1 сентября, меня зачислили в школу на улице Чехова. Дорога в школу занимала минут 15–20. В «Детском мире» мне купили школьную форму. Это была настоящая суконная форма с гимнастёркой и широким ремнём и с форменной фуражкой с кокардой. Мальчики первоклассники были похожи на маленьких солдатиков, а девочки были одеты в длинные коричневые платья и чёрные фартуки. У всех девочек были косички с бантиками. Кстати, уже в третий класс я пошёл в новой форме,

в которой гимнастёрка была заменена на обычный пиджак, а вместо фуражки был дурацкий берет.

1 сентября меня провожали в школу всей семьёй. Букет цветов был, наверное, больше меня. Помню, как наша учительница, Валентина Петровна, водила нас по всей школе «на экскурсию». Школа казалась мне огромной. В классе меня посадили на первую парту около двери вместе с такой же маленькой девочкой в больших очках. Звали её Ира Сониная и она мне сразу почему-то не понравилась. Но мы с ней были самые маленькие по росту в классе. Читать, а тем более писать я тогда не умел, только знал некоторые буквы из «Азбуки». Я ведь в детский сад никогда не ходил. А почти все остальные дети уже умели по крайней мере читать. Считать я тоже толком не умел даже до десяти. Поэтому всё в школе мне было поначалу интересно, всё в диковинку. А на стене в классе были развешаны разные портреты. Я на этих портретах тоже никого знакомого не увидел и был очень удивлён, что про какого-то маленького мальчика «с кудрявой головой» остальные дети что-то рассказывали, а к 7 ноября учили какие-то стихи о нём. Мне ни родители, ни тем более бабушки и дедушка никогда ничего подобного не рассказывали. Папина мама показывала мне книжки с картинками про Бога и говорила, что это очень важно знать, а в школе про это вообще ничего никто не говорил. Станным мне всё это тогда показалось. Папа провёл со мной воспитательную беседу «о текущем политическом моменте», дедушка его поддержал, и мне кое-что стало понятно. Дома можно говорить и спрашивать всё, что угодно, а в школе лучше помалкивать и слушать.

Постепенно я втянулся в учёбу. Сначала нас учили писать буквы и цифры простыми карандашами. Потом учительница постепенно стала разрешать тем, у кого стало прилично получаться, писать и перьевой ручкой. Помню, что, когда мне разрешили писать ручкой и поставили в отверстие на крышке парты чернильницу-непроливайку, я был очень горд собой. Кстати о чернильницах — может быть, они и непроливайки, но очень часто случалось, что чернила проливались на парту или на одежду первоклассников. Утром, перед первым уроком, чернильницы раздавали на парты. Сначала это делала учительница с помощью технички — так тогда называлась бабушка, которая дежурила на первом этаже около гардероба, мыла

полы и вытирала за нами чернильные пятна. А потом учительнице стали помогать дежурные по классу, которые гордо носили на руке красную повязку с надписью «Дежурный». Ещё помню, была должность с повязкой с красным крестом «Санитар». Мальчики очень не любили дежурить санитарями, а девочкам это даже нравилось. Дежурному санитару полагалась ещё и сумочка через плечо, в которой лежали бинтик и ватка.

Постепенно всем ученикам разрешили писать перьевыми ручками. Появился у нас предмет чистописание, на котором нужно было по прописям обводить образцы букв, а потом писать по этому образцу целые строчки. У меня неплохо получалось и мой почерк до пятого класса был очень приличный.

Помню, что классе во втором в прописях были стихи А. С. Пушкина: «Румяной зарёю покрылся восток...» и так далее, а заканчивалось это строками: «Проснулись люди, спешат на поля, вернулось солнце, ликует Земля». И в учебнике было то же самое, и мы учили это наизусть. И эти последние строки просто резали мне слух, ну не мог Пушкин такой муры написать. Прозрение пришло только в восьмом классе. Мы как раз проходили творчество Пушкина, и одна из девочек, кажется, её звали Люда Жигалова, принесла в класс томик из полного собрания сочинений А. С. Пушкина. Стихотворение то, оказывается, называлось «Вишня», всё там было в рифму, ничего слух не резало, и мы всем классом зачитывались этой интересной вещью. Нас, оказывается, столько лет обманывали...

И я тут же полез в бабушкино дореволюционное издание произведений Пушкина. Там текст был ещё с ятями и твёрдыми знаками. И было там это стихотворение, но многие строки, а иногда и четверостишия целиком были из одних звёздочек вместо букв. И вообще в том издании было очень и очень много звёздочек, царская цензура не дремала.

Хуже всего у меня было с физкультурой — я не мог сделать практически ничего. Вот что значит домашнее воспитание... По заборам и деревьям я лазить не умел — мой дедушка считал это неприличным. Что такое рогатка, я не знал, камнями кидаться не умел. Даже босиком никогда не ходил — дедушка говорил, что так ходят

только «босяки». Кто это такие, я не понимал, но на всякий случай их опасался.

Помню, был интересный случай с моей соседкой по парте Ирой Сониной. Учебники, чтобы обложки не мазались и через год можно было их передать следующему поколению учеников, наши родители в то время нам оборачивали в газету или в простую обёрточную бумагу. И вот Ирине её мама старательно обернула какой-то учебник в газету «Правда», а портрет Ленина получился как раз точно по центру учебника. А Ира взяла и нарисовала усы, как у кота, на этом портрете. Сидели мы с ней на первой парте у самой входной двери. И вот заходит парторг школы по какому-то вопросу в наш класс и видит такое безобразие. Сняла она очень аккуратно с этого учебника ту газету и говорит: «Ты так больше, девочка, не делай, не нужно так делать». И ушла с газетой в руках... Теперь-то я понимаю, как тогда Ире и всей её семье повезло, что это были шестидесятые годы, а не тридцатые или сороковые. Ведь могли бы и всю её семью за такое посадить, на всю оставшуюся жизнь. А с Ирой мы потом даже подружились.

В октябрята нас принимали уже поздней осенью в первом классе. Я ничего этого тогда не понимал, и звёздочка мне досталась какая-то пластмассовая, а не металлическая, как у других ребят, и я из-за этого очень почему-то переживал.

А вот в третьем классе к 7 ноября нас принимали уже в пионеры. И происходило это в Москве, в Траурном зале Музея Ленина. Было очень торжественно и страшно. Потом была экскурсия по музею, и больше всего мне тогда запомнился автомобиль, на котором возили Владимира Ильича. Перед этим мы долго учили в школе какие-то стихи про Ленина и про пионеров, а моя мама по вечерам читала нам с сестрой книжку «В семье Ульяновых». В результате к четвёртому классу я уже «усреднился» и не задавал больше никому глупых вопросов о текущем политическом моменте.

Председателем совета нашего пионерского отряда сразу после принятия в пионеры и до конца 8-го класса в нашем классе бесценно была Люба Парфёнова. Отряд наш назывался почему-то имени Вали Котика, героя-пионера, погибшего в борьбе с фашистами. Учительница наша, Валентина Петровна, читала нам

какую-то книгу про этого пионера и даже фильм какой-то нам показывали, но ничего не запомнилось. А пионерская дружина нашей школы носила имя летчика — Героя Советского Союза Николая Власова, который был сбит и замучен фашистами в концлагере. Мать Николая Власова жила в Люберцах, в военном городке летчиков, и как-то раз мы, пионеры, даже навещали её, и она нам рассказывала о своём сыне. Я тогда учился уже в 8-м классе и пытался снять эту встречу на плёночную кинокамеру и записывать рассказ на магнитофон. В Люберцах был сделан Вечный огонь, посвящённый памяти этого летчика, и наша дружина (и я в том числе) присутствовала на открытии этого памятника.



9 ноября 1963 года я с папой, мамой и сестрой Леной — меня приняли в пионеры

Болея я, участвуя в школе, очень часто и, пока в начале третьего класса я опять болел, ребята нашего 3 «А» класса вдруг выбрали меня старостой и сильно потом об этом пожалели. Я слишком дословно понимал тогда, что такое порядок и дисциплина, и, когда наша учительница Валентина Петровна выходила из класса, пытался добиться полной тишины и неподвижности. Короче, дурак я был ещё тот, и на следующий год старостой меня уже не выбрали и правильно сделали.

Школа наша работала в то время в три смены. Третья смена начиналась примерно в 3–4 часа дня и заканчивалась совсем поздно. Особенно зимой получалось так, что наши занятия в школе проходили почти ночью. Но к моему пятому классу на Птицефабрике открыли новую школу. Это было современное многоэтажное здание, хорошо оснащённое для того времени, и дети учились в той школе с 1-го по 10-й класс. И улица Ломоносова попала под принудительный перевод в эту новую школу, а мне очень не хотелось расставаться с друзьями-одноклассниками, к которым я так привык за 4 года. С большим трудом моим родителям удалось добиться того, чтобы меня оставили учиться в старой Томилинской восьмилетней школе №17. Кажется, даже мой дедушка опять звонил в поселковый совет (фамилия председателя поссовета в то время была Косых), и я потом ездил в поссовет на велосипеде и мне выдали бумажку с печатью, которая помогла тогда мне остаться в старой школе.



Празднование дня пионерии на Томилинском стадионе в 1967 году  
На первом плане ребята из нашего класса. Со знаменем – Вова Татарников

А вот остальные мои друзья из соседних домов стали ходить в школу №19 на Птицефабрике.

На следующем снимке они запечатлены 1 сентября по дороге в школу на улице Чернышевского около пятиэтажки — слева направо Петя и Павлик Захаровы, Галя Ушакова, Саша Куликов, Люда Фельдман и Наташа Куликова.



Это наш 4 «А» весной 1965 года.  
В центре наша первая учительница Валентина Петровна

В пятом классе у нас появилось много новых учителей по разным предметам, и мои оценки резко съехали с пятёрок на тройки. К тому же я опять часто и подолгу болел. Ведь в детский сад я никогда не ходил и всеми возможными детскими болезнями переболел уже только в школе. Заодно и моя сестра Лена переболела следом за мной «паровозиком» всем тем же, что и я.

И во время бесконечных болезней я вдруг пристрастился читать всякие приключения и фантастику. К восьмому классу я уже перечитал всё, что было в этом жанре у нас дома, и всё, что было у моей соседки — подружки Наташи Куликовой. Беляев, Майн Рид, Конан Дойль и Жюль Верн были моими настольными книгами, и часто я по ночам что-то читал под одеялом с карманным фонариком.

В шестом классе появился у меня приятель, Серёжа Буробин. Сначала мы с ним подрались, а потом подружились, и дружба наша продолжалась много лет. Жил он в бараке на улице Фонвизина с родителями и младшей сестрой. Родители Серёжи в молодости были на заработках где-то под Магаданом. У отца Серёжи был в то время чешский мотороллер «Чезета», на котором он ездил, когда погода позволяла, на работу в город Жуковский. Позже мотороллер сменился на мотоцикл с коляской, а потом и на автомобиль. Тесная наша дружба продолжалась до окончания 8-го класса, а потом наши пути стали понемногу расходиться. Я пошёл учиться в техникум, а Серёжа в 9-й класс, а потом и в Энергетический институт.

Во время учёбы в 8-м классе мы с Серёжей активно занимались школьным радиоузлом под руководством Валентины Семёновны, нашей «англичанки». Какое-то время мы с Серёжей вместе ходили в Томилинский дом пионеров заниматься в радиокружке. Ну и конечно, вместе хулиганили и шалили, курить тоже пробовали вместе, тем более что его отец курил и Серёже иногда удавалось вытащить несколько папирос из пачки у отца.

Был случай, когда в 7-м классе нужно было написать сочинение по русскому языку, что-то про весну. Я писать сочинения толком не умел и вообще это дело ненавидел. Серёжа тоже литературным слогом не отличался. И я попросил подружку — соседку Наташу Куликову — написать нам образец сочинения, у неё с этим делом очень здорово получалось. Ну и потом мы, на пару с Серёжей, нагло



Антонина Ивановна Полозова на уроке в 8 «Б» классе

переписали эту работу, кое-что, конечно, изменив. Но Антонина Ивановна, наша учительница по русскому языку, плагиат раскрыла, и был большой скандал.

Нужно было как-то реабилитироваться... И вот, ко дню рождения В. И. Ленина 22 апреля, я умудрился выучить наизусть большое стихотворение В. В. Маяковского «Разговор с товарищем Лениным» и рассказал это на школьном утреннике. Кто не знает, то это произведение начиналось так:

«Грудой дел,  
суматохой явлений  
день отошел,  
постепенно стемнев.  
Двое в комнате.  
Я  
и Ленин —  
фотографией  
на белой стене...»

Учителя, а особенно парторг школы, были в полном восторге... грехи мне были списаны.

Дальнейшее показало, что с выбором этого стихотворения я угадал на 100%. Я рассказывал его и в 8-м классе, и уже учась в техникуме на 1-м и 2-м курсах, и всегда «политический» успех мне был обеспечен.

Ещё помню постоянные сборы металлолома и макулатуры и соревнование между классами, кто больше всех собрал. У одной из учениц нашего класса, кажется, её звали Света Чикова, папа работал водителем на грузовике и обслуживал какие-то военные склады в ЦЭЭСе (Центральные склады — так полностью). И вот этот папа просто подгонял к нашей школе свой грузовик, доверху набитый ненужной картонной упаковкой с этих складов, и первое место нашему классу было обеспечено. А я выпрашивал у моего дедушки старые журналы, а иногда просто брал какую-то стопку без разрешения и тащил в школу сдать в макулатуру. Так я, к большому сожалению, ликвидировал многие интересные и редкие журналы, например подшивки журналов «Огонёк» времен Великой Отечественной войны.

Вот с металлоломом было гораздо сложнее, и я помню, как мы всем классом ходили по улицам с какими-то тележками и выпрашивали у местных жителей всякие ненужные железки.

На 23 февраля, уже в 8-м классе, девочки нашего класса притащили в класс бутылку портвейна «777» и мы всей командой отправились после уроков в физкультурный зал (ключи от этого зала тогда у меня были, так как школьный радиоузел находился как раз в закутке за физкультурным залом). Там, в раздевалке, мы и распили эту бутылку, старательно изображая из себя взрослых. Досталось всем самая малость, но гордости было через край. Потом Серёжа Буробин даже что-то спел (голос у него был очень приличный, а репертуар он брал из магнитофонных записей бардов, которыми увлекались его родители). Так, сидя спиной к окну на подоконнике в раздевалке физкультурного зала, он и выдавил оба стёкла, а находился тот зал на втором этаже... К счастью, из окна он не выпал. Мы быстренько оттуда сбежали, предварительно забрав весь компромат, и никто нас тогда в хулиганстве не уличил. Зато было потом что вспомнить...

А весной, ближе к окончанию 8-го класса у Серёжи случилась любовь-морковь с девочкой из параллельного 8 «Б» класса Вале́й Мосаловой. Дошло даже до того, что классная руководительница 8 «Б» Антонина Ивановна Полозова (преподаватель русского языка и литературы) вызывала в школу их родителей и страшно ругалась на родительском собрании. Кончилось всё это тем, что бедного Серёжу в наказание и назидание остальным не взяли на экскурсию в Ленинград.

Валя на экскурсию поехала, а Серёжа нет, типа это он во всём виноват...

Потом Валя с Серёжей учились вместе в 9 и 10-м классах в 14-й школе, но любовь у них постепенно прошла и пути их разошлись навсегда.

Математику с пятого по восьмой класс нам преподавала Эмилия Семёновна. Помните эту школьную шуточку: «Дано, математичка лезет в окно, требуется доказать, как она будет вылезать...» У нас это звучало так: «Дано, Эмилия Семёновна лезет в окно...» Учительница она была замечательная, талантливая и очень старательная,



Серёжа Буробин в 1969 году



А это Валя Мосалова и Серёжа

всячески старалась нас научить математике и геометрии. Моей маме она как-то рассказывала, что когда объясняет в нашем классе новый материал, то всегда проверяет по моему лицу степень понимания её объяснения. На моём лице тогда всё можно было «прочитать» без переводчиков... Кстати, и преподаватель физики Валентина Павловна тоже пользовалась этим моим «индикатором» понимания. Но если с алгеброй я как-то дружил, то с геометрией было всё гораздо хуже. Часто в решении домашних задач мне в то время помогал мой дедушка Владимир Александрович. Причём бывало так, что собиралось несколько моих соучеников с нерешёнными задачами и мой дедушка нам всем помогал и объяснял суть задач и способы их решения. Бывало, что потом учителя удивлялись, как это мы додумались до такого варианта решения.

С физикой в 6-м и 7-м классах мне было непросто, в основном из-за постоянных пропусков занятий по болезни. Был даже момент, когда родители обсуждали, а не оставить ли меня на второй год, чтобы наверстать упущенное в школьной программе? Но постепенно с тройки по физике я перешёл к четверкам, а в восьмом классе и к пятеркам.

В 6-м классе я умудрился поздней осенью сломать кисть на правой руке. Сначала очень переживал, но потом даже стал извлекать из этого некоторую пользу на уроках. Все что-то пишут, а я пытаюсь левой рукой каракули выводить. И ведь в принципе я за пару месяцев даже научился писать левой рукой, но в школе никогда этого умения не показывал и учителя меня жалели. Все контрольную пишут, а я сижу и «правую руку баюкаю».

Историю нам преподавала Вера Кирилловна Иванова, партторг школы. Постоянно нужно было зубрить какие-то даты и события, не понимая толком, что это и о чём. Но, когда я учился уже в 7-м классе, то Вера Кирилловна стала директором школы, забот у неё прибавилось и уроки истории наши стали укорачиваться и упрощаться, что нам всем тогда, конечно, понравилось. Но на всех школьных линейках она постоянно выступала, что-то в нас пыталась вложить, а её голос: «Юные пионеры! К борьбе за дело родной Коммунистической партии будьте готовы!» — я как будто иногда слышу до сих пор.



Вера Кирилловна у штурвала «Авроры» в Ленинграде

В 8-м классе у меня появился ещё один приятель — Витя Малков, который жил неподалёку от пятиэтажек на улице Державина. Постепенно мы сдружились и, так как Витя был на пару лет моложе меня, то заводилой всяких шалостей был я. Семья у Вити была несколько странная, как я теперь понимаю, его дедушка и бабушка были, наверное, из старообрядцев. Отца у Вити не было, а мать была очень странной и пугливой. Витин дедушка был, как говорится, очень «рукастый», работал водителем автозаправщика на заводе «Звезда» в ЦЭЭСе и довольно часто приезжал на этой машине домой. Бензин у него во дворе никогда не переводился, огромная бочка была просто закопана в земле... Как раз в это время у меня появился велосипедный мотор и бензином я часто заправлялся у Витино деда.

С моей подачи и для Вити был куплен старый велосипедный мотор и приделан к его велосипеду, и мы вместе часто катались на зависть многим другим ребятам.



Последний звонок в нашем 8 «А» классе в 1969 году





Это Витя Малков в то время

А через пару лет Витя уговорил свою маму на покупку мотороллера «Вятка» и стал он практически «местным королём» среди остальных ребят. Без прав он так проездил, наверное, пару лет, пока не дорос и не сдал наконец экзамены на мотоциклетные права.

Потом Витя отучился в автошколе от военкомата, получил права на автомобиль. Отслужил в армии в Грузии, в Тбилиси, а потом много лет работал водителем автобуса.

В комсомол меня принимали уже осенью в 8-м классе, хотя по возрасту я ещё до этого не подходил. Как раз заработал школьный радиопузел и с рекомендациями у меня проблем не было. Помню, как учил Устав ВЛКСМ и что-то там про демократический



Слева ещё пионер в 4-м классе



А справа уже комсомолец в 8-м классе

централизм... А потом нужно было ехать в Люберецкий горком комсомола, где всех нас по очереди вызывали, что-то спрашивали (особенно этих товарищей почему-то интересовал вопрос о демократическом централизме) и «утверждали» в комсомоле. Сначала в нашем 8 «А» классе комсомольцев было человек 6–7 и мы этим очень гордились, но к концу года в комсомол приняли почти всех, кроме уж совсем заядлых двоечников и второгодников.

## Изобретатель

Наверное, когда я учился в школе классе в шестом, то вдруг появилась идея сделать в школе экзаменатор по типу электрических настольных игр. В то время было довольно много таких игр типа викторин, когда на коробку с батареейкой и контактными площадками накладывались карточки с вопросами и ответами, а потом нужно было контактным щупом выбирать правильный ответ на вопрос. Если угадал, то загоралась лампочка или звенел звонок. Вот и я начал делать подобную игрушку для учительницы русского языка и литературы Антонины Ивановны Полозовой. Она подготовила мне вопросы и ответы. Причём в процессе изготовления удалось усложнить конструкцию и ответов было больше вопросов и среди них были неправильные. При правильном ответе загоралась лампочка с символом «5», а при неправильном ответе загоралась лампочка «2». Делал эту конструкцию я больше месяца и потом она даже висела у нас в классе на стене, но ребятам это дело не понравилось. Нельзя было «5» и «2» в конструкцию вводить, а надо было просто зелёную и красную лампочки. После этого и появилось у меня в школе прозвище «изобретатель», причём произносили ребята его очень злорадно и обидно, но делать было нечего.

Учились мы в школе в то время в три смены. При этом третья смена начинала учиться часа в 3, а иногда в 4 дня. Заканчивала такая смена уроки уже поздно, и было темно. А домой хотелось уходить пораньше. Часто случалось, что перегорали лампочки в светильниках, и мы этим стали пользоваться. На перемене, когда учителя в учительской, быстренько ставили друг на друга две

парты и при помощи носовых платочков (лампы-то очень горячие были) выворачивали из светильников несколько ламп. Потом брали мокрую промокашку (кто не знает — так это листочек промокательной бумаги, который тогда вкладывался на первой странице в каждую тетрадку для того, чтобы чернила промакивать), и, наклеив её на центральный контакт лампочки, вворачивали её обратно в светильник. Приходит учитель, начинается урок, как вдруг гаснет одна лампочка, потом другая, третья — это просто мокрые промокашки начали от нагрева высыхать и переставали проводить электрический ток. Так мы опытным путем постигали физику и электротехнику. Темно, учиться невозможно, и учительница отпускает нас пораньше домой. Довольно скоро завхоз эти наши физические опыты раскусил, и пришлось переходить на другие опыты, которые назывались «два гвоздя в розетку». Суёшь на перемене в розетку гвозди, а потом аккуратно деревянной линейкой сводишь их вместе. Бах-ба-бах, искры во все стороны летят — и пробки перегорели. А пробки в то время были обычные — керамическая штучка с тонкой калиброванной проволочкой, которая вворачивалась в специальный патрон высоко под потолком, и никаких автоматов. Новые пробки стоили дорого, поэтому электрики ремонтировали сгоревшую пробку при помощи «жучка». «Жуком» называлась просто первая попавшаяся медная проволока, часто заведомо на больший допустимый ток, и из-за этого иногда случались пожары. Темно, учиться невозможно, и учительница опять отпускает нас пораньше домой. Самое удивительное в этом то, что никто из наших ребят так и не попался на этих околонуточных экспериментах.

Было в то время у ребят и такое развлечение — из какого-нибудь устройства (телефона, радиоприёмника или телевизора) выламывался бумажный конденсатор с проводочками. Потом этот конденсатор приносился в школу и включался в электрическую розетку, а потом тыкался кому-нибудь в руку. Получался приличный электрический удар, визг и писк, особенно если это рука девочки попалась. Важно только было не ошибиться и не выломать конденсатор электролитический, а то он мог и взорваться, как небольшая бомбочка, от переменного напряжения в розетке. Вот меня эти ребята «достали», и решил я им отомстить. Как раз в радиокружке

проходили устройство блокинг-генератора. Сделал я простенькое устройство в коробочке от мыльницы с батареей «Крона». Нажмешь на кнопчку, генератор запускается и заряжает конденсатор, и не нужно к розетке каждый раз бегать. Нажал на кнопчку и в руку любителю конденсаторов — «Ба-бах». Опять нажал на кнопчку — и опять «Ба-бах». Теперь в магазинах подобные электрошокеры свободно продают, а в то время за такие фокусы могли и в милицию оттащить. Но мне и тут повезло, а шуточки с конденсаторами в нашем классе вскоре после этого прекратились.

## **Школьный радиоузел, киноаппарат и физкабинет**

Когда я начал учиться в 8-м классе, то учительница английского языка Валентина Семёновна предложила мне и моему приятелю Серёже Буробину заняться школьным радиоузелом. Нам это предложение очень понравилось, и работа закипела. Учительница эта была в то время кандидатом в члены партии и, как оказалось, это дело было её первым партийным заданием. Мы тогда об этом, конечно, даже не догадывались.

Первым делом пришлось развешивать по классам громкоговорители и восстанавливать проводку радиотрансляции. Когда наконец радиотрансляция заработала, то мы же занялись и записью на магнитофон нашей первой радиопередачи. Делали мы это по вечерам после уроков. Материалы готовила Валентина Семёновна, а мы с Серёжей были и дикторами, и режиссерами. Недели за две передача была готова и одобрена директором. И вот наконец перед первым уроком мы запустили нашу передачу на всю школу. Ребятам это дело понравилось — ещё бы, почти пол-урока пролетело, а никого не спрашивают. И дело пошло. Наверное, месяца 3–4 мы делали и запускали новые радиопередачи. От Валентины Семёновны нам с Серёжей поблажки на уроке английского давались, и мы были довольны. Был случай, когда Валентина Семёновна попросила посмотреть её радиоприёмник и я даже съездил к ней домой в Красково. Поменял там пару радиоламп, и всё заработало. В тот день я впервые услышал песни Beatles — у Валентины Семёновны были пластинки с их некоторыми песнями. Но на меня

особого впечатления эти песни не произвели, пожалуй что только песня «Girl» мне тогда понравилась.

Как же я потом жалел, что не учил как следует английский язык, пока учился в школе. Были все возможности, и бабушка помогала мне с переводами, но я просто дурака валял, считая, что английский язык мне никогда в радиотехнике не пригодится.

Постепенно моя «слава» радиолюбителя распространялась и на других учителей. Учительнице русского и литературы я пытался чинить телевизор. Кстати, она как-то обмолвилась: «Ну уж четвёрку на экзамене получишь». В то время в конце 8-го класса нужно было сдавать четыре экзамена: алгебра, геометрия, русский язык и сочинение по литературе.

И действительно, получил я четвёрки по русскому и литературе, хотя по-хорошему больше чем на троечку по русскому языку я не тянул. Писал-то я довольно грамотно и почти без ошибок, но разбирать предложения по членам ну никак у меня не получалось, члены эти между собой почему-то у меня вечно путались.

Учительнице физики Валентине Павловне и лаборантке Галине я помогал показывать кино и чинить кинопроектор. А так как в 8-м классе по физике изучали электричество и частично радио, то это была как раз моя стихия. Помню, как на лабораторной работе по физике нужно было всему классу собрать детекторные радиоприёмники как раз из таких наборов, как я собирал, когда учился ещё в 5 или 6-м классе. И получилось, что во время этой лабораторной работы я был главным консультантом, вместо учительницы, которая в этом и сама-то плохо разбиралась.

Потом стали меня после уроков и в Люберцы посылать в фильмотеку, сдавать и получать учебные киноленты, а иногда я сам выбирал и заказывал там очередные фильмы. Чем больше фильмов, тем меньше шансов, что учительница на уроке спросит, времени на уроке на это у неё не хватит. А ещё помню, что несколько раз я ездил с учителями физики Валентиной Павловной и химии Софьей Сергеевной в Москву в учколлектор — это такой специальный магазин для снабжения школ всякими приборами и химреактивами для опытов — и помогал в закупках. К завершению 8-го класса я довольно прилично разбирался в радиотехнике, конечно

без необходимой теории, а чисто практически, и решил, что нужно идти учиться в техникум на радиотехника.

Ещё помню, как мы с приятелем потихоньку таскали из химкабинета бертолетову соль и красный фосфор. Уж очень эта смесь здорово «бабахала», почти как пробки от пугача. Были в то время «старьёвщики», которые ездили по улицам на телеге с лошадьёю и собирали тряпки и всякую всячину в обмен на детские игрушки — вот у них и водились самодельные свинцовые пистолетики — пугачи с такими пробками.

Смесь эту нужно было только в сыром виде смешивать — наливался нитроклей и в него потихоньку высыпались эти реактивы, осторожно перемешивались и заливались в какую-нибудь пластмассовую крышечку от бутылки. А вот после высыхания смеси получалась почти что маленькая бомбочка. Когда первый раз мы положили эту штучку на кирпич, а второй сверху кинули, то я думал, что совсем оглохну. Жахнуло так, как будто граната взорвалась, и от кирпичей только кусочки остались.

Но осторожность надо постоянно блюсти, а технику безопасности не нарушать. Всё это я проходил на своём печальном опыте, как и с ракетами. Стал в очередной раз реактивы смешивать прямо дома, на столе на газетке. Клея было мало, а мешать сдуру начал я просто пальцем. Недостаточно мокрая смесь не рванула,



Валентина Семёновна, наша англичанка, с бывшим учеником в учительской нашей школы



Валентина Павловна, преподаватель физики



Наша классная дама и преподаватель биологии и химии Софья Сергеевна



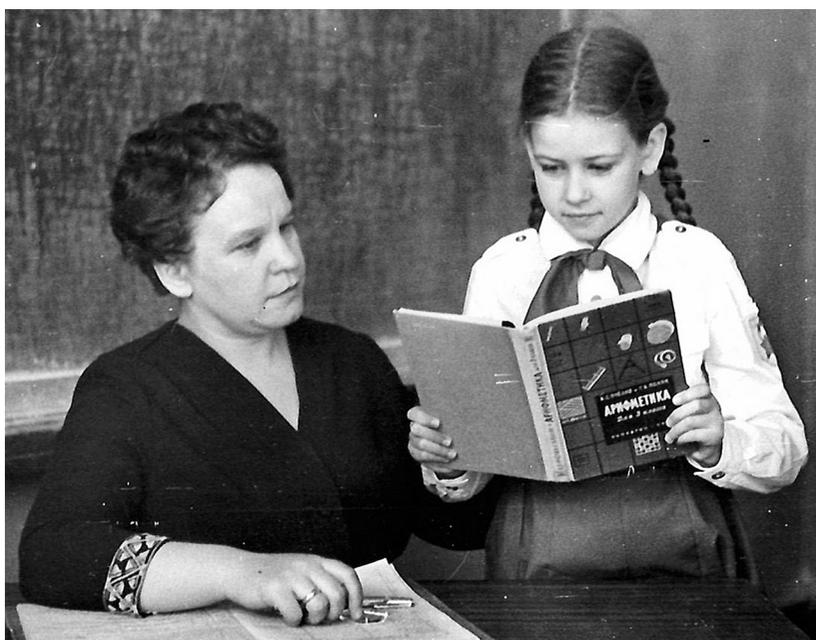
Вова Татарников у доски и Софья Сергеевна

а просто вспыхнула. Пожар мне погасить быстро удалось, хорошо, что дедушки и мамы в этот момент дома не было. Но ожоги фосфором — это что-то... Лечил палец я, наверное, целый месяц или даже больше. И ресницы, и брови тоже не сразу у меня новые выросли, хорошо, что глаза я закрыть вовремя успел. И после этого с фосфором и бертолетовой солью как-то и почему-то играть мне расхотелось. Наверное, интерес пропал...

Когда позже я уже учился в техникуме, а моя сестра Лена ещё продолжала учиться в той же самой школе у тех же учителей, то иногда меня по старой памяти звали помогать что-то починить или настроить из радио- или кинооборудования. А я и не отказывался. В результате в благодарность за помощь мне был подарен школьный стрелочный тестер (ампервольтметр), который я потом много лет успешно использовал в моих радиолюбительских изысканиях и опытах. Анекдот на эту тему и в то время: «Чем измеряется напряжение — напряжёметром, ток — токометром, а сопротивление — сопрометром».



Моя первая учительница Валентина Петровна (слева) и Зоя Ивановна, учительница параллельного «Б» класса в начальной школе



Валентина Петровна учила и мою сестру Лену с 1-го по 4-й класс

## Ленинград

После выпускных экзаменов (школа была восьмилетняя и после 8-го класса все ученики уходили учиться дальше кто куда: в 9 и 10-й классы в другую школу или в техникум, а кто-то шёл в ПТУ. Были и такие ребята, кто сразу даже шёл работать.

И директор школы, Вера Кирилловна Иванова, на прощание организовала для лучших выпускников двух классов (были у нас 8 «А» и 8 «Б» классы, я учился в 8 «А») поездку на экскурсию в Ленинград. Таких из двух классов набрали человек 25 и в придачу к ним поехали ещё и 6–7 учителей для пригляда, чтобы чего не случилось. Моего ближайшего на то время приятеля Серёжу Буробина на экскурсию не взяли — он тогда вовсю крутил любовь с девочкой Вале́й из соседнего класса и директор школы его за это так наказала.

В Ленинград ехали в сидячем поезде. На вокзале нас встретили и на автобусе отвезли и поселили в каком-то ленинградском интернате. В то время часто бывало, что летом школы в разных городах и даже сёлах принимали таких учеников-экскурсантов.

Поселили мальчиков и девочек в отдельных классах. Спали на раскладушках, а кормили нас в местной столовой.

Неделя пролетела как один день. Куда нас только не свозили... И Эрмитаж, и «Аврора», и Русский музей, и Ленин в Разливе. Даже были на ночной экскурсии, смотрели белые ночи и разведение мостов. Больше всего, конечно, понравилась поездка на «Ракете» в Петергоф. Я много фотографировал и даже пытался снимать на 16-миллиметровую кинокамеру, но плёнки было мало, да и кинооператор из меня получился неважный. Но всё равно, по возвращении домой плёнки удалось в мастерской проявить и какой-никакой фильм получился. Жаль только, что копия была одна-единственная — киноплёнка была «обратимая», которая при специальном способе проявления сразу давала позитивное изображение, готовое для показа через кинопроектор. Склеенный готовый фильм получился минут на 15, и я отдал его директору школы. А фотокарточек я напечатал целую гору и раздал всем участникам той поездки, но качество их было сомнительным, а со временем они стали ещё хуже. Фотобумага «Новобром» в то время была очень экономная — серебра на ней становилось всё меньше



Наша экскурсия в Петергоф летом 1969 года

и меньше, и с годами изображение волшебным образом начинало исчезать. А вот старинные фотокарточки до сих пор выглядят как новые, серебра раньше не жалели.

Сейчас, оглядываясь назад в своё далёкое детство, я понимаю, что это было счастливое детство. Излишеств не было, но всё необходимое было. Мы никогда не голодали и в лохмотьях не ходили. В школе все были в школьных формах, а я и дома часто был в этой же форме. Да, была в то время «Параллельная цивилизация богатеньких Буратино», но я с ними не соприкасался и даже не знал в то время об их существовании. И поэтому советский лозунг того времени «За детство счастливое наше спасибо, родная страна!» вполне соответствовал тогдашней моей детской жизни.



Вова Татарников и я на «Ракете» по пути в Петергоф

# МТЖДТ имени А. А. Андреева

---

К окончанию 8-го класса (я учился с 1-го по 8-й класс под Москвой, в Томилинской восьмилетней школе №17) моя мама подарила мне «Справочник для поступающих в средние учебные заведения» в надежде на то, что я из этого справочника выберу для себя подходящий техникум. Как-то так получилось, что двое братьев-близнецов из соседнего, 8 «Б» класса нашей школы тоже решили поступать в техникум и отец этих мальчиков начал возить их в Москву, техникум выбирать. И я в ожидании поезда случайно с ними встретился на станции в Томилино. Поехал с ними вместе за компанию. Пару тройку техникумов с ними обошёл. Мы были даже и в радиотехническом техникуме около Курского вокзала на Костомаровской набережной, в котором мне пришлось через 3 года дипломный проект у тамошнего преподавателя-консультанта делать. Но в итоге эти братья пошли продолжать учиться в 9-й класс в 14-ю школу, которая находилась на другой стороне железной дороги около станции Томилино. Что-то не понравилось им и их отцу в техникумах. А я, изучив как следует мамин подарок, выбрал для себя железнодорожный техникум на проспекте Мира — МТЖДТ имени А. А. Андреева (Московский техникум железнодорожного транспорта). Андрей Андреевич Андреев в 1931–1935 годах был Народным комиссаром путей сообщения СССР. В Москву, поступать в техникум, я поехал сам,

один. Наверное, мне вспомнилось, что отец мой тоже подобный техникум в своё время оканчивал, а может быть, именно этот. Специальность называлась просто — «Радиосвязь и радиовещание».

Вышел я из метро «Проспект Мира» и подумал, что сейчас до нужного дома быстро дойду. Карту я не смотрел, расстояние — не оценил. Короче, шёл я часа полтора и пришёл к нужному месту слишком поздно. Зато в следующую поездку уже поумнел и нашёл более короткий путь до техникума от станции метро «Щербаковская» (теперь эта станция называется «Алексеевская»). В приёмной комиссии почти все будущие ученики были с родителями, наверное, в тот день один я без родителей заявился. Документы у меня приняли, и выяснилось, что нужно ещё и вступительные экзамены сдавать — диктант по русскому языку и математику (алгебру вперемежку с геометрией). А ещё запомнилась безумная медкомиссия. Техникум тот был железнодорожный и здоровье проверяли у всех по общему железнодорожному стандарту. Меня пропустили с грехом пополам. Тут уже я даже мою маму попросил мне помочь — уговорить вредную врачуху допустить меня до экзаменов.

Диктант я написал на четвёрку, и нужно было не менее четвёрки получить по математике. Поскольку я в своих знаниях сильно сомневался, то на экзамен по математике пошёл с учебником по геометрии на животе под ремнём. Геометрия со всякими теоремами у меня хуже всего тогда получалась. Как-то удалось проскочить и четвёрку мне поставили, но учебник пришлось в парте оставить. Надеюсь, что он там никому не навредил. В техникум меня в результате приняли, и я был доволен.

Потом выяснилось, что конкурс в тот год при поступлении в техникум после 8-го класса был аж 3 человека на одно место. Но были ещё и более возрастные студенты, которые уже отслужили в Советской армии и поступали в техникум без экзаменов. У нас в группе такой был один — Юра Гусев.

1 сентября 1969 года поехал я первый раз на занятия. Жил я тогда в Томилино, ехать нужно было до Казанского вокзала на электричке, а затем на метро до станции «Щербаковская». Ну и пешком необходимо добежать от дома до станции и от метро — до техникума.

Всего на дорогу выходило 1 час 40 минут, а то и больше. И назад домой после учёбы столько же, было тяжело...

Первого сентября первый урок был физика. Утром я пришёл к нужной аудитории вторым, а первым был Володя Клычников, с которым мы быстро познакомились и подружились. Физичкой была Светлана Викторовна Крылова. Очень старательная и настойчивая дама, которая буквально замучила нас прямо с первых занятий — изучать мы начали всякие движения и ускорения. Задачи сыпались на нас как из рога изобилия, и часто было очень не просто их решать. Занятия по полтора часа, потом еще столько же другой предмет, перерыв и ещё две пары.

Вечером заснул как убитый и следующим утром вовремя встал с большим трудом.

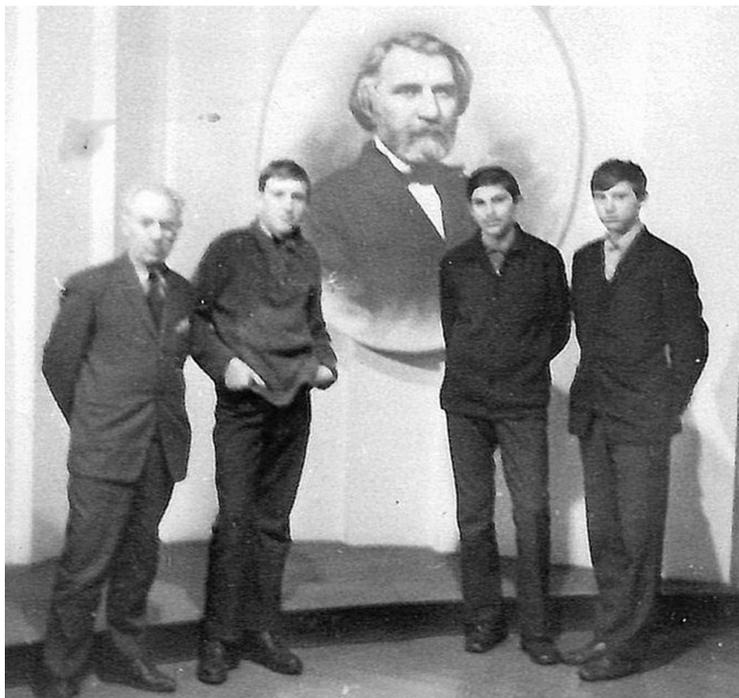
Математику преподавал Моисей Ильич Чернобельский. Частушка у студентов про него в ходу была такая: «Кто сегодня всех умней? Чернобельский Моисей». Задачи по математике Моисей Ильич на уроках задавал пачками. Кроме этого, на уроках требовалось писать конспекты, которые в любой момент преподаватель мог проверить и двойку поставить, если конспект плохой или его вообще нет. На дом задавали задачи решать в огромном количестве, по сравнению со школьными годами.

Первое время было очень и очень тяжело, но потом постепенно все ребята втянулись в этот безумный ритм и как-то всё притёрлось.

Вскоре выявились явные передовики по математике, у которых большинство студентов стали нагло списывать готовые домашние задания. «По алгебре король» был у нас Леша Калинин.

Нашим классным руководителем (куратором) на первых двух курсах был преподаватель черчения Сергей Григорьевич. В школе черчение нам давали совсем немного, а тут нужно было очень быстро научиться чертить, почти как в институте. Обучение черчению продолжалось два года и к концу каждого семестра каждый учащийся должен был подготовить и сдать альбом чертежей по курсу. Сергей Григорьевич нам говорил, что наши альбомы чертежей после выпуска сохраняются и если мы поступим затем в профильный институт, то по курсу черчения некоторые темы будут

засчитываться автоматически после предъявления наших альбомов. Его любимыми присказками были: «ГОСТ — это закон, а закон нарушать нельзя» и «Система Три-П — Память, Палец, Потолок» (чертил по памяти, высосал из пальца и взял размер с потолка). «Опять деталь по системе Три-П чертишь?» Чертёжный кабинет был оборудован чертёжными досками с рейсшинами для каждого ученика. В конце обучения на втором курсе мы чертили даже тушью рейсфедерами. Помню первую предновогоднюю эпопею со сдачей первого альбома — нужно было все чертежи привести в полный порядок, подшить их в стопку-альбом и утвердить его у преподавателя. В чертёжной аудитории сидели до 10–11 часов вечера, а некоторые — и по выходным. После успешной сдачи альбома было состояние полного отупения и безумной радости от того, что всё наконец закончилось. Но тем не менее к 1 января успели получить зачёт все студенты в нашей группе 13-РС-1 (тринадцатая группа специальности радиосвязь, первый курс). На каждом курсе по каждой специальности в то время было по две группы.



Экскурсия на 1-м курсе с Сергеем Григорьевичем в музей Тургенева



А здесь мы на экскурсии в Кремль на 2-м курсе

Сергей Григорьевич всячески старался нас воспитывать и развивать. По средам он часто устраивал политинформации — нужно было приехать в техникум на 30 минут раньше и выслушать его монолог. Иногда он ещё и кого-то уговаривал подготовить какое-то выступление. Он организовывал для нашей группы походы в кино-театры, в музеи и всячески старался нас как-то расшевелить.

А когда мы перешли на третий курс, то Сергей Григорьевич ушёл на пенсию и до конца обучения нашим куратором стал Георгий Иванович Лаптев, которого потом мы между собой втихаря звали ГерВаныч.

В нашей группе было довольно много ребят из относительно дальних мест — железная дорога была всюду и молодые кадры были востребованы повсеместно. Эти ребята жили в девятиэтажном общежитии прямо рядом с учебными корпусами. За проживание в общежитии нужно было платить, кажется, около трёх рублей в месяц. А стипендия была 20 рублей, но платили её не всем, а только «нуждающимся» (нужно было приносить справки о составе семьи и доходах родителей), и то при условии, что на экзаменах за предыдущий семестр все предметы были сданы без двоек. Мне стипендию платили и эти деньги казались мне в то время огромными. Обед из трёх блюд в техникумовской столовой стоил копеек 50. Но, конечно, тем, кто жил в общежитии, денег не хватало. Кому-то присылали родители, а те, кто жил не очень далеко, ездили на выходные домой. Но были у нас в группе и ребята из Вологды, Архангельска и Мурманска — им приходилось труднее всех. Кто-то из них подрабатывал по выходным на разгрузке вагонов или ещё где-то.

Каждый семестр заканчивался зачётами и экзаменами по нескольким предметам. В то время у меня была очень хорошая зрительная память, не то что теперь. Во время подготовки к экзаменам я писал шпаргалки, причём на обычных тетрадях мелким почерком готовил ответы на все экзаменационные вопросы. Часто сидел за этим делом и по ночам. Зато уже во время экзамена мне эти мои записи были почти не нужны. Я мысленно как бы видел и переворачивал страницы своих шпаргалок и писал то, что нужно, почти автоматически.

Помню, что во время первой экзаменационной сессии меня очень удивило то, что оценку за экзамен почти все преподаватели выставляли, не обращая внимания на оценки в журнале, полученные во время всего семестра. В журнале по математике в течение семестра у меня была твёрдая тройка, а на экзамене получил пятёрку. И по физике была примерно такая же картина. А вот итоговые оценки по предметам, по которым оценки выставлялись по результатам в течение семестра, были гораздо хуже. По английскому языку я с трудом получил зачёт (хотя моя бабушка Елена Аркадьевна мне очень сильно помогала с переводами и письменными работами). Этот предмет я считал абсолютно ненужным в радиотехнике

и думал, что в жизни он мне никогда не пригодится. Как же я тогда жестоко ошибался...

Но и во втором семестре мне удалось получать стипендию, двоек не было.

К концу первого курса появились неуспевающие ученики, и довольно быстро они уходили. Руководство техникума пристраивало их в профильное ПТУ (профессионально-техническое училище) по схожей специальности — грамотные рабочие на железной дороге тоже были нужны. А учиться в ПТУ было гораздо легче — там давали обучение только по специальности и всего за 2 года.

В начале второго курса в наших двух группах 13-РС-2 и 14-РС-2 появились новые студенты — это нас «разбавили» выпускниками 10-х классов обычных школ. Тогда после 10-го класса общеобразовательной школы можно было поступить в институт, но если не удалось поступить с первой попытки, то нужно было где-то переждать целый год. А можно было, кажется даже без экзаменов, поступить сразу на второй курс техникума. Так в нашей группе появилось несколько новых студентов, которые по возрасту были на год-два старше остальных.

На втором курсе в расписании занятий появились уже и специальные предметы, учиться стало интереснее. Появились предметы «Электротехника» (Законы Кирхгофа вспоминаются мне до сих пор) и «Электровакуумные и полупроводниковые приборы». Кто преподавал электротехнику, уже не помню, а вот по второму предмету у нас появился очень колоритный и своеобразный преподаватель Василий Георгиевич Бодиловский. Много позже мы узнали, что Василий Георгиевич воевал на фронте, написал много книг и учебников, а вначале мы никак не могли понять его отношения к студентам. Объяснял и рассказывал на уроках он очень много и подробно, но потом и спрашивал по полной программе и, не прочитав несколько раз заданный на дом параграф и конспект, получить личную оценку по его предмету было невозможно. Вызовет к доске ученика отвечать домашнее задание и, пока тот готовится отвечать и что-то пишет на доске, поставит точку в клеточке журнала и крутит, и крутит авторучку, а точка всё больше и больше. Наконец, не оборачиваясь к доске, скажет, например: «Клейменов — звукх» (был у нас такой ученик, но он вскоре ушёл из техникума).

А по выражению лица его ничего понять невозможно. Запомнилась одна тема в самом начале курса: «Торированный катод и термоэлектронная эмиссия». Причём произносил эту фразу Василий Георгиевич с придыханием, почти как мантру... Все нужные учебники нам выдавались в библиотеке техникума бесплатно, а по этому предмету Василий Георгиевич настоятельно советовал поехать на Сре-тенку в книжный магазин и купить «Справочник молодого ради-ста» (позже эта книга много раз обновлялась и переиздавалась). И, только купив эту книгу, мы обратили внимание, что автор-то нам знаком — Василий Георгиевич Бодилковский. И действительно, замечательная была книга и очень она мне пригодилась и во время учёбы, и впоследствии, когда я уже начал работать. И все учебники по предметам, которые преподавал Василий Георгиевич, а это были «Электровакуумные и полупроводниковые приборы» и «Радио-релейная связь на железнодорожном транспорте», тоже, как оказа-лось, были написаны им самим.

Позже мы узнали, что Василий Георгиевич воевал, имеет на-грады. И уже только на третьем курсе, на уроках по радиорелей-ной связи перед майскими праздниками нашим ребятам удалось



Защита лабораторных работ у В.Г. Бодилковского

разговорить Василия Георгиевича, и он почти целый урок рассказывал нам про войну, как там было сложно и тяжело. Запомнился его рассказ, как где-то в Венгрии или Чехословакии его подразделение подобрало брошенный на дороге мешок с местными бумажными деньгами. Сначала наши солдаты использовали эти деньги для самокруток или ещё как-то, а потом вдруг выяснилось, что деньги-то эти в ходу. А тут уже и политруки наши подсустились и остатки денег у солдат отобрали.

## Лабораторные работы

По специальным предметам у нас было очень много лабораторных работ. По электротехнике была огромная лаборатория в полуподвале с множеством приборов и учебных стендов. А по электровакуумным приборам — на 3-м этаже. Почти по каждому параграфу учебника, по каждой теме была организована лабораторная работа.



А это Надя Титова в то время...

Работы эти нужно было оформлять, а затем защищать, и пока преподаватель не поймёт, что ты наконец понял тему, зачёта не получишь. Защищать работы ходили по несколько раз. Группа наша на лабораторных работах разбивалась на бригады по 3–4 человека на каждый стенд. Я попал в бригаду вместе с Сашей Красных, Ларисой Савиной (она была нашим бессменным старостой группы) и Надей Титовой (Надя была старше нас и пришла к нам после 10-го класса). Девочки эти жили в общежитии, а Саша каждый день ездил на учёбу аж из Черногловки. Каким-то образом у меня с Надей возникла взаимная симпатия. Но я был молод

и глуп, с девочками общаться не умел и никакого опыта в этом деле у меня не было. Надя была на 2 года старше меня, а в этом возрасте девочки по своему развитию и так намного опережают мальчиков. И через год у Нади появился друг Саша, за которого она впоследствии и вышла замуж.

Помню, как на одной из лабораторных работ по изучению радиоламп кто-то из ребят спалил прибор — миллиамперметр на стенде. Василий Георгиевич очень расстроился и высказался примерно так: «И зачем Вы пришли учиться в наш техникум? Шли бы через дорогу в кулинарный. Сделал лабораторную работу и съел её поскорее, пока никто не увидел».

Как-то так получилось, что мои знания ещё по радиокружку в доме пионеров сильно помогли мне в изучении этого предмета. И довольно быстро я заработал некоторый авторитет у остальных ребят и даже стал что-то объяснять им перед очередным уроком и на лабораторных работах. И по электротехнике на лабораторных работах я тоже быстро «выбилась в люди».

Однажды в лаборатории электротехники случился у меня конфликт с Вале́й Трофимовым. Здоровый он был детина, на голову выше меня и в объёме почти как два меня. Всё время он надо мной подтрунивал и задира́лся, хотя я всегда старался ему помочь в объяснении каких-то предметов — у Валентина были большие проблемы с учёбой. Теперь-то я понимаю, что, наверное, проблема нашего конфликта была, как говорится, «ищите женщину» — нравилась ему Надя Титова. И когда он в очередной раз стал меня задира́ть, я и стукнул его несильно по мягкому месту. Правда в руке у меня в тот момент пассатижи были... Валентин ответил по-взрослому



На занятиях по «Проводной связи»...  
Надя объясняет «Противоместный эффект»

и с тех пор у меня большие проблемы с передними зубами. Преподаватель это увидел и потащил нас обоих к начальству. Кончилось всё это тем, что Валентина отчислили за неуспеваемость в конце семестра, а ребята нашей группы встали на мою сторону и даже слегка его побили.



Физкультура в парке зимой



Лёша Калинин опять меня обогнал

Особенно тяжело мне было с физкультурой — ни одного зачёта я честно получить не мог, но преподаватель ставил мне зачёты закрыв глаза, за заслуги по остальным предметам. А зимой физкультура была на лыжах. В подвале общежития был лыжный склад, и всем студентам перед очередным занятием выдавались лыжи. С лыжами мы шли в парк на другой стороне железной дороги, за станцией Москва-Третья, и там катались и сдавали какие-то зачёты. С лыжами мне тоже было очень сложно, никак я не мог успеть проползти нужную дистанцию за допустимое время. А весной и осенью в этом парке нас мучили кроссами и другими подобными «развлечениями», которые давались мне тогда с большим трудом.

## ГерВаныч

А в середине 2-го курса появился у нас ещё один специальный предмет — «Усилители». Преподавал этот предмет Георгий Иванович Лаптев. Он тоже был бывший фронтовик и фанатик своего дела. Этот предмет был для меня ещё интереснее и понятнее, а лабораторные работы были просто замечательные, и часто на лабораторных работах я засиживался допоздна. Лаборатория эта была оборудована просто отлично. Разнообразных приборов и стенов было море. Особенно ребятам нравилось гонять генератор низкой частоты, подключенный к наушникам, и соревноваться, кто сможет наивысшую частоту услышать. Я в то время мог услышать сигнал частотой почти до 20 000 Герц (а сейчас и 12 000 Герц уже не слышу).

Правда в конце года нам пришлось писать курсовую работу по «Усилителям», и всем, включая меня, это далось нелегко. Георгий Иванович нам и курс «Железнодорожных радиостанций» (почему-то в основном мы тогда изучали радиостанцию ЖР-5) тоже преподавал и был в нашей группе куратором последние два года.

В конце третьего курса прямо в лаборатории, с разрешения и с участием ГерВаныча, был устроен грандиозный сабантуй с принятием красного вина (был тогда такой напиток, который назывался «Бычья кровь», — страшная гадость), и мы все чувствовали себя уже «совсем взрослыми».



Сабантуйчик с ГерВанычем в лаборатории Радиосвязи

Иногда, особенно перед 23 февраля и 9 мая, ребятам удавалось разговорить ГерВаныча, и он рассказывал нам про войну и про свою работу на железной дороге. Как-то он нам рассказал интересный случай из своей практики, который произошёл ещё до Великой Отечественной войны. Примерно году в 1937 он работал на обслуживании телеграфной линии связи на одном из подмосковных участков железной дороги. Телеграфные аппараты были там уже буквопеча-

тающие, так называемые «Бодо». И там была важна полная синхронизация передающего и приёмного устройств. И вот каждое утро, примерно в 7 утра синхронизация нарушалась и аппараты начинали печатать полную чушь, ничего понять было невозможно. Время тогда было суровое, пахло «вредительством», и уже НКВД этим начало интересоваться. И дали связистам последнюю возможность найти проблему, иначе всех в тюрьму и лагеря на лесоповал отправить обещали. Всё



Защита курсовой работы у ГерВаныча, защищается Лёша Калинин



Наша 13-РС-4 весной 1973 года в лаборатории радиосвязи, к сожалению, здесь не все ребята

проверили, вдоль линий связи даже ночью дежурили, а толку нет, не могут проблему найти. И вот последним ранним утром бредут они, понурые, вдоль проводной линии связи и вдруг видят: около столба с проводами колодец, а у колодца — журавль для облегчения подъёма ведра с водой. Рядом кони пасутся, и здоровенный лохматый цыган воду из колодца для коней достаёт. А на обратном конце журавля в качестве контргруза кусок рельса прикручен. И вот опускает цыган ведро в колодец, а рельс этот «чирк» по голым проводам линии связи и замыкает их. Каждое утро тот цыган своих коней в этом месте поил — и связь из-за этого прерывалась. ГерВаныч нам рассказывал, что этого цыгана вместе с журавлём, ведром на цепи и рельсом они в одну минуту скрутили и бегом в ближайший отдел НКВД оттащили и сдали. Так только им и удалось тогда, как говорится, «сухими из воды выйти».

## **Практическое обучение в жизни всегда пригодится**

Очень запомнились занятия в механических мастерских. Сначала была теория: «Запомните раз и навсегда, — говорил нам мастер, — в технике нет никаких штучек, фиговин и нет в них никаких дырочек. Есть заготовки, детали и отверстия». Мастерские

были огромные и по тем временам очень хорошо оснащённые. Сначала нам целый семестр преподавали слесарное дело. На первом же занятии, после того как все расписались в журнале учёта инструктажа по технике безопасности, нам выдали по стальной болванке с углублением, тупому зубилу и слесарному молотку граммов на 300. Болванку каждый закрепил в тиски. А мастер, он же преподаватель, стоял в центре мастерской и перед ним на верстаке лежала огромная стальная плита. И вот, по сигналу мастера, нужно было вставив тупое зубило в углубление на болванке и ударить по зубилу молотком. Причём смотреть при этом нужно было не на молоток и зубило в руке, а мастеру в глаза. Он ударит молотком по стальной плите, а мы все, 25 человек, ударяем по своим зубилам. Пока медленно следовали удары, то ещё ничего, а темп всё время нарастал... В конце концов то там, то тут начали раздаваться вопли от попадания молотком по руке вместо зубила. Мастер нам и говорит: «За технику безопасности расписывались? Расписывались! Значит должны её соблюдать. А если по руке вместо зубила ударил, значит не соблюдаешь технику безопасности. Иди к моему столу и поставь себе в журнал двойку за несоблюдение техники безопасности». И так два занятия по 90 минут каждое. И знаете, к концу второго занятия все, и мальчики, и девочки, научились стучать по зубилу не глядя, что очень нам всем далее пригодилось. Я почти уверен, что некоторые девочки из нашей группы именно на этих занятиях впервые держали молоток в руках. И в жизни им это наверняка впоследствии очень пригодилось.

Затем выдали нам по кусочку стального листа и по настоящему зубилу и стали нас учить работать с этим интересным инструментом — ещё, наверное, пару уроков.

А дальше выдали по напильнику и круглой болванке, и мы должны были только с помощью этого напильника и слесарных тисков уменьшить диаметр этой болванки раза в два. Вот уж где по три пота со всех сошло, пока задание выполнили и зачёт получили. Зато к концу семестра все ребята, включая и девочек, стали прилично разбираться в слесарном деле.

В следующем семестре стали изучать станки: сверлильные, токарные и фрезерные. Мне достался токарный станок ДИП (этот

станок был сделан в СССР, наверное, в 1930 году или даже раньше). Замечательный станок — копия с немецкого, а название переводилось так: «Догнать и перегнать Америку». И вот однажды я менял резец на станке, а защитный экран из закалённого стекла резко оттолкнул вправо. Экран сместился до упора и покатился назад (направляющие рельсы у этого станка были идеальные), а пока я отвернулся за новым резцом, экран вернулся к суппорту (в эту часть станка зажималась заготовка при обработке) и упал прямо на набалдашник открытого держателя резца. Закалённое стекло рассыпалось в мелкие крошки. Мастер мне и говорит: «40 лет этот станок тебя ждал, чтобы ты его испортил. Иди возьми защитные очки и не забудь двойку себе в журнал поставить». В конце обучения все ребята научились и точить, и сверлить, а некоторые и фрезеровать.

Были в нашем техникуме и другие специальности (например СЦБ — «Сигнализация, централизация и блокировка»), на которых студенты на практических занятиях изучали и сварочное дело, и даже кузнечное.

Но нас, как будущих радистов, отправили изучать радиомонтажное ремесло. Сначала каждый должен был сам себе изготовить паяльник. Для этого из кучи поломанных старых паяльников мы себе набирали нужные детали. Затем сами наматывали слюду и нихромовую спираль, а потом и теплоизоляцию из асбеста. В завершение надо было включить паяльник в розетку и показать мастеру, что нормально паяльник работает. А паяльники эти мы делали на напряжение 36 вольт, это чтобы безопасность при работах обеспечить. Были на рабочих столах розетки на 36 вольт, а были и на 220 вольт. Всё, конечно, промаркировано. И мастер сказал, в какую розетку паяльники включать нужно. Но некоторые ребята, кто случайно, а кто из шалости, втыкали электрические вилки паяльников в розетки 220 вольт. «Бац», — сказали эти бедные паяльники, и нужно было всё переделывать с самого начала. От длины нихромовой спирали зависела степень нагрева медного жала паяльника. А это как раз и есть основная, рабочая часть паяльника. При напряжении 36 вольт уже лишней сантиметр спирали мог испортить всё дело — паяльник не нагревался до нужной температуры. А если спираль на сантиметр-два короче, то тоже плохо. Греется паяльник

как сумасшедший, спираль быстро перегорает, и окалина на жале сразу образуется. Затем нужно было жало паяльника зачистить и облудить (покрыть тонким слоем оловянно-свинцового припоя). А вот на следующем занятии мы все должны были спаять из толстых медных проводов решётку размером примерно 10 на 10 сантиметров. Вот тут уже все помучились, а особенно те, у кого паяльники до нужной температуры не прогревались.

Постепенно мы стали паять какие-то схемы, собирали и настраивали усилители низкой частоты (УНЧ), которые как раз проходили в то время по курсу предмета «Усилители». Тут я уже всё это знал и опять стал консультантом для остальных ребят, а затем мастер и вовсе отсадил меня в соседнюю комнату, чтобы я остальным не мешал, и стал я там карманные радиоприёмники паять и налаживать. Модно очень и престижно было в то время достать из кармана транзисторный радиоприёмник, сделанный в футляре для мыла (их «мыльницами» в народе называли), и радиопередачу какую-то послушать. Это сейчас у всех мобильные телефоны и смартфоны, а тогда и «мыльница» была для многих в диковинку.

## Радиотехника

В середине 2-го курса появился у нас ещё один новый предмет — «Радиотехника», и вёл его Иван Семёнович Мясоедов. Очень был колоритный преподаватель. Пытался нас учить основам теории распространения радиоволн, всяким антеннам и фидерам (и наверное поэтому мы между собой его иногда называли «четвертьволновый отрезок» — типичная антенна в простейшем случае состоит из двух токопроводящих отрезков, каждый из которых равен  $1/4$  длины волны). А позже Иван Семёнович учил нас ещё и громкоговорящим устройствам на железнодорожном транспорте (это когда диспетчер в микрофон через усилитель и колокольчики-громкоговорители что-то кричит работникам на станции). Помню, был в этой лаборатории старинный студийный магнитофон, магнитная лента в котором была не на катушках, а просто на пластинах, и двигалась со страшной скоростью.

Была у Ивана Семёновича интересная присказка: «Ну ты, дядя, флюгер на палочке. Не крутись, как будто у тебя спица в одном

месте торчит». И ведь никто из ребят не обижался, всё за дело. А девочкам Иван Семёнович иногда говорил: «Ну ты, тё-тя...» А на реплику о том, что мы уже взрослые, Иван Семёнович отвечал: «Вот когда принесёшь и покажешь мне свидетельство о браке, тогда и станешь взрослым». Много у нас было по этим предметам разных лабораторных работ, иногда интересных и поучительных. Часто Иван Семёнович водил нас на всякие экскурсии по профессии. Для этого он договаривался со своими бывшими учениками, которые давно вышли в большие начальники, и нас пускали прямо в депо, диспетчерские и другие узловые пункты на железной дороге. Как-то раз у нас была экскурсия и на сортировочную станцию.



Мы отправляемся на экскурсию на сортировочную станцию.  
Второй справа – наш преподаватель Иван Семёнович Мясоедов

## Сортировочная горка

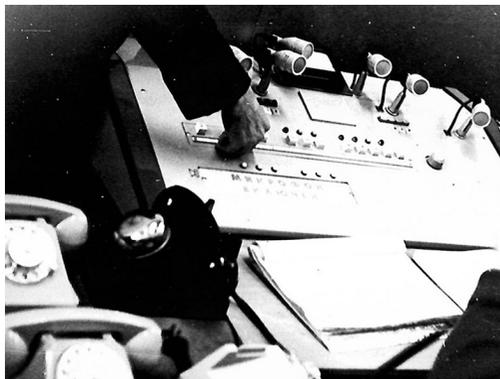
Что такое сортировочная станция? Вот приходит на крупную узловую станцию, например в Москву, грузовой состав. В нём может быть и 50, и даже гораздо больше вагонов. Вагоны собирались на разных станциях в пути следования (их просто прицепляли

на промежуточных станциях в хвост состава), и теперь нужно эти вагоны отправить по дальнейшему назначению, то есть нужно пришедший состав расформировать. Для этого и есть сортировочная станция и обычно на ней есть сортировочная горка. Локомотив затаскивает состав на эту горку, а затем вагоны отцепляют с хвоста поезда по одному, и они катятся под уклон горки. А в конце горки есть много-много различных путей и стрелочных переводов. Вот сортировочный диспетчер сформирует, переключая стрелки в нужном направлении, очередной маршрут. Хвостовой вагон отцепят, и он катится с горки под уклон на нужный путь. А диспетчер уже следующий нужный маршрут готовит, и опять очередной вагон с горки катится. А чтобы вагоны не бились друг об друга, на путях стоят башмачники (хотя были уже и тогда автоматические пневматические тормозные приспособления — замедлители, которые «прихватывали» катящийся вагон за колёса). Башмачник подкладывает под колёса катящегося вагона «башмак» — это такая тормозная колодка, — и вагон останавливается в нужном месте. Потом, когда вновь сформированный состав готов, к нему подходит локомотив, слегка подтолкнёт вагоны, и на них сработает автосцепка. Далее нужно только тормозные шланги — соединительные рукава всех вагонов — соединить при помощи соединительных «лягушек», краны тормозной магистрали открыть, тормоза проверить, и всё готово, можно новый состав в путь отправлять. А вот если нет сортировочной горки, то тогда маневровый тепловоз должен весь состав немного разогнать и резко затормозить. И тогда последний, уже отцепленный вагон, по инерции покатится и уйдёт на нужный маршрут. Затем опять надо состав разогнать и притормозить. И так с каждым вагоном. Это долго, трудно и неудобно.

Грузовой вагон обычно вмещает 60 тонн полезных грузов, а сам может весить ещё тонн 20–25. И вот, когда катится такая машина по инерции с сортировочной горки, то инерция у вагона огромная. Если башмачник ошибётся и вовремя вагон не затормозит, то вагон может удариться в остальные вагоны и разбить их в щепки или с рельсов соскочить, а может и грузы все разбить. Вы, наверное, видели на некоторых грузовых вагонах, особенно на цистернах с бензином, предупреждающие надписи: «С горки не спускать».

Вот при маневровой работе как раз и использовалась в то время вторая часть нашей специальности — Радиовещание. На столбах вдоль всей станции стояли рупорные громкоговорители, и диспетчер через них всё время «бубнил», куда очередной вагон идёт и что стрелочникам и башмачникам делать. Чтобы понять, что говорит диспетчер, нужно было хотя бы месяца два-три на железной дороге поработать, такая была плохая разборчивость у этих устройств. А то слушаешь команды диспетчера, а там только: «Бу-бу-бу» да «Бу-бу-бу». Но со временем работники привыкают понимать диспетчера даже с полуслова.

Небольшое отступление, которое нужно для того, чтобы немного рассказать о тормозах, которые упоминались чуть выше: вдоль всех вагонов проходит труба — тормозная магистраль. С обоих концов вагона она заканчивается вентилями и тормозными шлангами (соединительными рукавами), через которые объединяются тормозные магистрали отдельных вагонов в единое целое. И в результате образуется непрерывная тормозная магистраль вдоль всего состава (поезда). На локомотиве (электровозе или тепловозе) в кабине машиниста есть тормозной кран машиниста, который может выпускать сжатый воздух из тормозной магистрали или подключать магистраль к мощному воздушному компрессору. А около каждой колёсной тележки, которая объединяет две колёсные пары, есть запасный (от слова «запасать») воздушный резервуар и хитрый трёхходовой воздушный кран. Если в тормозной магистрали высокое давление, то и в запасный воздушный резервуар тоже подаётся и запасается сжатый воздух. А вот если машинист тормозной кран откроет, то давление воздуха в тормозной магистрали падает, а хитрый трёхходовой кран подключает запасный воздушный резервуар к тормозному цилиндру. Поршень в этом цилиндре приходит в движение, прижимает тормозные колодки к колёсным парам, колёса затормаживаются и состав останавливается. Чем сильнее машинист тормозной кран откроет, тем сильнее тормозные колодки к колёсам прижимаются и тем скорее состав остановится. А когда нужно дальше двигаться, то машинист тормозной кран в другую сторону переводит, воздух от компрессора в тормозную магистраль поступает и хитрые краны во всех вагонах понимают: «Надо



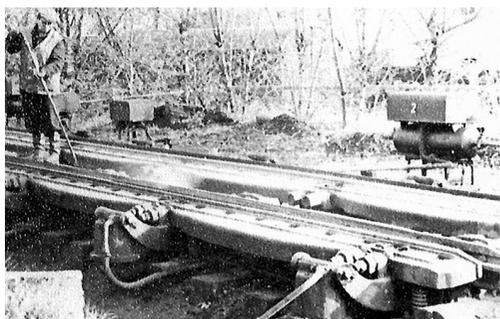
Пульт диспетчера сортировочной станции



Диспетчер на рабочем месте



Стрелки, стрелки и стрелочные переводы на сортировочной станции



прекратить торможение». Воздух из тормозных цилиндров выпускается, и тормозные колодки отводятся от колёс. А если какой тормозной цилиндр заклинит, не отпустит тормозные колодки от колёс, то и получается на колесе «ползун» (смотрите дальше по тексту). Локомотив всё равно сможет состав тащить, даже если несколько колёсных пар в составе намертво заклинило и вращаться они не могут.

Это немного упрощенное описание принципа работы тормозов на железной дороге, но зато сразу становится понятно, что если вдруг какой-то тормозной шланг оборвётся или вагон какой отцепится, то сразу сработают все тормоза во всех вагонах поезда и он остановится. А в пассажирских поездах есть ещё и тормозные краны (через них просто выпускается воздух из тормозной магистрали), в каждом тамбуре во всех вагонах, и открывание любого тормозного крана приводит к немедленной остановке всего поезда. Кстати, длина тормозного пути для поезда (даже при экстренном торможении) может составлять 800 и более

А это пневматические тормозные приспособления— замедлители, их постоянно нужно чистить...

метров. Это зависит от количества вагонов, их загрузки и рельефа пути. Бывает и 1500 метров недостаточно для полной остановки поезда, а инерция состава такова, что любое препятствие на его пути будет напрочь снесено.

Кстати, когда поезд тормозит, то его кинетическая энергия передаётся и рельсам и они стремятся «утекать» вперёд вместе с поездом. Поэтому перед станцией снизу на подошвах рельсов мы можем увидеть специальные скобы — противоугоны, которые упираются в шпалы и не дают рельсам ползти вперед. А вот когда поезд после остановки на станции трогается с места, то рельсы пытаются ползти назад (колеса их назад выталкивают) и поэтому в начале очередного блок-участка после станции противоугоны стоят уже так, чтобы не давать рельсам уползти назад. Пока железнодорожные инженеры до такого изобретения не додумались, много было случаев трещин в рельсах и их разрывов около станций.

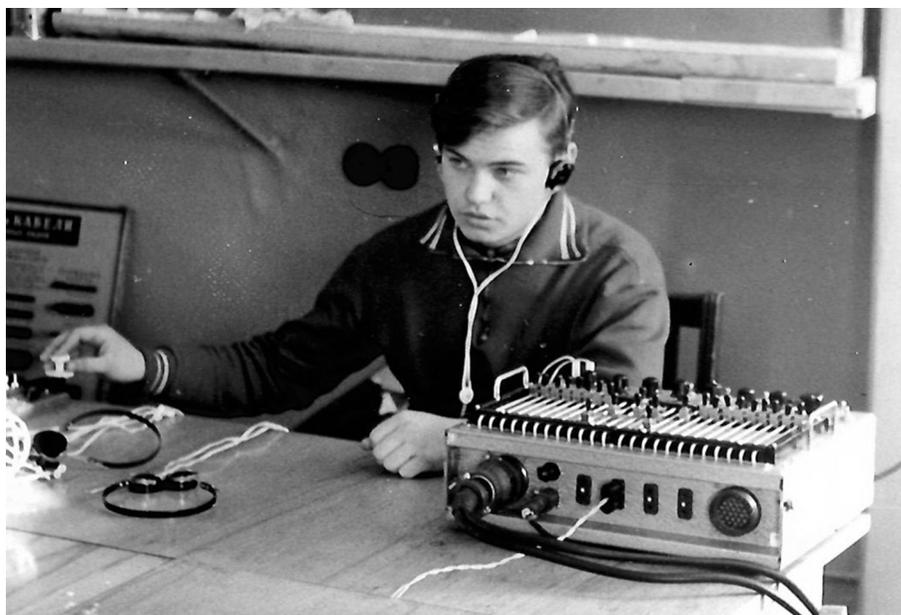
А ещё на локомотивах можно увидеть около каждого колеса небольшую форсунку, из которой, когда локомотив трогается с места и колёса на месте проскальзывают, начинает сыпаться мелкий песочек. Сцепление колес с рельсами сразу улучшается — и поезд набирает ход.

## **Специальные предметы бывают разные**

Вообще-то, по всем предметам преподаватели нам обязательно наговаривали и надиктовывали конспекты, которые все студенты должны были вести и периодически показывать преподавателю. Учебник был только дополнением и расширением курса. Иногда из учебника брались какие-то задачи на дом. Спрашивали нас преподаватели в начале каждого урока практически по конспекту предыдущего занятия и горе было тем ученикам, которые не вели конспект. Оценки нам ставили разные, но ещё раз замечу, что на экзамене или зачёте можно было получить оценку, ничего общего не имевшую с оценками в течение семестра. Можно было и пятёрку получить, имея тройки в семестре, а можно было и наоборот — тройку получить на экзамене и лишиться стипендии на следующий семестр.

«Радиопередающие устройства» нам преподавал Квятковский Владимир Иванович (мы его величали КВН, в честь популярного советского телевизора КВН-49). Я почему-то плохо понимал этот предмет и поэтому не совсем его запомнил. Передатчики у меня до сих пор остались до конца не понятыми, наверное из-за того, что и сам преподаватель как-то в них путался. Зато этот же преподаватель учил нас и морзянке («ти-ти-таке»). Уж в этом-то деле Владимир Иванович был профессионал. Все студенты должны были научиться принимать на слух и передавать на ключе азбукой Морзе хотя бы 60 знаков в минуту. Был для этого оборудован специальный класс с пультом преподавателя, телеграфными ключами и наушниками для всех студентов группы. Целый семестр (или даже два) мы дважды в неделю по 1,5 часа слушали морзянку и стучали на ключах. Некоторые ребята достигли и гораздо больших скоростей, чем было положено для зачёта, но в целом все научились этой хитрой науке, и мальчики, и девочки.

И конечно, был у нас предмет «Телевидение», который преподавал Борис Ефимович Телешевский. Вот уж у кого был талант преподавания и огромное терпение, с которым он вдавливал в нас



На месте преподавателя Коля Дмитриев, стучит на ключе морзянку

знания, часто и по смежным предметам тоже. Устройство телевизоров мы изучали досконально и схемы чертили на доске почти наизусть. Часто бывало, что нарисует Борис Ефимович на доске кусок какой-то схемы, ламповой или транзисторной, и начинает вопросы задавать: «Если изменить параметр этой детали, то что произойдёт на выходе узла?» Или так: «Чтобы понизить коэффициент усиления этого каскада, номинал этого резистора надо у... у... у...» Кто-нибудь из ребят не выдержит и скажет: «Увеличить». А Борис Ефимович хмыкнет и закончит: «Правильно, уменьшить».



А это «ти-ти-такой» занимается Юра Теричев

И по этому предмету много было лабораторных работ. Была в лаборатории и ПТУ — Промышленная телевизионная установка. Это такой телевизор в стальном ящике с пультом управления и внешней видеокамерой со сменными объективами, которые менялись и настраивались на резкость при помощи небольших электромоторчиков. Камера смотрела в окно лаборатории на входную дверь вестибюля техникума, до которой было метров сто. Так вот, можно было лицо выходящего из двери человека увеличить во весь экран телевизора. Но эта установка дефект имела — если навести камеру на максимальное увеличение, то что-то в камере замыкало, из неё шёл дымок и после этого надо было камеру разбирать и чинить. И вот однажды Борис Ефимович поручил мне чинить эту камеру на лабораторной работе. Разобрал я её и нашёл, что сгорело несколько довольно мощных резисторов. Я их заменил, перепаял схему и собрал камеру. Она заработала, но на следующей лабораторной работе кто-то из ребят опять установил максимальное увеличение, и опять дымок из камеры пошёл. Тут уже и сам преподаватель в процесс ремонта включился. Остались мы с ним и ещё одним студентом после уроков, камеру разобрали, резисторы опять поменяли и стали, не собирая камеру полностью, гонять электромоторы управления увеличением изображения

до упоров. И нашли, что когда объектив отъезжает до упора, то экранированный кабель своей медной заземлённой оплёткой замыкает схему и в результате идёт дым. Кабель тот заизолировали, резисторы опять поменяли и с тех пор всё работало как часы.

А ещё Борис Ефимович преподавал нам предмет «Измерения в радиотехнике» и даже учебник по этому предмету он сам написал. Но этот предмет почему-то давался мне нелегко, а всякие погрешности и неточности, как и теорию вероятностей, я до конца не понимаю до сих пор.

Был у нас ещё и предмет «Эксплуатация железных дорог». Там мы изучали рельсы, светофоры и сигналы, стрелочные переводы и всё, что с этим связано. Габариты подвижного состава, габариты приближающихся строений и Правила технической эксплуатации и технику безопасности (ПТЭиТБ) на железнодорожном транспорте. С интересом мы узнали, что стучит по рельсам «ползун», а не квадрат (если колесная пара случайно осталась заторможенной, а поезд идёт, то на колесе образуется неровность — ползун, и такую колёсную пару надо протачивать на огромном токарном станке). Анекдот на эту тему: «Площадь круга — Пи Эр квадрат, вот этот-то квадрат как раз и стучит». Составы бывают пассажирские и грузовые, а не товарные, как



Борис Ефимович Телешевский на уроке телевидения:  
«Сопротивление этого резистора нужно у... у... у...»

часто народ считает. А по дороге из Москвы во Владивосток поезд 10 километров летит по воздуху — ровно столько была в то время общая длина стыков между рельсами на этом расстоянии.

Как устроены локомотивные светофоры в кабине машиниста? Уже в то время в кабине машиниста локомотива (или электропоезда) стоял маленький светофорчик, который дублировал сигналы следующего по пути следования обычного светофора. А всё гениальное просто — по рельсам течёт электрический ток определённой частоты, и в зависимости от цвета следующего сигнала светофора частота эта различная. Перед первой колёсной парой локомотива на небольшой высоте над рельсом закреплена катушка (кажется там было 40000 или 80000 витков тонкого эмалированного провода). А через колёсную пару электрическая цепь замыкается, и в этой катушке наводится электрический сигнал. Далее всё просто: усилитель, анализатор частоты сигнала — и на маленьком светофорчике в кабине локомотива машинист видит, какой сигнал горит впереди на следующем светофоре, даже если этот светофор ещё за поворотом и его просто так из кабины и не видно. А если вдруг впереди в рельсах трещина образовалась или злой дядя рельсы раскрутил и гаечки на грузики для рыбалки утащил, то цепь разорвана и машинист видит на своём маленьком светофорчике — впереди авария, надо тормозить. Но для того, чтобы всё это работало, около каждого светофора есть изолирующий стык, который разделяет железнодорожный путь на блок-участки. В стыке между рельсами стоит изолирующая прокладка, а соединяющие рельсы накладки тоже изолированы специальными прокладками. Правда для того, чтобы электрический ток для работы электромоторов локомотива не прерывался на таком стыке, рядом с изолирующим стыком можно увидеть большие стальные коробки, в которых стоят специальные фильтры — дроссели. Эти фильтры и не пропускают информационные сигналы светофоров на следующий блок-участок. Кстати, ещё раз напомним, что грузовой состав может остановиться только через 800 и более метров после начала торможения, такая у него огромная инерция.

А позднее железнодорожные инженеры придумали и сделали ещё и автостоп. Если вдруг машинист заснул, а сигнал следующего впереди светофора красный и поезд его проехал, то автоматически включается торможение. Правда в этом случае машинист останется

без премии и «дырку» в своих правах получит, ведь все действия машиниста записываются на ленту скоростемером — кляузником его машинисты называют. А на пассажирских поездах в то время всегда был ещё и помощник машиниста. Машинист справа за контроллером сидит и встать не может — если встанет, то отпустит ручку контроллера, тоже автостоп сработает. А помощник слева сидит и тоже вперёд смотрит. Кто из них первым следующий светофор увидит, то сразу говорит: например, «Вижу зелёный», а второй тоже отвечает: «Вижу зелёный». И когда поезд въезжает в зону действия следующего светофора (проходит границу блок-участка), то в кабине раздаётся писк — противный такой сигнал — свистка ЭПК (Электропневматического клапана автостопа), после которого и помощник, и машинист должны нажать на специальные кнопки, каждый около своего места. Нажать нужно почти одновременно и одному человеку это сделать невозможно — расстояние между кнопками большое. Это сделано для того, чтобы убедиться, что не спят машинист с помощником. Если не нажали они вовремя на кнопки, то автостоп сработает. А ещё и скорость состава при этом проверяется. Если сигнал на следующем светофоре горит «желтый», то скорость поезда не должна превышать 60 километров в час, иначе также автостоп сработает. А если на проходном светофоре горит «красный» сигнал, то машинист может проехать этот светофор на скорости не более 20 километров в час, если видит, что впереди путь свободен. Это делается для того, чтобы случайная поломка оборудования СЦБ не привела к полной остановке всей железнодорожной магистрали. Но, конечно, перед этим машинист запросит по радио у диспетчера разрешение на проезд этого красного сигнала светофора.

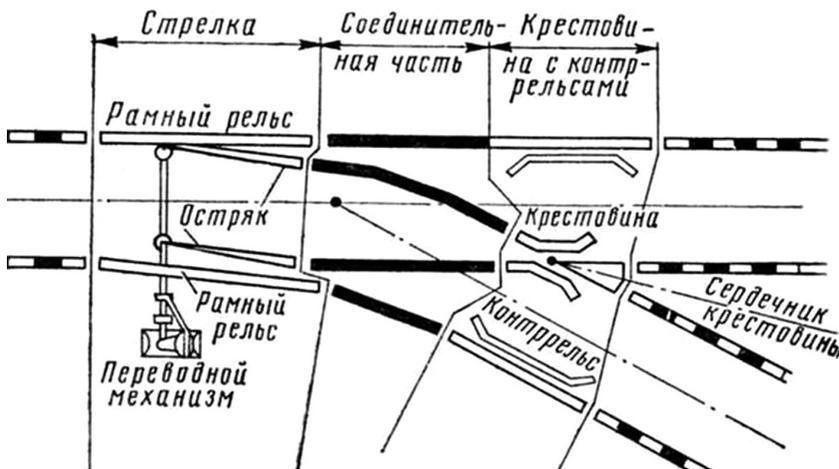
Всё это описание касается «моего времени» — 70-х и 80-х годов прошлого века. Сейчас, конечно, техника уже другая, всё обновилось, но основные принципы остались те же, что и много лет назад.

Преподаватели нам тогда всё время повторяли, что **каждая буква, каждая запятая в ПТЭиТБ написана кровью погибших людей и соблюдать эти правила нужно неукоснительно.**

Ну например, нам они объясняли, что **при переходе железнодорожных путей нельзя наступать на головку рельса** (так

называется верхняя часть рельса, по которой катится колесо). Поверхность головки рельса отполирована колёсами поездов до зеркального блеска, конечно, если в этом месте часто поезда проходят. Она может быть мокрой, случайно политой смазкой, соляной или соевым маслом из проходивших поездов и очень и очень скользкой. Известны сотни и тысячи случаев, когда шёл человек через пути, наступил на скользкий рельс, упал и ударился головой об этот самый рельс, и больше этот человек нигде и никуда в своей жизни уже не ходил. Кстати, один погонный метр рельса весит от 50 до 75 килограммов. Изготавливают их из очень прочной стали, и они заведомо крепче любой бестолковой головы.

Или говорят, что нельзя переходить железнодорожные пути через стрелочные переводы (в просторечии, через стрелки). В любой и самый неподходящий момент диспетчер может удалённо перевести стрелку, и нога неудачника будет зажата острием переключившейся стрелки. Усилие там такое, что самостоятельно освободиться скорее всего не получится. А машинист приближающегося поезда ничего не сможет сделать (ведь тормозной путь поезда огромен), когда наконец увидит прыгающего на одной ноге, как зайца в капкане, несчастного неудачника, и поезд в одну секунду укоротит ногу этого бедолаги. Но каждый год кто-то обязательно попадает в такую переделку.



Вот примерно так, как показано на этом рисунке, устроен стрелочный перевод

Ещё один пример, связанный с электричеством. В контактном проводе, к которому электровоз или электропоезд подключается при помощи пантографа, может быть 3000 вольт для участков железных дорог на постоянном токе или до 27 500 вольт для участков железных дорог на переменном токе. А напряжение пробоя воздуха в зависимости от давления, влажности и температуры может составлять 2000 вольт на 1 миллиметр (при нормальной влажности) и гораздо меньше при высокой влажности. **Значит достаточно просто поднести руку на 1 сантиметр к оборудованию на участке с переменным током (даже прикоснуться не надо) — и человек будет смертельно поражён электрическим разрядом.** Да, бывали случаи, которые можно назвать чудом, и человек, попавший под напряжение, оставался жив, но он неизбежно становился инвалидом и жил недолго и очень-очень плохо. А ещё **нельзя прикасаться к металлическим конструкциям опор контактной сети.** Ведь на них может тоже появиться опасное напряжение из-за плохих или влажных изоляторов или просто наведённое напряжение (за счёт электромагнитной индукции), а качество заземления металлических конструкций может оказаться плохим, и вот вам уже несчастный случай со смертельным исходом.

И таких примеров можно привести огромное количество. Поэтому и говорят, что каждая буква и каждая запятая в Правилах технической эксплуатации и техники безопасности написаны кровью.

Уже в то время очень широко использовалась различная автоматика на железной дороге. Пусть эта автоматика была примитивная, на радиолампах и реле, но она работала вполне устойчиво и при правильном и постоянном периодическом обслуживании себя вполне оправдывала.

Например, недалеко от станции Кубинка был ПОНАБ (Пункт обнаружения нагрева букс). Буксы — это такие стальные коробки, в которых находятся подшипники скольжения и смазка, и в которых вращается ось колёсной пары. Если смазки в буксах недостаточно, то ось может нагреться и выйти из строя, произойдёт авария или крушение поезда. Уже тогда на этом автоматическом пункте все проходящие поезда проверялись на нагрев букс, а счётчики показывали, в каком вагоне и какая ось нагревается. На следующей

станции обходчик проверит и дополнительно смажет подозрительную буксу или даже весь вагон отцепят и будут ремонтировать. Сейчас, конечно, повсеместно используются роликовые подшипники качения, но всё равно за ними нужно постоянно следить.

Ну и напоследок немного железнодорожного юмора. Почему магистраль Москва — Ленинград (теперь Петербург) прямая? А потому, что в 1842 году царь Николай I приложил к карте линейку и прочертил прямую линию между двумя российскими столицами. Но в одном месте карандаш случайно его палец обвёл, которым он линейку держал. Так и образовался в одном месте железной дороги небольшой изгиб. А ещё инженеры спросили, какой ширины должна быть колея (расстояние между рельсами)? Как в Европе — 1435 мм или шире? Царь и ответил: «Да на хер шире». В результате и получилась в России колея шириной 1524 мм.

## **Всякая связь**

Радиосвязь на железной дороге в то время была устроена так: на каждой станции, на каждом локомотиве (электровозе, тепловозе или мотовозе) или электропоезде стояла радиостанция. А на крыше локомотива — антенна. Мощность радиопередатчика такой радиостанции была небольшая, всего 10 ватт. Но вдоль всего железнодорожного пути был проложен волновод (это медный провод на изоляторах, закреплённый на каждом столбе). И все стационарные радиостанции имели антенны, близко подходящие к этому волноводу. Кроме этого, на каждой станции стоял специальный блок для перехода от радиостанции на проводную диспетчерскую связь. Назывался он ШРПС и весил, наверное, килограммов десять (на практике мне пришлось таскать на себе эти блоки). И вот сидит в Москве диспетчер и управляет всем движением поездов, всеми светофорами и стрелочными переводами километров на 100 или даже больше. У него есть пульт для подключения к любой стационарной радиостанции, и он может связаться с любым локомотивом или с дежурным по станции на своём участке. И любой машинист локомотива может просто поднять телефонную трубку своей

радиостанции и, нажав кнопку вызова, сказать: «Диспетчер, я локомотив такой-то». И диспетчер это услышит и сможет поговорить с машинистом. Правда говорят они по очереди: один говорит (для этого он должен нажать тангенту (кнопку) включения передатчика (или педаль у диспетчера), а второй слушает, и наоборот. Называется такая связь симплексной, в отличии от дуплексной, когда мы используем обычный телефон или современный мобильник или смартфон. А ещё есть и режим циркулярной связи — диспетчер включает сразу все передатчики своего участка и все машинисты одновременно слышат его команды. Кстати, и сейчас радиосвязь на железной дороге и даже в метро работает по такому же принципу. Это просто и надёжно и, хотя у всех есть мобильные телефоны, полагаться на них можно далеко не всегда.

Был у нас ещё и предмет «Проводная связь», на котором мы изучали устройство телефонов, коммутаторов и всего подобного хозяйства. Почему-то особенно запомнилось подробное объяснение схемы противоместного эффекта телефонного аппарата (это подавление собственного голоса в своём телефоне, иначе будешь слышать себя, а не второго абонента), о котором очень любил спрашивать у студентов наш преподаватель. Как звали преподавателя, я, к сожалению, уже забыл, но он запомнился тем, что перед 8 Марта всем девочкам дарил по шоколадной конфетке и ставил им в журнал по пятёрке. И был случай, когда мы учились на 3-м курсе, наши ребята решили сделать девочкам праздник. Ну, так, как они это понимали. На большой перемене почти вся наша группа продефилировала в общежитие и в одной из комнат было распито несколько бутылок портвейна — праздник отметили. А следующим уроком как раз и была «Проводная связь», и наш преподаватель старательно водил носом и принюхивался, но от всех ребят и девчат запах был примерно одинаковый и никаких санкций тогда не последовало.

С этим предметом тесно переплетался и другой предмет, связанный с уплотнением телефонных каналов, и назывался он «Радиорелейная связь». Это сейчас у всех есть мобильные телефоны и смартфоны, а в то далёкое время обычная проводная телефония была очень даже востребована. Многие наши ребята после 3-го курса почему-то попали на практику на телефонный узел и обслуживали

КРР (Кабельная радиорелейная станция), а некоторые так там и остались работать после окончания техникума или вернулись в телефонию после отработки обязательных двух лет работы по распределению на железной дороге.

## Теоретическая механика и сопромат

В начале очередного семестра с удивлением мы начали изучать теоретическую механику. Думали, что всё, физику сдали и успокоились. Ан нет. Тут тоже физика, только ещё тяжелее и сложнее, вперемешку с математикой. Всякие балки, опоры, эпюры и бесконечные расчёты устойчивости различных конструкций. Учебника нормального не было. Женщина-преподаватель (к сожалению, я забыл её имя) всё нам надиктовывала в конспекты. И потом она спрашивала конспекты и домашние задания по полной программе. Тут приуныли даже наши лучшие ученики. Помню, как я раз чудом не опозорился. Тема была «Расчёт полого вала», а я в конспекте почему-то написал «Расчёт пологого вала». Хорошо, что дома, когда уроки делал, заметил. Пришлось всю лекцию переписывать. В то время любой из нас запросто мог рассчитать конструкцию какой-то консоли, нарисовать эпюры распределения нагрузок и вычислить её устойчивость к динамическим нагрузкам. Сейчас, конечно, ничего этого я, к сожалению, уже не помню.

А предмет «Сопромат» (кто не знает, так это Соппротивление материалов) был уже на уровне хорошего института. После службы в Советской армии, когда я уже учился на вечернем отделении в МИРЭА (Московский институт радиотехники, электроники и автоматики), то сокращённый курс институтского «Сопромата» (для будущих радиоинженеров этот предмет считался необязательным) показался мне детской игрой по сравнению с таким же курсом в техникуме.

А лабораторные работы у нас были в каком-то научном институте, связанном с металлургией. Там на специальных огромных машинах нам демонстрировали, как разрываются стальные стержни, как истираются и ломаются металлические детали и как от качества стали и правильности расчёта конструкции зависят прочность и долговечность этих деталей.

Эта же преподавательница позднее пыталась нас учить и «Экономике», но кроме термина «Фотография рабочего дня» никаких других воспоминаний у меня в памяти об этом предмете не осталось.



На занятиях по «Экономике»  
слева наша староста Лариса, а я, как дежурный, стираю с доски

## Культурная программа воспитания

Наши преподаватели старались всячески развивать нас и в культурной сфере. Кто-то из них организовывал экскурсии, кто-то — походы в кино, на выставки или театры. Запомнилась мне экскурсия в Московский Кремль. А преподаватель истории как-то даже устроила нам лекцию про взаимоотношения между мальчиками и девочками, причём никаких пошлостей мы тогда от неё так и не услышали. Сейчас это назвали бы «половым воспитанием», но в то время такое было для нас очень даже удивительно.

Ну и, конечно, овощные базы с бесконечной сортировкой картошки и капусты также крепко сплачивали наш коллектив.

А уже на втором курсе некоторые ребята, жившие в общежитии, иногда приглашали и москвичей на празднование дней рождения.



Это наш очередной поход на районную овощную базу

Главное было — незаметно проскочить мимо вахтёра у входной двери общежития. А бывало, что приходилось и залезать по водосточной трубе на балкон второго этажа, если вахтер ловил и не пускал в дверь. Вино в общежитие проносили в тубусах с чертежами. Водка тоже встречалась. Хотя в общежитии и были штатные воспитатели, уследить за всеми они не могли. Бывало, что ребята и напились, бывало, и всякие глупости делали. На одном этаже могли жить студенты разных факультетов и возрастов, и первокурсники, и выпускники. Конечно, девочки и мальчики жили на разных этажах, но взаимные контакты случались довольно часто.

Однажды на другой стороне проспекта Мира, прямо напротив нашего техникума, открылся огромный хозяйственный магазин самообслуживания — первый и единственный в то время в Москве. Он занимал целый первый этаж высокого и длинного нового дома. Никаких видеокамер в то время не существовало, и рамок на выходе тоже не устанавливали. Продавцов в этом магазине поначалу было очень мало, все надеялись на честность и порядочность новой общности людей — советского народа (об этом наш дорогой и уважаемый Леонид Ильич Брежнев заявил тогда на очередном съезде КПСС). Наши ребята быстро помогли тогда развеять

эти политические предрассудки. В первый же день после открытия этого магазина из него было украдено всё, что плохо лежало. Причём тащили просто так, из спортивного интереса. По всему техникуму и общежитию валялись пакетики с краской для окрашивания тканей, какие-то прищепки, освежители воздуха, баллончики с краской, прочая ерунда и мелочь. Через неделю магазин уже закрылся — товары закончились... А когда через пару недель магазин вновь открылся, то продавцов и охранников стало там в разы больше, и вакханалия мелкого воровства прекратилась. Конечно, не только наши ребята в этом безобразии участвовали. Рядом были и другие учебные заведения, ученики которых тоже так развлекались и часто соревновались между собой — кто больше утащит мимо кассы.

Запомнился мне и товарищеский суд, который проходил однажды в актовом зале над несколькими чудаками, которые развлекались тем, что воровали радиоприёмники из автомашин, стоявших по вечерам на соседних улицах, а затем курочили эти радиоприёмники в общежитии и выбрасывали обломки на местную помойку. Этих ребят тогда исключили из комсомола, а кое-кого даже и отчислили из техникума.

Довольно много наших ребят в то время умели играть в шахматы. И иногда, на переменах и даже на уроках, мы играли в эту игру. Были тогда в ходу маленькие дорожные пластмассовые шахматы с дырочками в клеточках и штырёчками у фигурок. Спасибо моему дедушке, Владимиру Александровичу, который в детстве учил меня играть в шахматы. Научил он меня в результате длительных усилий неплохо играть в эту замечательную игру.

Были в техникуме соревнования по шахматам и у нас в группе, и между разными группами, причём организовала эти соревнования преподаватель физики Светлана Викторовна.

А однажды мы даже попали на районный шахматный турнир. Нас было человек 10, и приехали мы на ВДНХ. Играли мы с командой сотрудников ВДНХ в высотном здании Главного павильона. Заходим, а там сидят пожилые седые дедушки... Я на шахматном турнире первый раз в жизни тогда играл. Девять партий закончились

минут за пятнадцать. Остался один я с совсем седым дедушкой. Все остальные наши ребята и ВДНХ-дедушки нас со всех сторон обступили, и это меня напрочь выбило из колеи. С огромным трудом удалось мне на ничью партию свести, хотя преимущество у меня тогда было. И получилось у нас 9 поражений и одна ничья, выбыли мы из этого турнира.

## **Восстановление железных дорог дорогого стоит**

Интересный был у нас предмет — «Восстановление железных дорог». Вообще-то его стоило назвать «Уничтожение железных дорог», так как нас два, наверное, семестра учили тому, как разрушить железную дорогу так, чтобы восстановить её было невозможно. А затем семестр учили уже восстановлению железных дорог. Причём были у нас и курсовые работы: сколько тротильных шашек, сколько взрывателей, бикфордовых шнуров и солдат нужно, чтобы быстро уничтожить заданный участок железной дороги? А за какое время взвод солдат сможет взорвать все столбы проводной связи вдоль железнодорожного полотна на этом участке? А как правильно взорвать столбы или рельсы, куда нужно тротильную шашку подкладывать, а если столб железобетонный? А как сразу из падающих столбов завалы организовать? А как грамотно мост заминировать и подорвать так, чтобы потом восстановить нельзя было? А что со стрелочными переводами делать, как их половчее испортить или взорвать?

Вот такие вопросы были на зачётах и в курсовых работах в первой половине обучения по этому предмету. Преподавал нам этот предмет добрый старенький дедушка в звании подполковника. Во время войны он подрывником был и, наверное, не один вражеский эшелон под откос пустил. Так что рассказывал он нам и объяснял все тонкости с глубоким знанием этого дела, с энтузиазмом и искренней любовью к своей профессии. И даже кинофильмы нам учебные по этому предмету показывали с грифом ДСП (Для служебного пользования).

Ну, а затем уже действительно курс «Восстановление железных дорог» и курсовая по этой теме: за какой срок железнодорожный

батальон восстановит участок магистрали? А если в чистом поле? А как использовать куски рельсов после предыдущего уничтожения железнодорожных путей? Как по-быстрому в них отверстия проделать, чтобы куски между собой соединить? Сверлить — долго, а как можно иначе поступить? А что с разрушенным мостом делать? А связь между станциями как наладить?

Было в какой-то момент ощущение, что из нас готовят начинающих диверсантов. Причём учили этому и мальчиков и девочек. Только лабораторных работ с настоящими тротильными шашками и взрывателями у нас не было, всё на макетах тренировались. Теперь жалею, что мои конспекты по этому важному и полезному предмету не сохранились.

Многих наших ребят и, конечно, всех девочек, этот предмет совершенно не интересовал. Но меня-то, учитывая мои детские ракетные начинания, он интересовал даже очень. Я и ещё один-два моих сокурсника специально ходили в техникумовский читальный зал, где можно было почитать специальные учебники и руководства по этому замечательному предмету (на дом такие учебники, конечно и к большому моему сожалению, не выдавались).

И был ещё предмет НВП (Начальная военная подготовка) для всех мальчиков. Преподавал, его, кажется, полковник Гальперин. В класс он всегда приходил в военной форме. Дежурный по группе рапортовал о готовности группы к занятиям и обо всех отсутствующих курсантах. Изучали уставы, строевую подготовку, автомат Калашникова, ручной пулемёт (уже не помню, какой у нас был учебный пулемёт, хотя вариантов-то немного, всего два — Калашников или Дегтярёв), ручной гранатомёт, устройство мин (разные учебные мины просто кучкой лежали на подоконнике в аудитории). Разборка и сборка учебного автомата АК-47 на время. А с закрытыми глазами? А одной рукой? Некоторые наши ребята (кажется, Володя Клычников особенно в этом отличался) достигли больших успехов в таких делах и даже участвовали в каких-то соревнованиях по данной тематике.

И конечно, полковник Гальперин тоже рассказывал нам про войну... Например, как его осенью 1941 года ускоренно учили на подрывника. Вывели его отделение в чистое поле, выдали

каждому солдату по коробку спичек и по 5 взрывателей для тротильных шашек с коротким бикфордовым шнуром. Сержант показал, как поджигать, и вперёд, учитесь... Надо успеть поджечь все 5 до того, как они взрываются начнут. Как он нам тогда рассказывал: «Руки трясутся, спички ломаются, пока третий поджёт, первый сзади за спиной уже рванул». Сам по себе такой взрыватель (почему-то он называется «Взрыватель №8») без тротильной шашки просто очень громко хлопает, как современная китайская петарда, но если его в этот момент держать в руке, то пальцы на руке отлетят моментально и навсегда. Так вот, через неделю таких каждодневных занятий все солдаты отделения зачёт по этой важной теме получили.

На практических занятиях по НВП, помню, лежим мы вдвоём с Сашей Красных на спортивной площадке за учебным гранатомётом РПГ, а Саша уже тогда был юным охотником и даже билет охотничий имел. Саша и говорит: «У меня капсюль от патрона охотничьего есть. Давай его сунем под боёк, то-то смеху будет». А спусковой механизм у этого гранатомёта был очень похож на револьверный. Совали, совали, а капсюль всё выпадает. Решили его пальцем придержать. Тут я по пальцу бойком и получил, да так, что неделю потом ноготь весь синий был.

С Сашей Красных я тогда крепко дружил. Он каждый день ездил на учёбу из Черноголовки на автобусе до Щелковской автостанции, а затем ещё и на метро. А вечером проделывал этот же путь обратно. Получалось, что в дороге он проводил часа 3–4 в день. А так как я иногда ночевал на нашей квартире в Измайлово, то бывали случаи, что он и ко мне домой заезжал. Саша почти никогда не ругался нехорошими «русскими» словами. У него была коронная фраза: «Ну ты и заусенец» — это было для



На этом снимке Саша (Александр Иванович) Красных во время службы в Советской армии

него выражением наивысшего ругательства. А еще он иногда употреблял как ругательство слово «краснопёрка». Но после завершения учёбы мы с Сашей больше уже не встречались. Он сразу пошёл служить в армию, потом я служил. А вскоре он женился и на этом наша дружба зачахла и прекратилась.

Как-то раз тогда я вспомнил «боевую молодость» и уговорил Сашу прикупить для меня коробку с порохом в охотничьем магазине. Из этого пороха мы делали маленькие «бомбочки»: в картонную коробочку с нитроклеем насыпали порох и втыкали в него самодельный электрозапал. Получался аккуратный пороховой кубик. Затем в общезитии этот кубик можно было на длинном проводе спустить на этаж пониже, к девочкам, и подключить его к батарее. Негромкий «ба-бах» и фейерверк получался. Или кинуть такой кубик в урну в туалете или на улице около курильщиков. Когда очередной окурок попадал на этот кубик, то всё содержимое урны взлетало вверх. Вот так мы тогда развлекались и, что удивительно, ни разу не попались. Сейчас подобные китайские петарды можно легко купить на любом рынке, а тогда это казалось нам «круто» и, главное, сделано всё это было своими руками...

Весной нас возили на стрельбище в Мытищи, где мы отстреляли по три (или по пять, точно не помню) патрона из АКМ. Для мальчишек это было незабываемое событие. А в подвалах нашего техникума был тир, где нас учили стрелять из малокалиберных винтовок. Некоторые ребята и даже девочки так к этому делу пристрастились, что специально в стрелковый кружок записывались и в соревнованиях участвовали.

**А теперь ещё раз прикиньте:** молодые ребята призывного возраста оканчивают техникум как раз к 18 годам. Они обучены метко стрелять, взрывать мосты, столбы и железную дорогу, знают радиотехнику и морзянку, умеют подключаться к полевым линиям телефонной связи, да ещё и языки знают (английский или немецкий). Осталось только пару раз из самолёта с парашютом выкинуть, и готовые специалисты для заброски в тыл потенциального противника обеспечены.

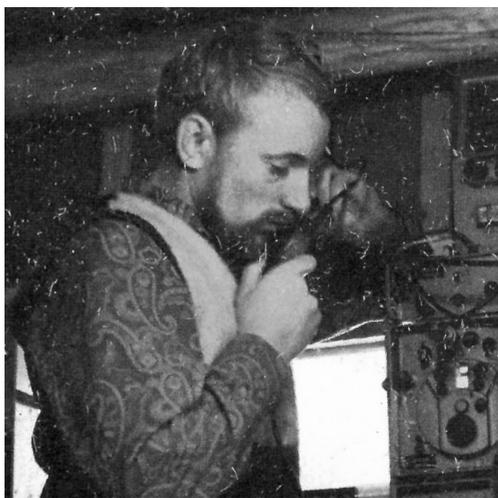
Правда, лично я по причине физической дохлости и хилости здоровья попал служить в стройбат Советской армии. Об этом вы можете (если, конечно, захотите) прочитать в первой книге «Истории про меня и моих родных».

## Оперотряд

Многие из наших ребят, живших в общежитии, как активные комсомольцы записывались в комсомольский оперотряд. Руководил этим делом вроде как райком комсомола, но на самом деле оно курировалось милицией и КГБ. Наши ребята ходили по вечерам дежурить (патрулировать) около ВДНХ и гостиницы «Космос». Их основной задачей, которую они с большим энтузиазмом выполняли, было выявление и ловля на живца девушек асоциального поведения (простите, уток), которые в избытке роились около этих лакомых мест.

А за это райком комсомола давал ребятам красивые красные удостоверения, грамоты и прочие блага, а также прикрывал в случае прогулов: «Ты почему на последнем уроке не был?» — «А я в оперотряде дежурил».

Тогда было очень модно заниматься самбо (самооборона без оружия) — на самом деле это были элементы боевой подготовки спецназа и других спецподразделений армии, милиции и КГБ. Так вот, для членов оперотряда было организовано бесплатное обучение и этому виду спорта, чем наши ребята сильно гордились. Помню, что из нашей группы два Юры — Гусев и Теричев — были самыми настойчивыми и увлечёнными членами этого оперотряда.



Это Юра Гусев, который после окончания техникума попал работать на БАМ. Тут он около радиостанции отдела местной милиции БАМа. Этот снимок мне достался из журнала «Человек и закон» во время моей службы в Советской армии

## Пионерский лагерь

В конце второго курса женщина-преподаватель (к сожалению, я забыл, как её звали) по теоретической механике неожиданно обратилась ко мне с предложением поработать в летние каникулы радистом в пионерском лагере (наверное, в моём личном деле прочитали, что я ещё в школе с радиоузлом возился). Лагерь этот принадлежал железной дороге, назывался «Салют» и находился недалеко от станции Дорохово по Белорусской железной дороге. Я сразу согласился, но позже жалел об этом решении, когда выяснилось, что нужно проходить медкомиссию почти как для космонавтов. Все, кто работал с детьми, должны были проходить тогда такие медкомиссии. На это я убил две недели летних каникул и тогда впервые познакомился со всякими неприятными врачами и процедурами. Зато узнал, что никаких венерических болезней у меня нет и глистами я не страдаю.

В пионерский лагерь я попал только к середине первой смены. В Дорохово жил и работал электромеханик радиосвязи (так полностью называлась в то время эта профессия) Михаил, который и приглядывал за радиоузлом в пионерском лагере. Вот он меня в курс дела и вводил пару дней. Ну, а дальше я уже сам потихоньку осваивался и разбирался. Был там усилитель ТУ-50 (это значит Трансляционный усилитель с выходной мощностью 50 ватт), радиоприёмник и магнитофон. Тут как раз начальники разные решили в лагере местную телефонную связь наладить. Приехала целая бригада монтажников из Можайска и за пару дней провода из полевого кабеля натянули, телефонные аппараты в каждом отряде и в столовой поставили. А ручной коммутатор установили в клубе, в комнате местного радиоузла, которым я распорядился. Получилось, что я ещё и телефонистом стал. Звонит кто-то на коммутатор: «Соедини со столовой». Я ключ вызова столовой нажимаю и сбоку ручку вызывного генератора кручу, а когда там ответят, включаю связь напрямую. Так я стал ещё и «телефонной барышней». Вожатые издевались: «Барышня, дайте столовую». Постепенно я переделал коммутатор так, чтобы хотя бы ручку не крутить, а сразу чтобы звонок к нужному абоненту шёл. Потом я переделал коммутацию рупорных громкоговорителей (РГД-10, каждый мощностью по 10 ватт) так, чтобы

можно было из радиоузла только нужные «колокольчики» включать. А то ведь как до этого было — вечером для пионеров танцы, а младшие отряды уже спать укладываются и около их корпусов громкоговорители работать не должны. Ну, и ещё в клубе переделал подключение всех громкоговорителей, чтобы лучше их слышно было, — дал на них 120 вольт вместо 30, вот они и заорали. Съездил я на выходной домой и привёз свою магнитофонную приставку «Нота». После этого стало получаться заранее готовить всякие радиопередачи. Запишу днём с одного магнитофона на другой целую программу для очередных танцев-манцев-обжиманцев, и порядок. Вечером включил магнитофон и можно расслабиться и отдохнуть. Ну, а главная задача радиоузла была такая — подача в нужное время сигналов горна. Все сигналы были на магнитофон записаны, главное плёнки не перепутать и вовремя их включить. Чтобы записать на магнитофон эти сигналы, даже привозили из Москвы уже сильно выросшего бывшего пионера, который очень здорово умел на трубе играть.

Начальником этого пионерского лагеря был Семён Ильич Мондрус. Его дочь, Лариса Мондрус, была в то время довольно популярной эстрадной певицей, да вот вдруг уехала жить на историческую родину — в Израиль. И после этого Семён Ильич мог рассчитывать максимум на должность директора пионерского лагеря. Мужик он был хороший и справедливый. Как-то предложил мне ещё по совместительству и электриком в лагере числиться. Должен был кто-то лампочки да пробки предохранительные менять и за это отвечать. Ну я и согласился. Добавили мне к зарплате рублей двадцать, а я и рад — как раз за питание каждый месяц столько с работников пионерского лагеря тогда вычитали. Лампочки перегорали часто, и пробки хитрые пионеры иногда специально сжигали (смотрите в рассказе о моих шалостях в школе). Самое неприятное было, когда на вводном силовом щите всего лагеря выбивало одну из защитных вставок. Новых не было, приходилось «жуком» обходиться. А в столовой были трёхфазные электропечи и вентиляторы тоже трёхфазные. Если одна из фаз пропадает, то происходит «перекос фаз». Электромоторы с ума сходят и сгореть могут, а печи электрические тоже из строя выходят. После очередной такой аварии остался лагерь без пирожков до конца смены — печь для выпечки сгорела со свистом и фейерверком.

Вдруг приезжает из Москвы какой-то важный дядя, проверяющий по технике безопасности, и начинает меня, как электрика, носом тыкать: «Почему выключатели на 10 сантиметров ниже, чем положено? Почему в гладильной комнате на 5 розеток только одна пробка предохранительная? А сколько Вам лет? Ах, ещё нет восемнадцати?» После этого вопроса Семён Ильич просто вынужден был так накормить и напоить этого дядю, что того затем с большим трудом в машину погрузили. Но после этого застолья все опасные вопросы волшебным образом решились сами собой. А мне пару месяцев к моему возрасту в нужных бумагах приписали...

Вечером, после отбоя, вожатые пионеров спать уложат — и ко мне в клуб. Пьянки были почти каждую ночь (ну, не каждую, но очень часто). Там я впервые попробовал и научился пить водку. Причём на халяву: помещение — моё, выпивка — от вожатых, а закуска — от поваров.

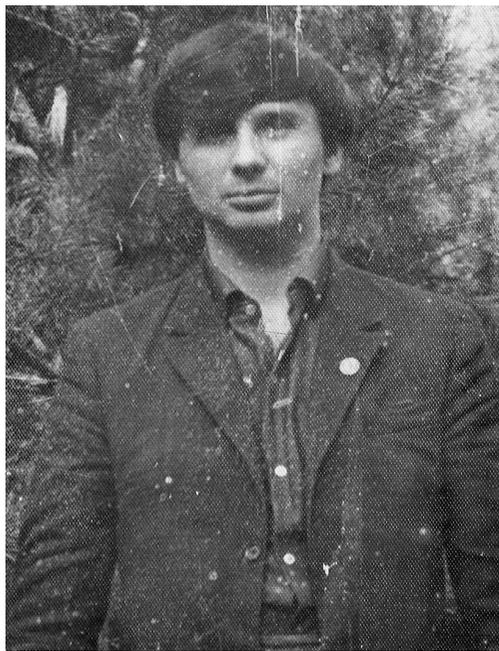
Или костёр за забором лагеря вожатые разведут, выпьют, а потом в клуб идут, в карты играть. Игра уж больно весёлая тогда в ходу была. Называлась она «Город Чмо». Раздают карты, а затем как будто в дурака играют, только раздававший карты сначала говорит: «Город Чмо открыт». И после этого нельзя говорить или вслух смеяться. Кто-то смотрит в свои карты и решает, что может больше всех взяток взять. Тогда он объявляет: «Доктор». А кто-то другой: «Помощник». И вот они вдвоём должны больше всех взяток взять. Если им это удалось, то берут они по три карты и всем остальным бьют по ушам: «Лечу, лечу, лечу». А помощник следом идёт: «Помогаю, помогаю, помогаю». А если не смогли выиграть, тогда все остальные Доктору и Помощнику бьют по ушам: «Не умеешь лечить — не берись, не умеешь помогать — не берись». И так, пока ведущий не скажет: «Город Чмо закрыт». Вот тут начинаются эмоции, вопли и разборки. А если кто-то раньше времени заговорит или засмеётся, то от всех тоже по ушам получит: «Не нарушай правил игры». Так вот через полчаса у всех уши красные и оттопыренные, а ведь все сначала для кайфа и смелости ещё и выпили...

Утром старший пионервожатый вместе с начальником лагеря остальных вожатых просто пинками поднимают и собирают. Время тогда такое было...

Мне легче было — главное, чтобы вовремя горн по радиотрансляции включить, а затем можно ещё поспать, до завтрака.

А ещё и кино в клубе показывали. Раз в неделю приезжал кино-механик с передвижной киноустановкой и показывал. Затем начальство «пробило» настоящую киноустановку, правда списанную из какого-то кинотеатра. Прислали вместе с этими «руинами» специалиста Сашу и стал он всю эту технику устанавливать и наладивать. Установка называлась КПП-1 и имела электродуговой прожектор — это когда два угольных электрода вместе сводятся и начинают гореть очень ярким светом. Но электроды сгорают, при этом укорачиваются, и их нужно всё время пододвигать друг к другу. Для этого специальные моторчики в прожекторах стояли, но они были старые и часто приходилось руками электроды поправлять, а ещё и заменять их на новые примерно каждые 30 минут. Саша этот сразу уж очень подружился с поварихой из столовой и стали они жить-поживать. И никак Саша после этого доделать до конца свою работу не мог — всё время каких-то деталей ему не хватало. Целую лагерную смену он так и развлекался, пока начальник лагеря совсем не озверел и ультиматум Саше не выдвинул: или киноустановка через неделю заработает, или бедная повариха будет уволена.

А я с самого начала всей этой эпопеи взялся по своей инициативе в свободное время Саше помогать кинооборудование настраивать и многому тогда у него научился. Постепенно научился я и кино на этой установке показывать, и это мне во время службы в Советской армии очень пригодилось. Экран шила из простыней жена начальника лагеря, а натягивали его целой



Это тот самый Саша — киноспециалист...

командой пионервожатых под руководством специалиста Саши. Непростым это делом оказалось — натянуть без морщин огромный экран. Громкоговорители (колонки были высотой метра полтора) и звуковой ламповый усилитель у той киноустановки были просто замечательные. Когда я к ним магнитофон подключаю и «Битлов» на полную громкость заводил, то прямо «ветер» от колонок-громкоговорителей во всём зале чувствовался и стены дрожали.

Привезли как-то раз кинофильм «Бей первым, Фредди!», а там есть одна сцена, не очень для детей подходящая. Так начальник лагеря лично объектив киноаппарата в нужном месте перекрывал, чтобы детей «не развращать», ну прямо совсем как в кинофильме «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещён».

А ещё у меня в клубе был портативный 8-миллиметровый кинопроектор и куча кассет с советскими мультфильмами. И часто вожатые просили, особенно в дождливую погоду, занять пионеров этими мультфильмами. Звука никакого не было, только картинка на экране. Но мы смотрели эти мультфильмы и вперёд, и назад, и вверх ногами и это было очень смешно смотреть. Особенно запомнился мне мультфильм «Шпионские страсти», советую всем обязательно посмотреть. И телевизор в клубе тоже был, но до Москвы далеко и картинка приличная только на первой программе получалась.

А главным физкультурником в лагере был бывший спортсмен, Лев Борисович. Тут привозят кинофильм про шпионов — «Лев готовится к прыжку». Так на афише мы написали: «Лев Борисович готовится к прыжку».

Выпить Лев Борисович мог очень много и без последствий. Был случай, втроём с пожилым художником и баянистом решили они перед ужином бутылку водки на троих распить. Стакана у них в тот момент почему-то не было... И вот я первый и последний раз в жизни видел, как художник бутылку раскрутил и «винтом» из горлышка больше половины себе в горло и влил. А два других участника этого события так жалостливо на этот процесс смотрели, что даже слюни глотали, а затем долго ругались с хитрым художником.

Ещё запомнился мне аккордеонист (как звали его, я забыл). Во время службы в Советской армии он служил на Новой Земле, а в те времена там проводили испытания атомных бомб. Был он ещё

парень молодой, но уже весь больной и без единого волоска — ни где, даже между ног, волос у него не было.

Каждая смена в пионерском лагере всегда заканчивалась прощальным костром. Вот, в очередной раз, пионервожатые решили «покруче» костер устроить. Сложили его из длинных жердей, в середину дров побольше накидали и бензином обильно полили, чтобы легче зажигать было. Затем, в полной темноте, из кустов выскочили в костюмах «чертей» (то есть почти голые, в одних трусах, обмотанные паклей и перемазанные сажей) несколько вожатых старших отрядов с горящими факелами и стали вокруг костра приплясывать. И вдруг один из них свой факел совсем близко к костру случайно поднёс. Пары бензина только этого и ждали... Рвануло очень прилично, и этот бедолага в один момент лишился всех волос на теле и голове, сильный ожог получил. Несчастливого остальные «черти» подхватили — и бегом в медпункт. Мазью Вишневского всего его измазали и водкой напоили для обезболивания. Неделю этот парень в медпункте пролежал на «непрерывном обезболивании», но никто про этот случай тогда начальству не наступал.

После третьего курса меня на каникулы в тот лагерь опять позвали работать. Таким образом получилось, что пионером в лагере я ни разу не был, а радистом умудрился почти шесть смен отработать. Время было очень весёлое и интересное и быстро пролетало.

## Практика

В конце третьего курса всех студентов отправляли на производственную практику. В основном, наша группа тогда попала на практику на телефонную станцию обслуживать аппаратуру уплотнения каналов КРР. Меня же наш куратор группы ГерВаныч пытался оставить на практику при техникумовских лабораториях, а я схитрил и договорился с начальством ШЧ-15 (я уже там числился во время работы в пионерском лагере), чтобы они меня и на практику тоже к себе взяли. Так я попал на практику в КИП радио (Контрольно-испытательный пункт) в депо Ильича на Белорусском вокзале.

Начальником этого КИПа был Василий Титович Брезгунов — очень грамотный и ответственный товарищ. Находился КИП в самом здании депо, в цехе, где тепловозы обслуживают и ремонтируют: в небольшой комнатке, где работали человек 5–6, и почти половину комнаты занимал какой-то герметически закрытый бак, грубо обитый досками. А рядом за стенкой был ещё и механический цех со всевозможными металлообрабатывающими станками и приспособлениями.

Тогда на железной дороге использовалось несколько типов радиостанций, и все они, конечно, были на радиолампах. Радиостанция ЖР-3 была очень старая, ещё на октальных радиолампах, и стояла она в основном на тепловозах. Это были 4 отдельных блока в крепких железных корпусах: приёмник, передатчик, вызывное устройство и блок питания. Блок питания был уникальным. На электровозах и электричках аккумуляторные батареи и генераторы выдавали 50 вольт, на тепловозах — 75 вольт. Были ещё и мотовозы — дрезина с двигателем от автомобиля ЗИЛ — на них питание было 12 вольт. А стационарные радиостанции питались обычным переменным током напряжением 220 вольт. И всё это нужно было преобразовать в различные нужные напряжения для питания радиоламп, да ещё и стабилизировать эти напряжения. Иначе радиостанции могли бы с ума посходить от бросков входного питания, а броски напряжения, особенно на тепловозах во время запуска дизелей, были огромные.

Помню, как периодически меня посылали на местную помойку выбрасывать коробки с отслужившими своё радиолампами и прочими деталями. Однажды надо было выбросить коробку с новыми биметаллическими предохранителями. Я и спросил Василия Титовича: «Зачем же новые блоки выбрасывать?» А он и говорит: «Какой-то идиот рацпредложение придумал, устанавливать эти предохранители. Сначала защищаемый блок сгорает, пока предохранитель наконец нагреется и отключится, потом предохранитель этот остывает, опять блок подключает и дожигает всё, что в блоке ещё целого осталось. Один вред без пользы от таких идей».

На электровозах и электричках стояла уже более совершенная радиостанция ЖР-3М на миниатюрных пальчиковых радиолампах, и блоки её были гораздо легче и меньше по размеру.

Обе, ЖР-3 и ЖР-3М, работали на частоте примерно 30 МГц. А ещё были ламповые радиостанции ЖР-5, которые ставились только на маневровых тепловозах и были ультракоротковолновыми (примерно 150 МГц). Работали они только в пределах конкретной станции, а для связи на перегонах не годились. Зато антенны для ЖР-5 были компактные и легко обслуживались. А вот для ЖР-3 и ЖР-3М антенной служил длинный медный тросик, который крепился на изоляторах и проходил вдоль почти всего локомотива.

А ещё были и портативные радиостанции типа «Чиж» и «Тюльпан», которые использовались при маневровой работе составителями поездов и списчиками вагонов. Списчики, как правило женщины, ходили вдоль вновь прибывших грузовых поездов и переписывали номера вагонов и другую информацию, которая была обычно мелом написана на вагонах. Когда же им выдавали портативные радиостанции, то они просто в микрофон говорили номера вагонов и другую информацию, а маневровый диспетчер проверял соответствие вагонов поезда с сопроводительными документами, и процесс значительно ускорялся (не нужно было писать всё на бумажках, а затем всё равно сверять по документам). «Чиж» был сделан на «желудёвых» малогабаритных лампах и был точной копией военной переносной радиостанции, только вместо зелёной краски покрашен был серой молотковой эмалью. Аккумуляторы у этой радиостанции были большие и тяжёлые, и сама радиостанция девушкам-списчицам казалась очень тяжёлой — носить её нужно было на плече, как сумку. Поэтому долго эти радиостанции не работали — стукнет девушка её пару раз о борт вагона и готово. Можно в ремонт тащить, а дальше ходить с лёгким блокнотиком и карандашиком.

А вот радиостанция «Тюльпан» была уже на транзисторах и гибридных микросхемах, действительно портативная. Точно такая же радиостанция, но настроенная на другие частоты, в то время использовалась и в милиции. Но всё равно, на улице, в дождь и жару, а особенно зимой в мороз, все эти радиостанции часто ломались. У нас в КИПе этими радиостанциями занимался электромеханик Володя (полное название должности было такое: электромеханик радиосвязи), и без работы он никогда не сидел.

Радиостанции на локомотивах полагалось обслуживать каждые три месяца. В ШЧ-15 были ещё и линейные дежурные сотрудники, которые снимали блоки радиостанции с локомотивов и тащили их к нам в КИП. Эти же сотрудники должны были проверять работу радиостанций при каждом выходе локомотива из депо. Работала эта служба дежурных круглосуточно и без выходных. А у них в дежурной комнате стоял магнитофон с магнитной лентой, склеенной в кольцо, который был подключен к специальной тестовой радиостанции. Вот придёт дежурный электромеханик проверять радиостанцию на локомотиве, нажмёт особым образом по очереди все три кнопки вызова и скажет в микрофон: «Локомотив номер 1234, проверка связи» и ждёт. Магнитофон это всё запишет, потом автоматически включает свой передатчик, и дежурный слышит то, что только что сказал. Если всё в порядке, то дежурный ставит свою подпись и печать в журнале локомотива, и машинист может отправляться в рейс. А если что-то не работает, то дежурный электромеханик должен бегом тащить резервный блок или всю радиостанцию и срочно заменять неисправные блоки. И этот дежурный головой отвечает за то, чтобы радиостанция работала как часы во время рейса локомотива.

Кстати, локомотивы в то время работали только на своём участке (на своём «плече»). Дойдёт поезд до Можайска, или до Вязьмы — там локомотив отцепят и прицепят другой, от следующего «плеча». А тот, который из Москвы пришёл, вместе с локомотивной бригадой (машинист и помощник) после небольшого отдыха и проверки исправности оборудования пойдёт обратно и повезёт другой состав, но уже назад, в Москву. Так и работали машинисты только на своём «плече», зато они досконально знали рельеф и все особенности своего маршрута, где можно скорость прибавить, а где нужно осторожными быть.

Я опять отвлёкся... Вот приносят блоки радиостанции на проверку и профилактику в КИП радио. Электромеханик, который за этот тип радиостанций отвечает, принимает блоки, чистит их от пыли и грязи, снимает все радиолампы и проверяет их на специальном ламповом тестере. Тестер ламповый был универсальным. Нужно было специальную перфокарту с отверстиями, которая соответствовала типу проверяемой радиолампы, установить

на передней панели тестера и в каждое отверстие перфокарты вставить металлический штекер. Тогда тестер понимал, какую радиолампу сейчас надо проверить и какие у неё нормальные параметры должны быть. И так с каждой радиолампой, а их в радиостанции может быть десятка два. Далее радиолампы, которые по параметрам не прошли испытание, нужно было заменить на новые, а их тоже нужно было предварительно проверить. А затем нужно было все контакты проверить, контактные группы реле спиртом протереть и почистить. И только после этого начиналась проверка всех параметров: мощность передатчика и усилителя звуковой частоты, чувствительность радиоприёмника, правильность работы вызывного устройства и шумоподавителя (этот блок выключает звук в тот момент, когда нет полезного сигнала, иначе в громкоговорителе и телефонной трубке всё время был бы слышен шум, свист, вой и помехи всякие) и т.д. и т.п. За целый день можно и одну радиостанцию не успеть проверить, особенно если что-то не так, как нужно, работает. Ведь каждый параметр надо по приборам проверять, и если нужно, то и регулировать настройки и параметры блоков. А тут уже и следующую радиостанцию в ремонт притащили. Без дела в КИПе радио ребята не сидели...

Ещё нужно было и стационарные радиостанции (которые на железнодорожных станциях стоят) проверять, но эти уже только раз в шесть месяцев. Считалось, что на станциях нет вибраций, постоянной тряски и резких перепадов температуры и влажности, и поэтому уж полгода радиостанция должна отработать до профилактики. Обычно мы получали снятые в ремонт стационарные радиостанции через помощников машинистов электричек. Линейный механик на какой-то станции блоки снимает, сразу их заменяет на резервные и тащит снятые блоки на станцию, ждёт очередной электрички и отдаёт блоки помощнику машиниста, который сваливает их в кучу в тамбуре кабины машиниста. И бегом звонить нам, в КИП радио, мол, отправил поездом таким-то. А наш начальник всегда практикантов посылал забирать блоки с прибывающего поезда... Так что я вдоволь натаскался этих блоков за время своей практики.

Также на станциях стояли блоки ШРПС (блок перехода с проводной связи на радиосвязь), которые тоже каждые шесть месяцев

проверялись, а в них реле всяких было видимо-невидимо, и тяжёлые они были и в переноске очень неудобные. Вот уж где контактов было великое множество, а как известно: «Радиотехника есть наука о контактах». Один контакт откажет, и всё насмарку, устройство в целом не работает, премия месячная долой... Помню, как один раз послали меня отвезти на электричке такой блок ШРПС на станцию Шаликово. Там меня местный механик Михаил (тот самый, который ранее меня в пионерском лагере обучал) встретил, блок мы с ним на станцию притащили, поставили, а он не работает. Михаил и говорит: «Ну вот, опять брак прислали». А я сам лично перед отправкой этот блок на стенде проверял и всё в нём работало. Меня это «заело» и стал я разбираться, в чём дело. И нашёл, что входная линия связи не к тем контактам внешнего разъёма была подключена, Михаил, значит, сам напортачил. Всё мы с ним исправили, а о найденной ошибке я, когда вернулся обратно в наш КИП радио, промолчал. И после этого случая мы с Михаилом здорово подружились.

И вот путём такой непрерывной борьбы за качество контактов и удавалось поддерживать работу всей радиосвязи на железной дороге. И всё работало как нужно, хотя сбои иногда, конечно, случались.

Месяца за два научили меня обслуживать один тип радиостанций — ЖР-3 Прикрепили меня к опытному электромеханику Алексею Птицыну, и он меня учил по системе «делай как я». Говорят, что и медведя можно за три месяца научить на мотоцикле ездить... Затем мне экзамен устроили, и стал я иногда подменять этого электромеханика во время его отпуска или болезни.

Ещё два месяца учился я обслуживать радиостанцию ЖР-3М и тоже экзамен сдавал. А на экзамене всякие вопросы коварные могли задавать: «Если этот параметр изменился, то почему? А этот показатель ухудшился, что нужно сделать, чтобы его в норму привести?»

В тот день, когда я пришёл первый раз в этот КИП радио на практику, туда же пришла по распределению после окончания нашего техникума, но уже на работу, новая сотрудница — Ира Савичева.

И получилось так, что нас с ней одновременно обучали работе по обслуживанию этих радиостанций.

Как раз в это время стали на Белорусском вокзале в Москве модернизировать всю СЦБ систему управления светофорами и стрелками — новый пульт дежурного по вокзалу устанавливали. Старый пульт был сделан на огромных реле ещё до Великой Отечественной войны, году, наверное, в 1935, и занимал целых четыре этажа. А новый пульт со всеми службами уже в два этажа поместился. И вот один этаж и отдали нам в ШЧ-15 для расширения нашей службы КИП радио. В назначенный день начали переключать управление всей системой СЦБ на новый пульт.

Механики СЦБ вместе с наладчиками новой системы бегают по путям с портативными радиостанциями (кажется, радиостанции назывались «Тюльпан») и смотрят, правильно ли стрелки переводятся и верные ли сигналы на светофорах высвечиваются. Меня в это время с такой же радиостанцией поставили на балконе третьего этажа около нового пульта дежурного (на балконе связь была лучше), и я должен был кричать в открытую дверь диспетчеру и инженерам — наладчикам новой системы то, что услышал от бегущих по путям. А в эфире ругань и мат, типа: «Опять курбельный контакт не подключен, трах-ти-би-дах» — это такой контрольный контакт в механизме стрелочного перевода.

Перед всем этим запуском нового пульта наш начальник поручил Ире Савичевой подготовить специальный комплект радиостанции ЖР-3М для связи нового пульта дежурного с локомотивами. А Ира немного напортачила и неправильно настроила вызывное



На этой картинке та самая радиостанция ЖР-3М...

устройство этой радиостанции. И получилось так, что поезда подходят к Белорусскому вокзалу, светофоры новые ещё толком не работают, и все машинисты должны выполнять указания дежурного, передаваемые по радиосвязи. А связаться с дежурным по вокзалу машинисты не могут, радиостанция дежурного на вызовы не отвечает. Получился сбой в работе всей железной дороги и большой скандал. В результате нашего начальника Василия Титовича от работы отстранили и во всём случившемся обвинили. Позднее, правда, он перешёл на работу в управление Московской железной дороги и как-то даже приходил к нам проверять работу уже нового нашего начальника Николая (фамилию его уже не помню). Новый наш начальник стал активно переводить работу нашего КИПа уже в новое здание. И в этот момент мне пришлось, как самому хилому и малогабаритному, полазить под фальшполом в нашем новом помещении и протаскивать там всякие кабели к будущим рабочим местам электромехаников.

Вскоре практика моя в КИПе радио закончилась и начал я дипломную работу писать. Но сначала пришлось мне и ещё двум моим товарищам (Саше Иванову и Жене Новикову) из нашей группы 13-РС-4 (стало быть, уже четвёртый курс) побывать на практике и в других местах Белорусского вокзала. Например, в подразделении, которое обслуживало на пассажирском вокзале автоматические указатели отправления поездов и громкую связь. На верхнем этаже была дикторская, где круглосуточно сидела дикторша и всё время что-то говорила в микрофон, а на всех платформах и во всех залах вокзала стояли громкоговорители, и пассажиры это всё слушали. Никакой рекламы в то время, к счастью, не передавалось и все объявления для пассажиров были только по делу.

Управление автоматическими указателями (были такие стойки-табло около каждой платформы, в которых быстро-быстро вращались металлические таблички с надписями и цифрами, пока не появится нужное сообщение) обеспечивалось безумным количеством всяких электромагнитных реле и бессчётным количеством контактов, которые нужно было там регулярно чистить и протирать спиртом или бензином. Тут как раз тамошний начальник решил силами студентов-практикантов новый кабель куда-то проложить.

Привёл он нас троих в подвал Белорусского вокзала, а это было настоящее и очень глубокое бомбоубежище на случай ядерной войны. «Вот, — говорит он нам, — нужно здесь отверстие для нового кабеля в стене пробить. Вот вам кувалда и лом, работайте». Бомбоубежище то строили ещё при товарище Сталине, на совесть, и никто из строителей даже и помыслить не пытался своровать цемент. Дня два мы кувалдой той стучали, только проку никакого от этого не было. Стены там были метровые и с толстой стальной арматурой. До стального прута мы дошли, а на этом всё и закончилось.

## Диплом

Весной 1973 года мы наконец доросли до дипломного проекта. Как говорится, защита диплома — это 15 минут позора, диплом и в сумасшедший дом. Дипломные работы у всех были разные. Кто-то просто переписал то, что ему давали руководители диплома. Кто-то получил кусочек от рабочей темы на практике. Помню, что был у одного нашего парня диплом, связанный с передачей сигналов со спутников, хотя никакого отношения он к этой тематике не имел. Мне досталась простая тема — «Расчёт и конструкция радиоприёмника первого класса». Методичка по теме диплома была составлена лично В. Г. Бодилевским. А руководителем диплома он мне определил своего приятеля — преподавателя радиотехники из радиотехнического техникума на Костомаровской набережной реки Яуза, около Курского вокзала.

Чертежи к диплому я делал по ночам в Томилино на веранде. Чертил тушью, мучился очень долго — что-то пришлось пару раз перечерчивать из-за клякс и ошибок. Причём кроме высокочастотного приёмного тракта, который я тогда рассчитывал, я ещё пририсовал на чертеже принципиальной схемы и всё остальное. Мне казалось, что если задан радиоприёмник, то и должен получиться на схеме весь радиоприёмник, а не какая-то его малая часть. Недостающую часть схемы я тогда из журнала «Радио» слизал.

Как раз в это время Василий Георгиевич Бодилевский вдруг стал директором нашего техникума. Правда, продержался он на этом

посту недолго — принципиальных людей и тогда не очень начальство любило. Но наш выпуск прошёл под его руководством.

Когда я уже сделал почти все необходимые расчёты приёмного тракта моего радиоприёмника, то понял, что в самом начале допустил ошибку — зачем-то один из исходных параметров умножил на два. В результате по параметрам получился приёмник не первого класса, а выше высшего. Переделывать всё сначала мне не захотелось, и я «по-ленински просто» исправил в методичке одну из формул. Никто этого не заметил, кроме В. Г. Бодиловского, но и он на защите промолчал. Только потом мне сказал, что всё понял, но простил... И вопрос он мне задал на защите как раз на эту тему, а я, как говорится, «поплыл». Но и тут он меня выручил, и в результате я получил за дипломный проект пятёрку и красный диплом в придачу.



Это наша группа 13-РС-3 во дворе техникума 30 мая 1972 года во главе с нашим ГерВаньчем (сидит в центре). На снимке нет только троих наших ребят: Алексея Калинина, Юры Гусева и Нади Титовой

## Работа в ШЧ-15

Уже через месяц после получения диплома об окончании техникума меня, с некоторым трудностями, но всё же приняли на постоянную работу в ШЧ-15. Кстати, странно на железной дороге назывались различные подразделения: например ШЧ — это связь и СЦБ, светофоры

и стрелки (много-много лет назад — Шнуровая часть либо Шиллингова часть, был такой телеграфный аппарат имени П. Л. Шиллинга), ПЧ — путевое хозяйство, рельсы и шпалы, НГЧ — гражданские сооружения, вокзалы, ЭЧ — всё, что связано с электроснабжением железной дороги, ТЧ — тяговая часть, локомотивное депо и т.д. А вот начальник каждого такого подразделения назывался просто по названию подразделения. Например, не нужно было долго говорить: «Начальник дистанции связи и сигнализации...» — достаточно сказать «ШЧ», и все понимают, кто это такой.

По распределению на работу мне выдали направление на Киевскую дорогу, но я умудрился договориться с начальником ШЧ-15, и мне дали нужную бумагу, которая позволила мне в Московском управлении добиться перевода на Белорусскую дорогу, а точнее в Московско-Смоленскую дистанцию сигнализации и связи Московской железной дороги.

Помню, что когда меня окончательно оформили на работу и я радостный заявился домой, то моя бабушка, Елена Аркадьевна, мне сказала: «Ну что, продал свою свободу? Это теперь для тебя на всю жизнь, до самой смерти».

А на работе как раз началась эпопея создания специальных стендов для автоматической проверки наших железнодорожных радиостанций. Появились у нас новые сотрудники и стали мы эти стенды разрабатывать и изготавливать своими силами. Работа эта была интересная и увлекательная. Нужно было всё время что-то придумывать, проверять и переделывать. Даже станины этих стендов мы сами изготавливали из стальных уголков (сваривали уголки и красили чёрной эмалью, конечно, не мы сами, а в местных механических мастерских) и обшивали их древесно-стружечными плитами. Запомнилась притягательная история одного из наших помощников по древесно-стружечным работам: «Да ладно, и так сойдёт, ведь не космический корабль строим».

Один из наших новых сотрудников, Юра Максимов, был очень толковым дизайнером, и он смог спроектировать и изготовить очень приличные передние панели наших новых стендов. Он же проектировал и сам изготавливал печатные платы для схем наших стендов. Даже ручки всяких переключателей он где-то заказывал, изготавливал и полировал до зеркального блеска. Кстати, этот Юра был очень

интересным и разносторонне развитым человеком, а к тому же и неплохим художником. Позднее он подарил мне на память написанный им натюрморт, который до сих пор висит у нас дома на кухне.

В целом получилась очень приличная для того времени конструкция этих стендов. На них были даже сделаны разноцветные табло, в которых цветом отображалось состояние текущих параметров проверяемых радиостанций. Зелёный цвет — норма, жёлтый — допустимо, а красный — параметр не соответствует требованию. Вот эти табло проектировал и изготавливал уже я и тут мне очень пригодился имевшийся у меня опыт изготовления модной в то время цветомузыки. Лампочки от карманных фонариков (никаких светодиодов в то время даже в проекте ещё не существовало) я красил цапон-лаком, а нужный цвет получался от пасты из стержней шариковых авторучек.

Получилось так, что нужно только установить на стенд и подключить проверяемый блок, а все параметры можно было проверить почти автоматически. Время проверки существенно сокращалось, а значит, и росла производительность труда работников. В то время это было самым главным показателем в социалистическом соревновании и всячески поддерживалось нашей славной партией и правительством. Наши стенды затем выставлялись на ВДНХ и даже получили какие-то награды. Сотрудники, а в первую очередь, конечно, наши начальники, получили премии и награды. Но я к тому времени уже служил в стройбате Советской армии, где из меня настойчиво пытались сделать сантехника. Об этом вы тоже сможете, если, конечно, захотите, прочитать в первой книге моих воспоминаний.

В это же самое время началось на Белорусской железной дороге внедрение новых радиостанций, которые назывались ЖРУ-ЛС и ЖРУ-ПС (Железнодорожная радиостанция универсальная локомотивная и стационарная). Эти радиостанции были сделаны уже на гибридных микросхемах и транзисторах, и были вполне передовыми для того времени. Изготавливали основной блок приемопередатчика в Новосибирске. И точно такие же блоки стали внедрять и на автомашинах в милиции, только частоты настройки их радиопередатчиков и радиоприемников были другие. Внедрение

шло тяжело. Надёжность блоков была низкая, и инженер-наладчик с завода-изготовителя из Новосибирска «жил» у нас неделями. Блоки радиостанции крепились на специальные рамы с амортизаторами и устанавливались уже только в кабине машиниста — капризные они были и зимнего мороза не выносили. Предыдущие, ламповые радиостанции ЖР-3 стояли просто на улице, на раме локомотива и закрывались от дождя и снега стальным листом, а эти новые были неженками. Особенно весело было наблюдать эти новые радиостанции на тепловозах — в момент запуска дизеля рама с радиостанцией входила в какой-то резонанс и даже очертания блока с трудом можно было уловить. Конечно, никакие печатные платы таких виброиспытаний не выносили и быстро выходили из строя. Токосоводящие дорожки на печатных платах разрывались, гибридные микросхемы отлетали, провода отрывались. В инструкциях по эксплуатации этих новых радиостанций машинистам тепловозов предписывалось на время запуска дизеля выключать блоки питания этих радиостанций, да только редко они это делали. Вот блоки радиостанций и ломались сплошным потоком. А между собой блоки радиостанций соединялись кабелями с разъёмами типа «ШР» — если кто не знает, это такие круглые разъёмы со штырьками (смотрите на картинке ниже), которые, по замыслу конструкторов, «должны выдерживать прямой удар солдатского сапога». Но в наших, боевых условиях, и эти разъёмы иногда отказывали.



Вот так выглядел локомотивный комплект радиостанции ЖРУ-ЛС. Хилье телефонные трубки на пульте управления постоянно ломались. Шваркнет машинист трубку об пульт, и готово...

А ещё стали массово ломаться пластмассовые изоляторы на антеннах тепловозов. Приходилось мне постоянно лазить на крышу приходивших на ремонт в депо тепловозов, а учитывая мою вечную боязнь высоты, каждый такой случай давался мне очень непросто. Нужно было забраться на самый верх кабины машиниста, да ещё и пройти по крыше дизельного отсека, а высота там весьма приличная. Приходилось полностью снимать эти несчастные антенны, откручивать ржавые болты, а иногда просто спиливать их ножовкой по металлу, и полностью перебирать всю антенну. Изоляторы стали нам вытачивать из капрона в местном механическом цеху (этот материал был гораздо эластичнее карболита и выдерживал бешеные вибрации, не рассыпаясь при этом в кусочки). Провода заменялись на гибкие многожильные, а во всех соединениях обязательно ставились резиновые прокладки и всё промазывалось толстым слоем смазки циатим, чтобы коррозия не так быстро антенну разрушала. Один раз, помню, пришлось лезть на самый верх крыши депо и чинить там антенну диспетчера. Вид с этой крыши был просто великолепный, а вот страху я тогда натерпелся...

Так, постепенно, дорабатывалась конструкция этих новых радиостанций. С завода приезжали конструкторы да разработчики и мудрили над постоянно возникающими проблемами.

Телефонные трубки в новых радиостанциях были нежные, от военных радиостанций. А машинисты могли в сердцах грохнуть такую трубку об стенку, и разлеталась она в кусочки. У военных трубки такие жили годами, а на железной дороге, бывало, и месяца не выдерживали. Пришлось конструкторам внедрять на локомотивах ещё и громкую связь — в кабине локомотива на потолке над креслом машиниста поставили громкоговоритель в стальном корпусе и микрофон с раструбом, как у старинного граммофона, направленным вниз.

И педаль включения передатчика под креслом машиниста была сделана стальная и крепкая вместо нежной пластмассовой тангенты на трубке. Нажмёт ногой машинист всем своим весом на эту педаль и орёт куда-то вверх, часто нецензурно. А диспетчер ничего понять не может, потому что шум в кабине машиниста такой, что самого себя порой не слышно. Короче, ушёл я в Советскую армию

служить, а проблемы с внедрением этих новых радиостанций ещё несколько лет продолжались.

После завершения службы в Советской армии я пару раз заходил на Белорусский вокзал в этот КИП радио, но на работу в ШЧ-15 меня сразу не взяли, мест свободных не было.

Предложение поработать дежурным механиком на линии Москва — Можайск меня что-то не вдохновило. Многие знакомые ребята ещё продолжали там работать, но общих интересов уже не находилось.

Да и как-то скучно и грустно мне было на всё это смотреть. Внедрение новой техники закончилось, а рутина обслуживания оборудования что-то меня уже не привлекала.

## Встречи через годы

Прошло много лет. Иногда мы, бывшие однокурсники, перезванивались и интересовались, кто, где и как поживает. Но однажды наша староста группы, уже Лариса Васильевна, а не просто Лариса, сумела нас всех, кого удалось найти, организовать и собрать на встречу выпускников. Собрались мы у Ларисы дома, в Люберцах. Очень было интересно посмотреть на тетей и дядей и сравнить их с давними воспоминаниями нашей юности. А про кого-то уже было известно, что их нет на белом свете... Уже не было Миши Требушенкова, а через несколько лет ушёл и Гена Зимин. Из преподавателей нам было известно о трагической смерти Ивана Семёновича Мясоедова.

Мы тогда хорошо посидели, долго и весело вспоминали нашу учёбу и всякие весёлые случаи. Все клялись в вечной дружбе и собирались не пропадать и встречаться регулярно.

Спустя несколько лет мы ещё пару раз встретились, но уже кто-то пропал и на связь не выходил. Здоровье постепенно уходило и подводило, быт заел, и встречи наши прекратились.

Спустя годы я несколько раз побывал в нашем техникуме. Некоторые преподаватели, которые и нас ещё учили, продолжали

работать. Светлана Викторовна Крылова по-прежнему преподавала физику. Мы с ней разговорились, и она рассказала, что лет 20 назад, когда я учился, задачи на уроках она задавала сложные, и студенты могли их решить. А теперь общий уровень знаний учеников значительно снизился, и задачи ей пришлось упростить до предела. Только арифметические действия по формулам, без всяких сложностей. И она боится, что когда эти ребята придут работать на железную дорогу и через несколько лет станут там основными, ведущими специалистами, то поезда вообще ходить перестанут и ездить на поездах будет смертельно опасно.

Спустя ещё много лет я с семьёй поехал в отпуск к своему армейскому другу Сергею Скударнову в город Мариинск. На обратном пути мы заехали на несколько часов в Красноярск. И вот иду я по вокзалу в Красноярске, а мне навстречу — знакомая физиономия и меня не замечает. Оглянулся я и окликнул его



Это наши ребята из 13-РС на одной из таких встреч Сидят (слева направо): Зоя Иванова, Коля Белозёров, Надя Титова, Таня Иванова, Лариса Савина и я; Стоят (слева направо): Алексей Калинин, Сергей Семенов, Володя Клычников и Геннадий Зимин

по фамилии, и угадал — Юра Гусев, который учился вместе со мной в одной группе в МТЖДТ. Мы разговорились и вместе провели время до отхода нашего поезда в Москву в походах по городу.

Василий Георгиевич Бодилковский преподавал в МТЖДТ ещё много лет. Несколько раз я приносил ему в подарок какие-то радиодетали из ЗИПа (Запасное имущество и приспособления) старого оборудования для лабораторных работ и какие-то списанные приборы. И он был этому очень рад. Снабжение техникума в то время переживало полный упадок.



Это случайная встреча с Юрой Гусевым в Красноярске, мы стоим на набережной Енисея...



На этом снимке я с Василием Георгиевичем Бодилковским в коридоре нашего техникума в декабре 2008 года, спустя 35 лет после выпуска нашей группы 13-РС

Когда я работал в ИнтеГПроге, то несколько раз передавал в техникум старые компьютеры, принтеры и прочие приборы, а один раз и кучу старой мебели из какой-то знакомой коммерческой фирмы.

Да и работая в ИСП РАН, пару раз я смог передать в техникум списанное компьютерное оборудование и оборудование от старой телефонной станции, чему там были очень и очень рады.

И хотя сейчас этот техникум называется уже колледж МКЖТ и объединён с институтом МИИТ, который в свою очередь теперь называется Российским университетом транспорта, снабжение приборами и оборудованием для обучения студентов значительно отстаёт от необходимого идеала.

В конце октября 2019 года я посетил наш техникум в день открытых дверей. Хотел показать своему старшему внуку место, где я когда-то учился и, может быть, сподвигнуть и его поступить учиться в этот колледж после 9-го класса (странное это слово: «колледж», не наше какое-то, слово «техникум» — мне нравится гораздо больше). Оказалось, что теперь этот колледж будет готовить ещё и специалистов для водного транспорта. Сначала, как обычно, всё в водном транспорте развалили, а теперь хотят скрестить ужа с ежом. Как бы эта новая затея и железную дорогу заодно не накрыла медным тазом. Но пока обучение там классическое. Учат, как и раньше, требуют конспекты и запросто выгоняют неуспевающих учеников. Причём выгоняют даже с платного обучения (120 000 рублей в год, между прочим!). Это обнадеживает, есть пока шанс доехать на поезде в нужную точку.

В одной из лабораторий СЦБ во время экскурсии по колледжу детям показывали пульт управления дежурного по станции и говорили, как просто переводить стрелки и переключать светофоры. А на всех стенах этой лаборатории висят копии реальных приказов примерно такого содержания: «Такого-то числа, такой-то дежурный по станции допустил нарушение следующих правил, что привело (например) к повреждению стрелочного перевода, а это привело к таким-то последствиям...» И на мой вопрос «Сколько же дежурным по станции дают за неправильно нажатую кнопку?» ответ был таким: «Обычно лет 5–6». Это тоже пока как-то обнадеживает...

Если вы дочитали этот текст до конца, то я хочу перед вами извиниться за некоторые технические подробности, которые часто здесь встречались и, наверное, были вам совсем не интересны. Но эта глава была написана в расчёте на моих внуков, которые, может быть, заинтересуются железнодорожной тематикой. Страна у нас огромная и без железных дорог выжить не сможет, а значит и работой, связанной с этим транспортом, можно обеспечить свою жизнь надолго, навсегда.



На этом снимке я во дворе нашего техникума рядом с учебным участком железной дороги осенью 2019 года. Теперь это филиал МИИТа. На этом учебном участке есть всё: рельсы, шпалы, светофоры и стрелки со всеми нужными шкафами управления и даже шлагбаум... Поезда здесь только не ходят, со всех сторон тупик...

# Разные рассказы

---

## **А у нас в квартире газ**

В посёлке Томилино под Москвой, на улице Фурманова жил хороший знакомый моего дедушки по фамилии Богомолов. Был он скульптором-любителем, и памятник Шевченко на птицефабрике недалеко от Трёх прудов как раз его работа (сейчас этого памятника нет, на его месте детская площадка).

Он активно участвовал в проекте по газификации посёлка Томилино, был одним из организаторов вместе с моим дедушкой и бывшим директором птицефабрики. Еще помню, что в начале нашей улицы жил Самолётов, который также был одним из бывших работников птицефабрики и тоже как-то участвовал в проекте по газификации.

Помню, как мой дедушка, Владимир Александрович Бородаевский, шагами вымерял будущие трассы газопроводов по улицам Томилино. А потом я, под его чутким руководством, на нашем участке метром вымерял 10-метровые отрезки, и дедушка много раз по ним вышагивал для того, чтобы поточнее перевести его шаги в реальные метры. Дедушка вёл всю бухгалтерию проекта газификации и сам чертил некоторые чертежи будущих трасс. Иногда он и моего папу привлекал к этому делу как инженера-проектировщика и чертёжника. Жителей посёлка привлекали в этот кооператив по газификации уже на этапе проектирования и закупки труб и газового

оборудования. Всё оплачивалось самими жителями на их собственные деньги, которые собирались на счету в сберкассе (на самом деле это был просто личный счёт выбранного из числа кооператоров кассира). И конечно, иногда возникали конфликты между кооператорами из-за разницы в оплате проектов конкретных домов. Один из жителей, недовольный стоимостью проекта своего дома, даже подавал в суд на моего дедушку. Суд состоялся, и дедушка вчистую его выиграл, причём адвоката он не брал, а своей защитой занимался лично сам. В то время такое ещё было возможно.

Одно время на нашем участке был целый склад труб и прочего газового оборудования, закупками которого тоже занимался и мой дедушка. Причём часто он сам ездил на всякие склады и лично закупал всё это хозяйство.

И вот, в один из летних вечеров, на нашей улице Ломоносова появилась чудовищная машина — на шасси танка Т-34 (это по рассказам взрослых) был установлен роторный экскаватор. Огромный круг с кучей ковшей сзади этого чуда буквально за 30 минут вырыл прямо посередине всей нашей улицы глубокую траншею для укладки газовых труб. Вот уж где нам, мальчишкам, было раздолье поиграть в войну в этих траншеях.

Ну, а потом появились стальные трубы (по улице прокладывали трубы «сотки»), обёрнутые бумагой и пропитанные смолой, и сварщики, от которых мальчишки не отходили целый день. В какой-то момент сварщикам понадобился напильник для зачистки торцов труб, и я, на зависть другим мальчишкам и очень гордый собой, притащил из дедушкиного сарая здоровенный драчёвый напильник.

И вот представьте, что в то советское время (1962–1964 годы) от момента, когда несколько пенсионеров собрались и решили начать эту, как многим тогда казалось, безумную затею, и до того, как в жилых домах появился газ и были установлены и запущены плиты и газовые котлы, прошло всего года два с небольшим. В то время получить (тогда говорили — пробить) так называемые «фонды» — стальные трубы и другое газовое оборудование было очень и очень непросто. Но руководители кооператива были людьми старой закалки, знающими, куда и к кому надо обратиться за многочисленными разрешениями. В посёлке в то время жило много известных людей, в том числе и Героев Советского Союза. Их тоже уговорили

похлопотать и походить по нужным кабинетам, позвонить по старым товарищам, и это очень тогда помогло.

После завершения всех работ на счету кооператива остались небольшие деньги. Было проведено заключительное собрание кооператоров, на котором решили выплатить небольшую премию организаторам всего этого дела. Получилось где-то рублей по 100 (приличные для того времени деньги, месячная зарплата инженера). Кстати, до этого момента никто из организаторов никакой зарплаты за свою работу по проекту газификации не получал, всё было добровольно и бесплатно, как при коммунизме — свободный труд свободно собравшихся людей (был такой в то время коммунистический лозунг). Дедушка мой от выданного чека отказался и публично его порвал. Но вот однажды следующей зимой пришёл к нам домой бывший директор птицефабрики и уже бывший председатель кооператива по газификации и привёз на саночках настенные часы с боем и небольшой набор вин в маленьких бутылочках. Дедушка мой пытался отказываться, но потом всё же принял этот подарок от бывшего кооператива, и много лет у нас на стене в большой комнате висели эти часы, которые каждые 15 минут отбивали время и поначалу мешали всем спать. Первое время дедушка останавливал на ночь часы, но потом все домашние привыкли и просто не замечали этого красивого перезвона.

## Памятник Пушкину

В Томилино на углу улицы Горбунова и проезда Горбунова жила семья Добронравовых, тоже знакомых моего дедушки. Глава этой семьи тоже был скульптором-любителем, и памятник Пушкину, который установлен около железнодорожной станции Томилино, как раз его работа. Я помню огромную мастерскую в этом доме с многочисленными скульптурами разной степени готовности и огромную гипсовую голову Пушкина в центре мастерской.

Со старшим сыном скульптора, Сашей Добронравовым, я какое-то время дружил (Саша был года на два моложе меня и учился в той же школе, что и я) и пытался научить его радиолюбительству на том уровне, на котором сам тогда находился, — умел собрать

и заставить работать карманный радиоприёмник из наборов, продаваемых для юных радиолюбителей в «Детском мире». А младший Сашин брат Игорь (почему-то в семье Игоря иногда называли Ляля) был ещё тогда мал и мне неинтересен. Ещё помню, был у них большой рыжий пёс бульдог, очень сопливый, но добрый. И когда мы с Сашей иногда что-то паяли у него дома, этот пёс мог подойти и обтереть свою слюнявую морду об мои брюки. Очень мне это тогда не нравилось.

У Сашиного отца был автомобиль «Москвич-401», а работал он на испытательном аэродроме в Жуковском. На работу он часто ездил на автомобиле и, помню, говорил нам, детям, что в машине у него стоит испытательный аккумулятор от военного самолёта и на этом аккумуляторе можно на одном стартёре, даже не заводя мотор «Москвича», доехать до железнодорожной станции Томилино (примерно метров 500). И вот на этой машине мы с Сашей и его отцом несколько раз ездили на знаменитую самолётную свалку в Жуковском на берегу реки Москвы. Чего там только не было... Наверное, если как следует покопаться, то и целый самолёт можно было бы собрать из кучи всякой всячины, находившейся на этой свалке. Но вот беда была — нужно было попасть на эту свалку до того, как очередную порцию драгоценностей закатают в землю бульдозером, а это случалось довольно часто и угадать нужный момент было невозможно.

Ну и конечно, свалка около Томилинского завода полупроводниковых приборов также была нашим любимым местом и мы ее часто посещали. Обычно мы туда отправлялись на велосипедах довольно большой компанией.

Ещё помню, что во дворе аптеки на улице Пушкина был построен небольшой домик, в котором разместили фотоателье и мастерскую по ремонту телевизоров и радиоприёмников. А рядом, за сарайчиком, была помойка и большая куча всяких неисправных радиодеталей, которые выбрасывал мастер из этой мастерской. Школа наша была недалеко, и довольно часто мы после школы навещали эту помойку в поисках очередного радиораритетного хлама.

Но после окончания 8-го класса я стал учиться в техникуме в Москве, и наша дружба с Сашей Добронравовым постепенно угасла.

Там же, рядом с домом Добронравовых, было двухэтажное общежитие, в котором несколько лет жил ещё один мой приятель, Валера Сёмин, с родителями, бабушкой и младшей сестрой Олей. Валера был на год моложе меня, и наша с ним дружба также была как-то связана с разламыванием старых радиоприёмников и телевизоров, которые удавалось добыть на свалках — помойках. Очень хорошо помню, как мы с Валерой, сидя у него в комнате, разбирали на запчасти радиоприёмник «Звезда» и выломали из него кучу дефицитных ферритовых сердечников СБ-1. Позднее эти сердечники я приспособивал в ёмкостное реле — это такая схема, которая срабатывает при поднесении руки. Сейчас этим никого не удивишь, современные дети с детства используют в быту подобные штучки и считают это естественным — «так было всегда». Но каких-то 50 лет назад лампочка, зажигающаяся от движения руки, или автоматически включающийся вечером в комнате свет казались волшебством.

Когда я учился в 7–8 классах и ходил на занятия в радиокружке Томилинского дома пионеров, то и всех своих приятелей я также приобщил к посещению этого радиокружка. Весёлое и беззаботное это было время. Два, а то и три раза в неделю по вечерам мы часами пропадали на этих занятиях. Что-то паяли, пилили, строгали и с огромным энтузиазмом ковырялись в куче старого радиооборудования под чутким руководством Василия Александровича Венсяцкого. Хорошая ему память и низкий поклон от многих ребят моего поколения, которых он увлёк и научил радиоделу и отвлёк от всяких шалостей и глупостей, которые свойственны мальчишкам в юном возрасте. А через несколько лет, когда Василий Александрович скончался, на его похоронах были десятки молодых ребят, которые начинали свою профессию в том старом добром радиокружке и которым он дал «путёвку в жизнь».

Был момент, когда во время летних школьных каникул я целые дни проводил в комнате с паяльником в руках. Это очень не нравилось моей маме, которая считала, что летом нужно на улице время проводить, а не вдыхать пары канифоли и оловянно-свинцового припоя.

И Василий Александрович даже приходил к нам домой и долго беседовал с моей мамой и бабушкой, после чего мне было разрешено паять не более трёх часов в день, что я, конечно, часто не соблюдал.

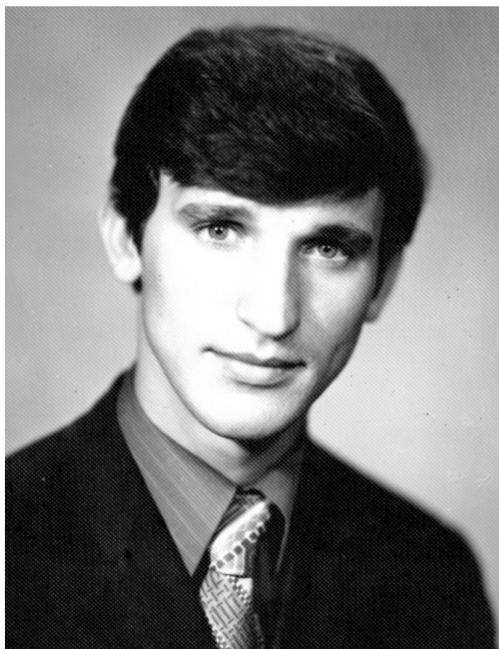
## Валера-милиционер

Примерно в 1970 году после службы в Советской армии (в группе Советских войск в Германии) в Москву приехал и стал работать в милиции мой троюродный брат Валера Агрономов. Жил он в милицейском общежитии где-то в Текстильщиках, а работал в охране какого-то банка по системе сутки через трое. При этом он считался полноценным милиционером, ходил в форме, и удостоверение у него было соответствующее. Отработает сутки и на два дня уезжает домой, в Зарайск, где жили его родной брат Виктор с женой и сыном и их мама Людмила. В Зарайске они жили на втором этаже в коммунальной квартире, все в одной комнате. Очень тесно и из удобств только отопление, туалет и холодная вода. С работой и тогда в Зарайске было тяжело, и многие жители искали работу в более крупных городах. Валера, пользуясь своим милицейским удостоверением, ездил домой и обратно на работу в Москву часто бесплатно. Всего 4 часа на автобусе от метро «Ждановская» (теперь «Выхино») (или на электричке до Голутвина, а потом всё равно часа два на автобусе), и он дома.

Но иногда он оставался на выходные в Москве. То у него какие-то сборы или переподготовка, то ещё что-то. Часто он стал приезжать ко мне домой в Томилино и оставался на ночь. Он был нашим родственником, и мои мама и бабушка с бабушкой не возражали.

В своё время, уходя на службу в Советскую армию, Валера отдал мне свой подвесной мотор для велосипеда и теперь помогал мне чинить и совершенствовать этот мотор и велосипед. В Москве мы с Валерой ходили на какие-то концерты, в театр и кино. И иногда ночевали в нашей квартире в Измайлово. Товарищ он был весёлый и старший, и многому я у него тогда научился, в том числе курить и выпивать — это была его небольшая в то время проблема. Ну и конечно, он объяснил мне разницу между полами и некоторые более тонкие моменты и подробности. Короче, был он для меня большим авторитетом. Его старший брат Виктор был для меня ещё большим авторитетом, но он постоянно жил тогда в Зарайске, у него там были семья и работа. С Виктором я виделся в те годы всего несколько раз, когда ездил с Валерой в гости в Зарайск или когда Виктор ненадолго приезжал в командировки в Москву.

В 1972 году поздней осенью в Зарайске случилось несчастье — на коммунальной кухне в квартире, где жил Виктор, взорвался газовый баллон. Маму Виктора, которая спала в соседней комнате, ударной волной выбросило в окно со второго этажа, и она стала



Валера Агрономов вскоре после завершения службы в Советской армии

инвалидом. Если бы не вишнёвое дерево под окном, на которое она упала, всё могло бы быть совсем плохо. А жена Виктора Лидия получила очень сильные ожоги (она сгоряча ещё и кинулась спасать соседку) и через два дня умерла в больнице. Виктор в момент взрыва был на работе, а его сын Вова был в детском саду, и они не пострадали. Но квартира и всё имущество сгорели полностью.

Помню, как мы с Валерой ездили навещать его маму в больницу. Было очень больно, страшно и жалко смотреть на травмы тети Люси. Руки её тогда практически были изувечены.

Виктор был потрясён внезапной смертью жены и всего себя посвятил воспитанию сына Володи. И только через много лет Виктор женился на Ирине, у которой тоже уже был сын Саша. А потом у них родился сын Витя.

Но вернёмся к Валере... Через несколько лет, когда я уже служил в Советской армии, Валера нашёл в Зарайске себе невесту, женился, бросил работу в московской милиции и стал подрабатывать сантехником и электриком. Вскоре



Я с Валерой в 1967 году

у него родился сын, потом ещё и ещё...

Семья его молодой жены была не просто пьющая, а очень сильно пьющая. И бедный Валера вскоре совсем спился, как говорится, «допился до чёртиков». И однажды поздней осенью он ушёл из дома и через неделю его нашли замёрзшим в стогу сена в поле недалеко от Зарайска. Вскоре после завершения моей службы в Советской армии я ездил в Зарайск на его похороны, и это было ужасно.

Моя мама посылала в Зарайск какие-то вещи и деньги вдове и детям Валеры, но постепенно всё забылось.

Мама Виктора и Валеры, Людмила Валентиновна Агрономова, воспитывалась в Рязани в семье Ольги Никандровны Моисеевой (в девичестве Некрасовой). Перед войной она поехала поступать учиться в техникум в Харькове. Эвакуировалась вместе с техникумом в Алма-Ату. Оттуда добровольцем пошла на курсы военных почтовых работников и попала на фронт. Работала в полевой почте, в 15 км от линии фронта в Куйбышевской области ближе к Сталинграду.

Отец Виктора — Алексей Трофимович Швец, родом из Белоруссии, на фронте был водителем,



Виктор Алексеевич Агрономов с сыном Володей



А это мама Виктора и Валеры — Людмила Агрономова в июле 1942 года

возил почту. Познакомился и сошёлся с Людмилой. Потом он попал в штрафбат и пропал без вести. На самом деле он выжил и после войны жил в Белоруссии. Был председателем колхоза. В Белоруссии у него была семья, дети. Людмиле прислал липовую справку, что пропал без вести. Это давало право на пенсию для ребёнка.

В Касимовской семинарии примерно в 1900–1905 годах учился Валентин Михайлович Агрономов (примерно 1880 г. р.). Фамилию Агрономов он взял по окончании семинарии.

Его жена — Прасковья Васильевна, в девичестве Весельчакова, 1885 г. р. родом из Коростово. Она также была из семьи священника (или дьяка?).

Валентин Михайлович служил в церкви в Захаровском районе. Затем в 1930 году служил в Зарайске священником в Ильинской церкви (потом в этом храме был литейный цех). Тогда Зарайск был в Рязанской, а не в Московской области как сейчас. В 1936 году его арестовали и сослали в лагерь ГУЛАГ в Казахстане. В 1943 году его выпустили из лагеря очень больного (Сталин во время войны дал послабление священникам). Было от него письмо в августе 1943 года: «Выпустили, болен, ноги не ходят. Если нужен, то пришлите вызов». Шла война, выхлопотать вызов не смогли. Больше ничего про него неизвестно.

Родился Виктор в 1943 году уже в Зарайске и жил с мамой у бабушки, Прасковьи Васильевны Агрономовой.

До школы, а уже учась в школе во время каникул, Виктор Алексеевич Агрономов часто ездил в Рязань к Моисеевым в гости.

Дед, Владимир Васильевич Моисеев, учил Виктора играть в шахматы и всегда давал фору — ферзя. Если проиграл, то щелбан. Так и научился Виктор играть в шахматы.

Родной брат Людмилы Агрономовой, Серафим Валентинович, воевал, был ранен и попал в плен. В лагере для военнопленных в Кривом Роге немцы отрезали ему ногу без наркоза. Из лагеря его выкупила Рая (предположительно была в лагере переводчиком), выходила и вылечила. У них была дочь Людмила. После войны

Серафим Валентинович вернулся в Костимерово, где у него была жена и ещё были четверо детей.

В архиве старший сын Виктора Владимир видел судебное дело деда, но почитать дело ему не дали.

## **Виктор Алексеевич Агрономов о своей службе в Советской армии**

Служил в соединении «Ангара» на 36 километре от города Мирный (теперь это космодром Плесецк) в 1964 году. В части было примерно 60 человек, в основном офицеры. Был мотористом на компрессорной установке кислородного поезда. Недалеко была речка Емца, в которой ловили хариусов. Правый берег реки высокий, а левый низкий, болотистый. Ракеты стояли на правом, высоком, берегу на 41 и 43 километрах (площадках). А на 32 километре был стройбат, у которого был свой магазин, и туда ходили солдаты из нашей части. Каждый день смотрели кино — обменивались фильмами со стройбатом. В 1964 году, в день, когда Витю принимали кандидатом в члены КПСС, недалеко взорвалась ракета и погибли 2 инженера-наладчика из Ленинграда.

На ракету требовалось 250 тонн жидкого кислорода, который находился в 4-х длинных вагонах. Каждый вагон был основан на 8-осной платформе, на которой были установлены по две 34-тонные цистерны с теплоизоляцией из мягкого пенопласта. Температура жидкого кислорода  $-183$  градуса, эта жидкость прозрачная и почти бесцветная (немного голубоватая), которая очень быстро испаряется. На цистерне был кран на высоте примерно полутора метров, и если этот кран открыть, то до земли жидкий кислород не дотекал, а успевал весь испариться. Расширяется кислород при испарении примерно в 860 раз, поэтому сверху цистерны не закрывались. В сутки испарялось примерно 4 тонны жидкого кислорода, поэтому непрерывно работала компрессорная установка, которая тремя компрессорами по 250 кВт сжимала воздух до 220 атмосфер, потом уже сжатый воздух охлаждался и подавался на детандер — это как компрессор наоборот. На выходе из него получалась уже

жидкость, но нужно было еще отделить жидкий азот (это делалось на основании разницы температур кипения кислорода и азота). Питалась вся установка от тепловозного дизеля 900 кВт.

В случае тревоги вагоны с кислородом мотовоз быстро увозил на заправку ракет. Подключали шланги от цистерны к ракете и закрывали сверху крышку цистерны. Давление в цистерне быстро поднималось из-за испарений кислорода, и он сам перетекал в баки ракеты.

Жидкий кислород очень взрывоопасен, и если бы такой поезд взорвался, то воронка от взрыва получилась бы диаметром примерно метров 700.

Солдаты делали мороженое — брали алюминиевый чайник, растворяли в воде банку сгущёнки, а потом наливали в этот чайник жидкий кислород. Размешивали — и мороженое готово.

## Феня

Когда я учился классе в шестом, то мой дедушка пригласил, как он говорил тогда, помощницу по дому. Это была старая знакомая семьи Фёкла, кажется Ивановна, но все звали её просто Феня. Хотя она была относительно молодая, были у неё с головой большие проблемы, но это не мешало выполнять ей простые работы по дому — полы подмести, посуду помыть и т. д. Утром Феня приходила к нам домой часов в 9–10 и садилась завтракать, часа на полтора. Потом долго мыла посуду, подметала пол и иногда чистила картошку. Готовить толком она не умела, максимум могла картошку сварить и чайник вскипятить. Потом она с нами обедала и часов в пять вечера отправлялась домой. А зимой и того раньше, так как она темноты боялась. И за всё это мой дедушка ещё платил Фене приличную «зарплату». Ходила она в весьма экстравагантном наряде — какая-то вельветовая шубейка и капор. Причём и зимой, и летом, правда летом к этому наряду добавлялся разноцветный старый зонтик. Разговаривать с детьми она не умела, поэтому наше общение с ней ограничивалось «здравствуйте» и «до свидания». Был случай, когда Феня выпросила у моей мамы старые очки, потом вынула из них стёкла и стала ходить в пустой оправе на носу. При этом она

утверждала, что «так гораздо интеллигентнее выглядит». Втихаря мы с сестрой тогда долго смеялись над бедной Феней... Только позднее я понял, что мои бабушка с бабушкой просто жалели несчастную женщину и таким образом её как-то поддерживали.

А вот у родителей моей подружки, Наташи Куликовой, тоже была похожая на Феню знакомая, которую мы за глаза называли Тамар Тамарыч. Жила эта несчастная женщина на нашей улице, ближе к железной дороге, а мы, глупые дети, всячески над ней потешались.

## Египтянин

Году, наверное, в 1982 моя мама на лето сдавала комнату дачникам в Томилино. И летом у неё жила интересная семья. Глава семьи — настоящий египтянин, который когда-то учился в каком-то вузе в Москве (что-то связанное с рыбоводством), его жена родом из Курска и их ребёнок лет шести–семи. После окончания учебы в Москве и женитьбы молодая семья лет пять прожила в Каире, а теперь глава семьи приехал в Москву на курсы переподготовки (или в аспирантуру) и семью с собой привёз. Мальчишка их был очень шустрый и любознательный. Он уже успел год проучиться в школе в Каире. И он совершенно свободно говорил по-английски, почти без акцента по-русски и, конечно, на каком-то египетском диалекте. Ведь дома с мамой он разговаривал по-русски, отец говорил с ним только по-английски и в школе обучение тоже проходило только на английском языке. Ну а на улице с местными мальчишками он разговаривал на их местном языке. А вот считать он тогда ещё не умел, хотя уже и окончил первый класс.

И вот моя мама с большим интересом разговаривала с этим мальчиком на разные темы. А суждения, которые этот мальчик высказывал, были очень своеобразные.

Как-то раз зашёл у них разговор на тему веры и различия вероисповедания. Вот этот малыш моей маме и говорит: «Когда я вырасту, то я буду всех христиан резать». Мама моя опешила, а потом ему и говорит: «Ну как же так, мама твоя христианка, я христианка... и ты нас всех зарежешь?» Мальчик подумал-подумал и говорит:

«Ладно, тебя и маму я резать не буду, а вот всех остальных христиан буду резать». Такое вот своеобразное воспитание было, и теперь наверняка есть в мусульманском мире. И это там вбивают детям в голову с самых пелёнок.

## Саша

Была у моей мамы близкая подруга Нина Ивановна, которая жила в Москве недалеко от метро «Щёлковская». Бывало, что после ночных дежурств мама ехала на нашу квартиру в Измайлово и там отсыпалась, а потом навещалась в гости к Нине Ивановне. А у Нины Ивановны был сын Саша. Он был уже достаточно взрослый, уже женат, и у него была маленькая дочка. Саша работал фельдшером в хирургическом отделении какой-то московской больницы, и жена его работала там же врачом-терапевтом. И случилось так, что на лето моя мама пригласила эту семью с ребёнком пожить в Томилино на даче. Им выделили большую комнату на первом этаже, и они там всё лето и прожили. Мама моя рассказывала, что Саша родился во время войны, во время налёта немецкой авиации на Москву. В самый неподходящий момент в роддоме был отключен свет, акушерка уронила ребёнка, и он получил травму головы, которая потом беспокоила его всю жизнь. Из-за этого Саша не смог окончить медицинский институт и имел право работать только фельдшером.

Я в то время перешёл в 7-й класс, были летние каникулы, и я быстро подружился с этим Сашей. Парень он был весёлый и заводной. Со мной держался как бы на равных, много мне рассказывал интересных историй из медицинской практики и с удовольствием принимал участие в играх с моими друзьями. Мы с ним вместе катались на велосипедах, играли в шахматы, шашки, карты и крутили Сашин магнитофон. Почему-то особенно часто слушали «Песню фронтового шофёра» и «Пошёл солдат в широко поле».

В шахматы я играл в то время гораздо лучше, чем Саша, а он совершенно не расстраивался, когда проигрывал. И часто мы на чердаке играли в быстрые шахматы, 5 секунд на обдумывание хода и вперёд... Кстати, мне это тогда много дало для совершенствования в этой игре.

Сашина жена не возражала против наших совместных развлечений и иногда тоже принимала участие в карточных играх. В конце августа по каким-то делам Саше нужно было остаться на выходные дни на квартире в Москве. Эта квартира находилась недалеко от парка Сокольники, и так получилось, что моя мама отпустила меня вечером вместе с Сашей, с условием, что он сводит меня на аттракционы в парке, а на следующий день я вернусь в Томилино. Мы побывали в парке, покатались на всяких аттракционах. Первый раз мне тогда случилось прокатиться на аттракционе «Мертвая петля» — было очень страшно... А ночевать мы остались в Сашиной квартире. Квартира была в старинном доме и довольно шикарная. Как я тогда понял, Сашин отец был каким-то заслуженным военным конструктором, лауреатом Сталинской премии, и жил он тоже в этой квартире. С Сашиной мамой они давно развелись.

Вечером Саша прилично выпил и у него начался запой. Я тогда ещё не знал, что это такое. На следующий день Саша был «никакой» и продолжал выпивать. А меня он упрашивал ничего не говорить моим родным и его жене, а сказать, что мы опять пошли в парк в Сокольники. И так продолжалось два дня, пока я не догадался вылить в умывальник остатки водки, а в бутылку налить чистой воды. Проснувшись в очередной раз, Саша хватанул полстакана этой «водки» и чуть было меня не прибил, когда понял, что это обычная вода, но как-то тогда обошлось. Пока Саша спал и приходил в себя, я от скуки стал осваивать пишущую машинку, которая оказалась в этом доме и отстукивал на ней всякую ерунду. И как-то так получилось, что Сашин пьяный бред, состоящий из крепких нецензурных выражений, я и напечатал одним пальцем на пишущей машинке. В общем, ругаться нехорошими словами меня тоже произвольно научил этот Саша. Да и покурить мне тогда тоже удалось, пока Саша спал.

По возвращении в Томилино я твёрдо стоял на Сашиной стороне, хотя жена его знала о Сашиной слабости и всё, конечно, поняла.

А уже зимой я пару раз ездил в гости к Саше вместе с моим магнитофоном (осенью мама купила мне в комиссионном магазине магнитофонную приставку «Нота»), и мы переписывали всякую музыку с его магнитофона на мой и наоборот. Саша и его жена

оказались ещё и «меломанами», а в то время магнитофоны были ещё редкостью.

Постепенно эта дружба прекратилась, бедный Саша выпивал всё чаще, жена от него ушла. Спустя несколько лет Сашина жена получила тяжёлую травму. Она работала врачом на скорой помощи, и машина скорой помощи, в которой она ехала на вызов, попала в аварию. Саша долго за ней ухаживал и, кажется, они опять жили потом как одна семья, но я с ними больше не встречался.

А спустя много лет произошла такая интересная история: Сашина мама уезжала в санаторий, а она была большой любительницей кошек и у неё дома жила кошка с котёнком. Котёнок был чёрный-чёрный и звался Багирой. В то время я уже крепко дружил со своей будущей женой Леночкой. И когда моя мама предложила моей Леночке поддержать дома чёрного котёночка, пока Нина Ивановна не вернётся из санатория, то это предложение было принято. Так Багира переехала жить к Лене домой, да и осталась там навсегда, а потом и мне досталась в качестве приданого.

## Программисты

К написанию этой заметки, этого «крика души», меня сподвигло очередное обновление часто используемой программы на моём смартфоне. Сейчас почти у всех, за редким исключением приверженцев старых добрых кнопочных аппаратов, есть подобные устройства. Так вот я наблюдал, как одна из программ обновилась три раза за сутки. Если вам интересны подобные опыты, то вы всегда сами можете поэкспериментировать, надо просто почаще открывать на своём Android-смартфоне Play Market и запускать «Проверку обновлений» в «Мои приложения и игры». Три раза за сутки — это до какой же степени нужно докатиться программистам, чтобы выдавать подобное «сырьё» в качестве полезной программы?

Также очень интересно наблюдать за обновлениями различных программ от компании Microsoft. Например, дистрибутив MS Office 2007, который изначально имел объём около 400 МВ, для исправления ошибок желает скачать с серверов обновлений Microsoft ещё

примерно 1000 MB различных файлов. 10 лет Microsoft находила всё новые и новые ошибки в этой офисной программе, а может быть, и вносила новые ошибки в старые ошибки. И в конце концов Microsoft бросила эту затею, заявив, что более не поддерживает MS Office 2007. А все пользователи должны купить новую замечательную программу MS Office 2019 или MS Office 365 и мучиться уже с ними ещё лет десять.

В далёком 1980 году мне тоже приходилось писать программы для ЭВМ (электронно-вычислительных машин, слова «компьютеры» в то время в СССР в ходу не было). В то время программы писались «классическим» способом. Сначала на бумаге делалось описание сущности будущей программы, потом опять же на бумаге чертились-рисовались алгоритмы будущей программы. Затем на бумаге же писались команды на каком-то доступном языке программирования, проверялись ранее составленные алгоритмы, и только потом начинался процесс кодирования — набора текста программы в каком-то текстовом редакторе с выводом на перфоленты или перфокарты готового текста программы. Ну а затем начинался увлекательный процесс трансляции исходного текста программы в исполняемые машинные коды. Процесс этот был многоступенчатый и часто требовал возврата к редактированию исходного текста в случае нахождения ошибок в программе транслятором или интерпретатором в машинные команды. Далее начинался ещё более увлекательный процесс отладки (часто пошаговой) и тестирования полученной программы. Вот тут и выявлялись допущенные ошибки, причём иногда ещё на этапе рисования алгоритмов, и всё приходилось начинать сначала. Я в то время использовал в своей работе мини-ЭВМ семейства «Электроника-100/И», которые были неплохой копией американской системы PDP-8 производства фирмы DEC (Digital Equipment Corporation). Дисков жестких (HDD), да и гибких дискет (FDD) у нас тогда ещё не было, использовались перфораторы и считыватели с бумажной перфолентой. А оперативная память на ферритовых кольцах объёмом в 4096 12-разрядных слов (как тогда говорили — куб памяти) считалась уже неплохой. Никакого системного программного обеспечения у нас не было и использовался язык программирования

Ассемблер. Кстати, в советской редакции Ассемблер назывался ЯСК — Язык символического кодирования. Все команды в этом варианте были переведены на русский язык и кроме гомерического смеха других ассоциаций не вызывали. Естественно, все использовали оригинальный американский вариант Ассемблера. А использовались эти написанные тогда мной программы при изготовлении фотошаблонов для интегральных микросхем и печатных плат.

Когда же у нас появились 16-разрядные ЭВМ «Электроника-100/16» (копия PDP-11) с 32-мя килобайтами оперативной памяти, то нам казалось это верхом совершенства. Ну, а когда ещё через несколько лет появились гибкие 8-дюймовые дискетки, то радости нашей просто не было предела.

Теперь я уже давно никаких программ не пишу, а занимаюсь исключительно техническим обслуживанием компьютерной техники, её настройкой, профилактикой и ремонтом. Но основные способы обслуживания этой техники, как и 40 лет назад, остались неизменными: поддержание комфортных внешних условий (температура, влажность, качественное электропитание) и своевременная чистка от пыли и грязи.

Ну да это так, лирическое отступление от темы, теперь поговорим о современных программистах с точки зрения почти стороннего наблюдателя, который ежедневно с ними общается.

Теперь программы пишут совсем не так, как ранее (не подумайте, что я ворчу как Фамусов из «Горе от ума» Грибоедова, времена теперь такие). Обговорив в общих чертах будущую программу, молодые ребята начинают сразу творить в интерактивных редакторах готовый текст программы и тут же пытаются прогнать и отлаживать эту свою несчастную программу. «Твори, выдумывай, пробуй!» — был такой лозунг у юных изобретателей и рационализаторов в советское время. Куски исходного текста правдами и неправдами находят в интернете или берутся из любых доступных источников. Всё это склеивается по мере сил и опыта программиста. Прогон программы, исправление, прогон, опять исправление. Шаги влево-вправо не обсуждаются, некогда. Чуть-чуть программа задышала — всё, готово, можно рапортовать об успехе.

Комментарии в строчках кода программы теперь часто не пишут или пишут на немыслимом жаргоне, понятном только автору, да и то не всегда. А уж про подробную документацию вообще не вспоминают.

Был у меня хороший знакомый, очень толковый и перспективный программист, который уже давно переехал на постоянное жительство в Канаду, и некоторое время мы потом с ним переписывались. Так вот он поначалу был просто поражён необходимостью на каждую строчку исходного кода писать три строчки комментариев в тексте программы — без этого его работу новые боссы просто не принимали.

Хорошо написанная программа должна обладать некоторым изяществом, быть сродни творению художника или композитора. Конечно, не всегда и не всем это даётся, но к этому надо хотя бы стремиться. Бывают и рутинные задачи, которые решаются в лоб, методом «грубой силы». Они не интересны для программистов, но необходимы и при написании таких программ часто используется труд начинающих программистов и студентов. Вот тут-то и появляется огромное количество ошибок, которые проявляются только через неопределённое время во время эксплуатации уже готовой, сданной заказчику программы или системы. В советское время существовали такие понятия, как стандарты, нормоконтроль и взаимные проверки. К сожалению, сейчас этим часто пренебрегают в угоду скорости создания программ и их дешевизны.

Сейчас программисты почти не задумываются об экономии оперативной и дисковой памяти, это их не волнует — они искренне уверены, что технари дадут им новые компьютеры, быстрые и ёмкие. Сколько попросят памяти, столько и дадут. Сколько захотят быстрых дисков SSD, столько и получат. Цена оборудования их не волнует.

А вот качество полученных таким образом программ вызывает большое сомнение и часто оставляет желать лучшего. Особенно становится страшно, когда появляются ошибки в стандартных библиотеках подпрограмм, которые потом многократно используются многими программистами.

В погоне за скоростью написания новых программ вопросам отладки и тестирования уделяется всё меньше времени и ресурсов. Даже ведущие разработчики программного обеспечения, та же приснопамятная фирма Microsoft, значительно сократила штат тестировщиков и тренируется теперь на конечных пользователях, заставляя их самих находить ошибки в сырых программах. Про маленькие программистские фирмы и говорить нечего, нет у них ресурсов для полноценного тестирования своих продуктов, нужно как можно скорее и быстрее выпустить что-то новенькое, пока конкуренты не захватили вдруг появившуюся нишу.

Тут можно вспомнить и Свободное программное обеспечение — вроде бы оно бесплатное и любой может использовать многочисленные наработки, которые ведутся во всём мире и энтузиастами, и крупными фирмами, а часто Свободное ПО и спонсируется фирмами — разработчиками компьютерного оборудования и программ. Лучшее Свободное ПО потом становится собственностью крупных компьютерных фирм, и они получают свою прибыль на поддержке адаптированных версий вроде бы бесплатных программ. Но тестировщиками таких образом становятся все, кто использует эти программы.

Есть такая аксиома: «Не бывает программ без ошибок, просто есть программы, в которых ошибки ещё не найдены», и это регулярно подтверждается на практике. Некоторые разработчики программного обеспечения даже выплачивают премии за найденные в своих программах ошибки, причём размер таких премий иногда бывает очень и очень приличным.

А ещё есть и так называемые хакеры — «чёрные» программисты, которые также очень старательно ищут и часто находят ошибки в широко используемых программах. Но они эти найденные ошибки используют для своего обогащения за счёт шантажа или ещё каким-то хитрым образом. Тут уже появляется ещё и целый класс бизнеса, основанный на поиске вредоносных или модифицированных такими хакерами программ, — антивирусная защита. И огромные компьютерные фирмы — производители всевозможных антивирусов имеют неплохой кусок масла,

толстым слоем намазанный на хлеб небрежно написанных программ.

Ну и напоследок известный старый анекдот: «Если бы архитекторы строили дома так же, как программисты пишут программы, то первый же случайно залетевший в комнату дятел разрушил бы всю цивилизацию». Очень жизненное и правильное замечание.

Не очень давно участвовал я в одной компьютерной конференции. Руками участвовал — таскал компьютерное оборудование, подключал и настраивал демонстрационные стенды, а потом всё это опять разбирали и тащили на склад до следующей конференции. И заодно следил за пожарной безопасностью на этой конференции — тёмное это дело, но без заранее назначенного стрелочника у нас в стране ничего не делается.

И вот разматываю я кабели, между стендами тяну, а рядом стоит большая группа молодых программистов и очень увлечённо обсуждает какую-то программистскую проблему. Они спорят между собой, советы друг другу дают, глаза у всех горят, все в теме. И я вдруг понимаю, что я ни одного слова, кроме отдельных междометий и иногда мата для связки непонятных мне слов в предложении, ну просто ничего в этом разговоре молодых вундеркиндов не понимаю. Современный язык программистский и даже их сленг со всякими «гуями», парадигмами и инкапсуляцией мне непонятен. И обсуждаемых ими проблем я, к моему большому сожалению, тоже не понимаю. Думал я, что отстал немного, а оказалось, что отстал я навсегда...

Кстати для справки, «гуями» они называют GUI — «Графический пользовательский интерфейс». А вы что подумали?

## **Самоизолировались**

Сидим в деревне во время пандемии по коронавирусу с двумя внуками. Страдаем от безделья. Что нужно делать моей жене, нам делать не хочется, и наоборот.

Пять лет валялся купленный парник. Жена всё никак не могла выбрать место, где его ставить. Всё по фэншуй у неё не получалось. Наконец плюнули на этот шуй и собрали в первом попавшемся месте. Долго возились, все металлические части вдрызг поржавели, пришлось пару банок грунтовок «три-в-одном по ржавчине» извести. Но детям понравилось. Покрасили всё, до чего смогли дотянуться. И свою одежду тоже.

Два дня собирали каркас, два дня красили. Потом ещё пару дней поликарбонат натягивали и прикручивали, саморезов вкрутили почти две банки. И вот готово, стоит, и теперь надо что-то там посадить. Старший внук, как главный специалист-ботаник, младшим руководит. Криком и пинками заставляет младшего копать грядки в парнике. Наконец ему это надоело, и он сам почти всё вскопал и начал высаживать всё подряд.

Посадил укроп — не всходит. Посадил ещё что-то. Приходит через день, а там сверху нет ничего, но копнул землю пальцем и видит: снизу семян тонкие белые тощие ниточки торчат. Он и думает: «Это же вверх расти должно, а они вниз полезли. Наверное, я не тем концом семена в землю втыкал». Быстренько схватил лопату и перевернул вверх ногами пласт земли с проросшими семенами.

Вот так здорово у нас теперь в школе ботанику преподают. Будущий Мичурин у нас растёт, наверное.

Нашли внуки в сарайчике банки с краской. Краска старая, но пока ещё совсем не засохла. Вставили железку в шуруповёрт и, что смогли, размешали. И начали красить...

Столик в саду, который покрасили такой краской, две недели не мог высохнуть. Толщина красочного покрытия почти в миллиметр получилась.

Добрались до старых покрышек и давай их в разные цвета вымалёвывать. А потом ещё и художественные точки другой краской на них набрызгали.

К концу второго месяца внуки от безделья совсем одурели. То один другого задирает, то второй первого пинает...

Косить траву удаётся заставить только пинками и криком. Утром бужу их громкими воплями: «Рота, подъём!» Хотя какое это утро, в 11 часов дня? На спокойный голос они уже даже внимания не обращают.

Вычислили, что если идти в Москву пешком, то нужно 18 дней. Прикидывают, как бы сбежать... и третируют своих родителей постоянными телефонными звонками: «Ну когда же вы нас в Москву заберёте?»

Сегодня внуки пошли искать бобров. В низах, там, где родники, завелись бобры. Пожрали все деревья около родников и понастроили запруд. В результате неплохой ручей появился.

К счастью для бобров, дети их в этот раз не нашли...

## Хитрая кошка

В деревню привезли с собой белую кошку. Умная и хитрая до безумия. В доме есть две двери на улицу: «парадная» и на задний двор. Кошка просится на улицу гулять. Подходит к одной из дверей и мяукает или просто ведёт за собой к двери. Приоткроешь дверь, она нос высунет. Если там дождя нет, то уходит гулять. А если дождь, то сразу обратно в дом и бегом к другой двери. Она думает, что если выйдет на улицу через другую дверь, то там дождя нет.

Или выйдет через одну дверь и бегом по улице к другой двери. Если её тут же впустить в дом, то орёт, требует еды: «Я же погуляла, с улицы пришла, хозяйева, кормите!» И так она может делать много раз подряд.

На окнах сетки от комаров и мух. Кошка научилась стучаться в закрытое окно. Стучит по сетке и смотрит в окно, как там, услышали её или нет?

Поймала в поле здорового мыша (или крысёнка) и принесла нам показать. Села на подоконник с улицы и рычит. Домой впустили, так она эту мышь давай по комнате гонять. С трудом удалось мышь отобрать и на улицу выбросить.

А то принесла мышь и положила хозяйке около ног. Лена кошке говорит: «Ну и что мне с этим теперь делать?» Кошка вздохнула тяжело, взяла зубами мышь и отнесла в свою миску. Положила мышь, опять на хозяйку посмотрела («Ну какая же ты непонятливая, я же мышь тебе принесла, ешь, наслаждайся!»), опять вздохнула, да и съела потихоньку мышку.

Пришла зима. Кошка на улицу ненадолго выскочит, проверит все свои мышинные уголья и быстрее домой. Если дверь закрыта, то сядет с улицы на подоконник и стучит лапкой в окно. А как домой впустишь — бегом к батарее, это теперь её любимое место. Сначала лапки на батарее греет, потом то одним боком к батарее прижмётся, то другим. И мурчит как трактор.

## Воспоминания в Делехово про войну

---

С каждым годом всё дальше и дальше от нас события Великой Отечественной войны. Всё меньше остаётся живых свидетелей тех тяжёлых лет. Поэтому любые воспоминания очевидцев, многие из которых в то далёкое время были ещё детьми, так важны для нас.

К большому сожалению, «проводников истории» для нового подрастающего поколения детей почти не осталось. Если раньше дети с раннего детства общались с бывшими фронтовиками, видели на улицах инвалидов, смотрели фильмы про войну, а бабушки и дедушки рассказывали внукам семейные истории, то сейчас это далеко не так. Фронтовиков в живых почти не осталось, бабушки и дедушки хотят или работать до последнего, или отдыхать в собственное удовольствие и внуками мало занимаются. По телевизору дети смотрят на бесконечные бандитские разборки, на монстров и уродов, а нормальных фильмов про историю, войну и нашу победу им не показывают. Такая же картина с различными компьютерными игрушками — стрелялками «Сделано в США». И в школе историю проходят (именно «проходят») весьма поверхностно, как сейчас принято говорить, «толерантно». И после всего этого странно удивляться, что многие современные дети ничего знают о Великой Отечественной войне и нашей победе. А некоторые дети просто искренне считают, что это американцы победили фашистов.

И даже о своих родственниках, которые погибли во время войны, наши дети и внуки часто не знают. Оболванивание Западом нашего молодого поколения идёт весьма успешно и, если будет продолжаться в том же духе, то вскоре история войны в сознании этого молодого поколения будет выглядеть примерно так же, как в конце широко известного анекдота:

1945 г.: СССР, Сталин — герои, фашисты — убийцы.

1961 г.: СССР — герой, Сталин не совсем хороший, фашисты — убийцы.

1985 г.: СССР — не совсем герой, Сталин — плохой, нацисты убийцы, но среди них были неплохие.

1991 г.: СССР — не герой, Сталин — убийца, нацисты неплохие, но среди них были убийцы.

2000 г.: СССР — оккупант, Сталин — убийца, немцы хорошие и, если бы не Сталин, то среди них не было бы убийц.

2009 г.: СССР — оккупант и проиграл бы войну если бы не США, Сталин — изверг, немцы вообще защищались.

202X г.: СССР — оккупант, немцы — демократы, они защищались, Сталин — изверг, он довёл бедного Гитлера до самоубийства. США — герой.

В этой небольшой главе вы можете прочитать переведённую на бумагу, фактически стенограмму застольных разговоров с воспоминаниями о тех далёких временах. Естественно, разговоры это немного сумбурные. Кто-то начинает рассказ, другие его перебивают, дополняют или исправляют. Память уже многое «состарела», поэтому часто начинается даже спор про имена и события. Но в целом это всё очень интересно, особенно для самих же участников тех далёких событий. Я старался как можно меньше вносить изменений при переносе этих разговоров на бумагу, чтобы сохранить их колорит. Записи эти были сделаны летом 2018 году в селе Делехово Скопинского района Рязанской области. Но в далёком 1941 году это был Горловский район Московской области, хотя до Москвы 240 километров, такая вот странная география получилась. Участвуют в разговорах-воспоминаниях

брatья Басмановы, Анатолий Михайлович и Юрий Михайлович. Оба родились в Делехово и всю войну тоже пережили в этом селе. А также Юрий Николаевич Юциков и Татьяна Васильевна Чванова (Лункина) — оба родились и в настоящее время живут в селе Делехово.

### **Юрий Михайлович Басманов вспоминает:**

— Когда в начале войны в 1941 году наш папа Михаил Федорович Басманов ушёл ополченцем на фронт, то мы приехали с мамой и братьями из Москвы в Делехово, к маминим родителям. А вскоре папа погиб.

Обстановка в доме бабушки в Делехово была такая: в углу икона, под ней лавочка деревянная, где дед Никита сидел, стол, напротив лавочка, где мы сидели и бабушка. Правило такое было, что питались из общего блюда или чугунок, щи или борщ. У деда лучшее лекарство было — это отвар полыни. Он полстакана коричневого отвара перед едой шархнет, как он говорил: «От всех болезней». И пока дед ложкой по столу не стукнет, никто мясо со дна блюда не смеет ловить. Хлеб круглый подовой дед отрежет ломтями. А летом в тёплую погоду иногда и на крыльце за стол садились. Уж не помню, сколько времени прошло, может недели две, может месяц, но, помню, это как раз на крыльце было, дед и говорит: «А что это вы как татары за стол садитесь? Почему вы не креститесь перед тем, как сесть за стол?» И мы, все дети, стали креститься перед тем, как за стол сесть. Правда иногда старался я прошмыгнуть за стол пораньше, пока дед не видел. Настолько авторитетный был дед, что мы и не помышляли что-то нарушить. Матом дед никогда не ругался.

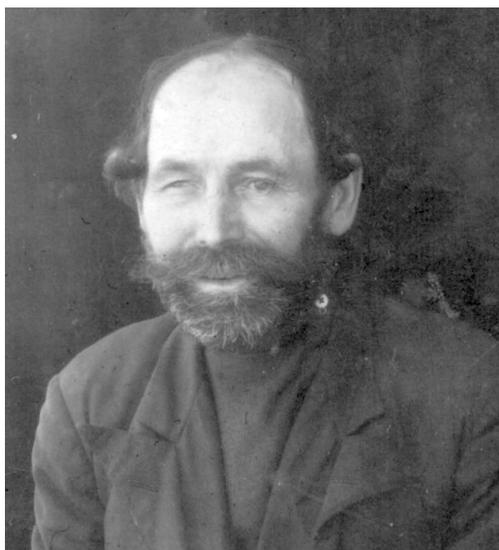


Михаил Федорович Басманов



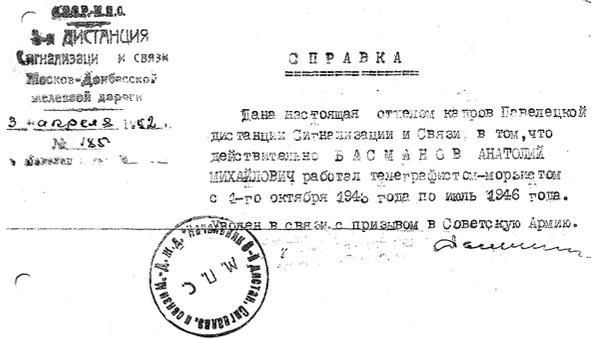
Анатолий, Юрий и Александр Басмановы с мамой Марией Никитичной в начале войны

А в сарае колхозный бык-производитель стоял и жеребец председателя колхоза Гусар, а ещё лошадь рабочая. И был случай, когда дед уже как уточка ходил, а Колуян Мирошкин, или не помню



Наш дедушка Никита Терентьевич Лункин

уж точно кто, чего-то захулиганил, забегал. Я ему и говорю: «Ты смотри, дед придёт, он тебе даст». А тот и говорит: «Да я и не боюсь», — и залез метра на два на дерево около крыльца, где каменный жерновок отбитый стоял. А тут и дед из сеней выходит и всё он слышал, а в руке у него кнут плетёный. Дед как зыкнул кнутом по дереву, по листве, так малец-герой этот пулей с дерева слетел. Вот это был единственный раз, когда я деда видел не столько злым, как справедливо рассерженным.



Анатолий Басманов перед армией работал телеграфистом на станции Павелец

Рядом с тем местом, где сейчас стоит памятник погибшим на войне, раньше был круг. Там по вечерам молодёжь собиралась на танцы под гармошку. Две, а то и три гармошки играли. Там дом был, в котором жила тётя Нотя (Наталья Терентьевна), родная сестра деда Никиты Терентьича, а её муж, дядя Володя Евсеев, был начальником мельницы, всем там заправлял. А на Выглядовке (старое название улицы, теперь Заречная) жила старшая сестра Катерина Терентьевна с мужем Николаем Лёвкиным (деревенское прозвище), который был начальником телеграфа на Павельце. У него большого пальца на руке не было. Вот он моего старшего брата, Анатолия Михайловича Басманова, и взял к себе на работу телеграфистом.

Вообще-то в селе в то время всех обычно называли по прозвищам. Редко когда имена и фамилии в разговоре использовали.

Там вообще-то жило две семьи Евсеевых: внучка Катерины Терентьевны Тамара и Мария Николаевна, которая в нашей школе преподавала немецкий язык с 5 по 7 класс. До сих пор помню

стихотворение про первый снег на немецком языке, которое в 7-м классе учил.

А в центре ещё жил Сергей с женой Тamarой Даниловной, которая в школе преподавала русский язык и литературу, а потом была директором школы после Кондратьевой Екатерины Александровны. А до Кондратьевой директором школы был поляк Александр Михайлович Сардановский и завучем была Ольга, которая постоянно жила в школе на 2-м этаже, — это было в 1940–1947 годах.

Если свернуть на Низовку, у них дом там был — Матвей и Николай Козыревы. Николай служил в пограничных войсках, а после армии был трактористом в колхозе. Вообще Козыревых в селе много было.

В классе у нас было всего человек 12, не больше. Фотография у меня была — я и Мишка Жуков из крайнего дома. Мы ходили по низам мимо колодца, чуть налево, и там жил Алёша Бредов, немножко чокнутый. Там всего три дома было перед церковью.

Если по Луняевке идти и когда мельницу пройдёшь, потом три-четыре дома, и была там впадина и в ней крупорушка (там из проса пшено делали). Во втором доме налево двое Басмановых жили. Один из них на станции вместе с Михаил Никитичем на вагонных весах работал.

Юдановы Катя и Нюшка (Василия Ионовича дочки), две сестры с Вылётовки, вместе со мной учились, Деева (малого росточка была). Катя и сейчас на Павелец приезжает, у тётки (Василия Ионовича сестра) живёт, которая в большом магазине на Павельце работала, все Ионовной её звали. Ещё одна «невеста» на Низовке была Нинка Гумиха из первого углового дома (Лёня Гум там жил).

Во время войны в Хворощёвской школе немецкий штаб был, но после войны опять там школу открыли, и хворощёвские ребята в ней учились года до 1960. Потом ту школу закрыли, и хворощёвские дети стали уже в Делеховской школе учиться.

Во время войны, когда наши войска уже отступили и на станции перед уходом все повзрывали, а немцы ещё не пришли, то местные жители пошли грабить магазины, чтобы немцам ничего

не досталось. И памятник Сталину наши перед уходом тоже взорвали, чтобы фрицам не достался.

А на следующий день мы, дети, тоже пошли туда на станцию: мы, три брата — Анатолий, Юрий и Сашка, Пашка (Павел Никитич), мы же все были родственники. Пришли на станцию, а там всё разбито, всё разграблено. И мы единственно, что нашли и взяли, так это от портретов картонные подложки, и вернулись домой. Потом мы из них карты сделали, сами их разрисовали.

А мужики в селе стали колхозный скот делить: кому овцы, кому что. И растащили по своим дворам. Правда, когда наши вернулись, то всё опять в колхоз пришлось вернуть.

Но нашлись и такие, кто школу пошёл грабить по образу и подобию того, что на станции творилось. Но что там можно взять — одни парты. И вот тогда директор школы, Александр Михайлович Сардановский, встал в дверях и сказал: «Только через мой труп, ничего не трогать». Ну эти смельчаки были только языком трепать, и они все отступили. И когда потом через две недели немец ушел (в самом селе у нас только немецкая разведка была), то школа открылась и заработала. А вот если бы не Александр Михайлович Сардановский, то всё бы разграбили и переколотили.

В селе немцы не стояли, продотряд их проходил, возможно это финны были. Картошку брали, яйца.

Толик Лункин как раз на печке сидел, когда немцы зашли, и вот он с испугу одеяло в зубы взял и зажал со всех сил. А зубы у него были и молочные, и новые уже повырастали. И потом, когда немцы вышли, бабушка одеяло дернула, а молочные зубы все и вывалились.

Я маленький был, во втором классе учился, с братом Сашкой, который в 5-м классе тогда учился, мы сидели на полатах и сверху смотрели. Зашёл в дом офицер в фуражке и с ним солдат. Офицер только и произнёс: «Матка яйца, матка мыло». Мыла у нас не было, а вот яйца дали. Потом офицер подошёл к печке, а рядом на стенке на гвозде висела моей мамы, Марии Никитичны, цигейка, шуба такая довоенная. Он её рукой пощупал, но не взял. Потом они вышли. А на улице стоял третий солдат. А мама с моим старшим братом Толей в это время были в поле. Там народ солону делил, и они немцев не видели.

### Второй раз было так:

Немцы с переводчиком как в село въехали, так сразу и спросили: «Где ваш староста?» Ну и все показали на дом председателя, но не сельсовета, а колхоза. А наш председатель колхоза жил в конце Луняевки. И вот на следующий день он вечером к нам зашёл. У дедушки Никиты всегда же тогда настоечка была. И тут на улице машина загудела, и председатель и говорит: «Это они ко мне поехали». Потом председатель к нам вернулся и говорит: «Никита Терентьевич, у Вас есть лошадь?» Ведь лошади не у всех в селе были. У дедушки и бык председателя стоял, и жеребец Гусар для выезда председателя, и своя рабочая лошадь. «Берите телегу, запрягайте и езжайте в Хворощёвку в школу». А там был немецкий передовой полевой штаб. А на водокачке у немцев стояла зенитка и взвод охраны. Для немцев это был важный объект. Мост наши уходя взорвали, станцию и телеграф тоже взорвали, а водокачка уцелела.

Ещё председатель снарядил Триганкина Михаила, у него дочка Мотя была и сын Володя.

Триганкина председатель старшим назначил. И вот пять человек с лошадьми поехали в немецкий штаб. Там они дня три просидели, и Триганкин, настырный был мужик, начал переводчику говорить: «Продукты у нас кончились, надо бы нам смену». Это уже декабрь был. И тогда переводчик опять поехал к председателю и сказал: «Давай замену, но чтобы помоложе были, не такие старые». И он его уговорил, председатель смену дал и надо же так было случиться, что когда новые пять человек со своими подводами в штаб приехали, то этой же ночью по Епифанью наши так немцев трахнули, что немцы тут всё побросали и пулей смотались.

Потом наши пришли, это в декабре было. Они шли по дороге с Павельца через село, все в полушубках были и в валенках, а тут оттепель была, всё раскисло. Впереди по дороге шла разведка, слева на лыжах вторая группа шла, а справа ещё группа. И наши долго шли и шли, а на тачанках везли зенитные пулемёты.

А тех наших мужиков-возчиков, которые тогда при немцах оказались, так немцы с собой и забрали, как обоз. И из этих пятерых один где-то сбежал. Пошёл поить лошадей и сбежал. Другой

тоже сбежал, пристал к нашим войскам и воевал с немцами. Ещё один в Белоруссии убежал к партизанам, а остальные пропали — ни слуху ни духу.

Про нашего председателя колхоза — когда наши пришли, то председатель исчез. Ничего про него не помню, даже как его звали — не помню. Но у него, кажется, был сын, который в своё время отличился в боях с японцами на Хасане в 1938 году.

Про наш сбитый самолёт, но это всё со слов взрослых: вот там, где была водокачка, а сейчас плотина, там немцы подбили наш двухместный штурмовик. Наш лётчик смог посадить самолёт у самой речки, даже самолёт носом в берег ткнулся. Там пилот был и стрелок-радист. И немцы устроили на них облаву. Один просто убежал, а другой отстреливался. Убегавшего немцы пристрелили, а над вторым издевались, звезду на груди вырезали. Потом их обоих в Хворощёвке похоронили, там даже памятник лётчикам был. Наши ребята постарше потом туда к самолёту ходили, брат мой старший Толя тоже там был. На самолёте бомба не сброшенная была, килограмм на 50, так один из ребят постарше её за хвостовик взял и в речку бросил, но она, на его счастье, не взорвалась.

Дней через пять поехали мы с санками на угольный склад на станции за углём: я, Пашка, и Толя. На складе один или два мешка углем нагрузили, на санки взгромоздили и везём. Двое спереди за верёвку тянут, а третий сзади помогает. Не очень морозно было, но снег шёл. Подъезжаем к переезду, а тут немцы, совсем рядом с нами, метрах в 5–6. Идут строем, наверное по 4 человека в шеренге, всего человек 20 и с ними офицер. И тут офицер что-то скомандовал, немцы прямо перед нами остановились.

И мы видим, что недалеко стоят большущие нефтяные баки, а на них сверху кто-то копошится. Один солдат с ручным пулемётом из строя вышел, поставил пулемёт на турель и в момент срезал тех, кто на баках был, их как будто ветром сдуло. И потом немцы пулемёт свернули и дальше пошли в сторону станции. А мы бегом через переезд и потащили свои мешки дальше домой.

Это всё были передовые немецкие стрелковые части, не эс-эсовцы и не каратели. Повезло нам. Вот на Украине, так там больше свои же местные население давили, а не немцы.

И вот тащим мы санки свои дальше и, после Погорелова лога там Разбойный лог был, но он более пологий, и в Морозкином логу, а он уже глубокий. Справа кладбище, а слева Бордючиха жила и школьный сад. Дорога с Павельца тогда слева от кладбища проходила. И вот там застряла немецкая машина, полуторка наша это, наверное, была, похоже, что немцы её просто бросили. И мы в ней нашли немецкую противопехотную мину. Мы по ней молотком постучали, и она разъединилась на два стакана, и между стаканами стальные шарики, сплюснутые с двух сторон. Их много было, штук 360, нам потом очень ими играть нравилось. А во внутреннем стакане три трубочки, две заполненные чем-то похожим на мыло и одна пустая. Нам тогда повезло, что взрывателя в пустой трубочке той мины не было, но тогда мы ничего этого не знали и не понимали. Это уже только потом до нас соображение дошло.

Как-то группа немцев проходила через село около круга. Кругом тогда называлось место в центре села, где по вечерам молодёжь с гармошками собиралась и танцы устраивала. Ребятишки наши там стояли глазели, а некоторые потом и за немцами побежали. И вот один немецкий солдат вдруг побежал за мальчишкой небольшим, может тому лет 5–7 было. Мальчишка испугался и как припустился бежать, но немец его догнал, за шиворот приподнял, а мальчишка тот был в будённовке. Немец будённовку ту с мальчишки сорвал и стал ему показывать на пришитую звезду, что её, мол, надо оторвать или отпороть. Но потом он мальчишку того отпустил, ничего ему не сделал, даже не ударил его.

И был случай, что немцы приехали к бухгалтеру напротив Тарасова, с правой стороны Галкин Степан жил, который с войны без руки пришёл и потом бригадиром был, а за ним и бухгалтер. А дальше за бухгалтером Борисковы жили, у них сын был Миша, а младший их сын потом со мной учился. И вот мы слышали, как немцы около дома бухгалтера кричали: «Коммунист, коммунист...», а потом забрали у него корову на мясо. Но бухгалтера немцы тогда

не тронули. Когда наши пришли, то бухгалтера мобилизовали и после войны он вернулся домой живой и с «трофеями». Тогда все солдаты старались из Германии что-то привезти. Так он из Германии, наверное, с полвагона всякого барахла привёз.

**Татьяна Васильевна Чванова (Лункина) вспоминает:**

— Мой папа, Василий Михайлович, служил в частях реактивной артиллерии, его от НКВД к «Катюшам» прикомандировали. Он тоже всю войну прошёл, помню, про Бреслау что-то рассказывал. «Катюши» ведь сзади шли, так у него ни одного ранения, ни царапины не было.

И вот когда он с войны вернулся, то привёз швейную машинку «Зингер», отрезы материи и несколько фракков. А у нас кому эти фракки были нужны? В них только артисты выступали.

Но главное, это была швейная машинка — она потом ещё лет 50 прослужила. Всё на ней тогда шили, и одеяла, и шубы, и телогрейки, и всё на свете. Мама потом много лет всё сама шила и перешивала, материал тот хороший был.

Василий до войны в НКВД служил, в Кремлёвской охране, Сталина много раз видел и всех известных военачальников тоже видел. И квартира у него была где-то около Большого театра, всё он маму туда звал, но она не поехала. А вот жили бы там, может быть, вся жизнь по-другому бы сложилась.

Но после войны он в село вернулся. Мама моя из всех сестёр в селе одна осталась и всё ему говорила: «Дурачок ты, дурачок». А он говорил: «А я Жукову поверил». Он однажды мне руку пожал, узнал, откуда я, и мне говорит: «Возвращайся в деревню, после войны там будет благодать». Вот он и вернулся, и устроился на станции в депо токарем. Он колёсные пары протачивал.

**Юрий Михайлович Басманов вспоминает:**

— Ещё был случай — напротив мельницы, где Танины родители жили и рядом Тарасич, а старший Тарасов был бригадиром у Павла Никитича в столярной мастерской. У них мастерская была в вагоне на станции, да что там было-то, пила да рубанок. И вот подошла к их вагону девица-охранница и у неё был японский карабин, присела около вагона и стала свой карабин чистить. А Павел Никитич

в дверях мастерской стоял, и случайно он, карабин этот, выстрелил прямо в него. Пуля прошла насквозь из подмышки и в другое плечо. И его потом отвезли аж в Москву, в больницу МПС, и там прямо шнуром эту сквозную рану, этот раневой канал, прочищали. Чудом та пуля позвоночник ему не задела. Потом всю жизнь рука ему напоминала об этом случае. Рука эта у него плохо действовала, рана давала о себе знать.

**Юрий Николаевич Юциков вспоминает:**

— Я, наверное, классе во втором учился, и был такой случай интересный, прямо на моих глазах. Ведь говорят: кому суждено утонуть, тот не разобьётся, есть такая предопределённость судьбы. Был тут у нас Шурка Мирошкин, Болтыша сын, и вот полез он на ветряную мельницу и сорвался. А внизу жернов запасной был большой, метра два диаметром и отверстие в нём где-то с полметра. И вот он с высоты метров 15–20 падал и попал как раз в эту дырку, летит, руками машет и точно в эту дырку пролетел. Выскочил потом из жернова, глазами хлопает, а всё на нём цело, ну только ушибся и поцарапался немного. Судьба, кому что на роду написано, ангел-хранитель его уберёт для каких-то других дел на этой Земле.

**Юрий Михайлович Басманов вспоминает:**

— Мы её называли тетя Нотя. Ещё была Тотя. Баба Катя Лёвкина была женой Николая Никитича, начальника телеграфа. У Ноти были сыновья Сергей и Саша (Шурка был самый младший), который был офицером ПВО в Германии, потом на Алтае, в Забайкалье. Потом он уехал в Западную Украину и там на хохлушке женился, и умер вперёд всех, видно, в армии облучился. Ещё у них были сёстры Любанька (Евсеева), которая в Армении вышла замуж за армянина и воевала всю войну, и была ещё сестра Нина 1929 года рождения. Так вот, Людмила и Володя дочь и сын Нины Федичкиной. И вот мы все оказались в этом тесном кругу в Делехово, все мы родственники. Людмила и Володя всю жизнь прожили в Кемерово, а теперь решили на родину предков вернуться.

Сергей здесь в 7-м классе учился, а я (Юрий Басманов) учился только во 2-м классе. А его жена, Тамара Даниловна, очень долго была директором школы, очень хорошим была директором. Школа при ней

была лучшей в районе, 5 звёзд! В районе её очень уважали, умела она себя вести с начальством. Она Таню Чванову (Лункину) в пионерский лагерь «Артек» посылала. Но вместо Тани мальчишка один из школы поехал, в области сказали — нужен мальчик. Он был годом моложе Тани, Валентины Павловны (которая около медпункта живёт) брат, вот он и поехал тогда в «Артек». А Таня и председателем пионерской дружины была, на всех слётах, во всех конкурсах участвовала.

У Юрия Михайловича Басманова крёстной была Нина Полушина. А у Анатолия Михайловича крёстной была тетя Нюра (Ивановна), сестра его отца и жена дяди Васи.

Мы с братьями и мамой когда в 1941 году сюда приехали, то Анатолий пошёл в 7-й класс, Саша в 5-й, а Юра — во 2-й. Во время войны в школе всех учеников кормили кулешом, супчик такой жидкий был из пшена, и немножко сала туда добавляли. Это был дополнительный стимул для детей в школу ходить. И вот когда мы первый раз в столовую попали, то у всех почти детей ложки были деревянные, ну только у некоторых алюминиевые, военные ложки были. А у нас, трёх братьев, блестящие никелированные нержавеющей стали ложки были. Так из других классов дети прибегали посмотреть на наш ложки, чудо этакое. В качестве наказания за провинность могли ученику не дать кулеш, даже поговорка такая была: «Лишён лишён на неделю кулешом».

На Павельце до сих пор Ваня Старичихин живёт, сынок её. А вот мы, дети, мимо их дома всегда ходили на речку купаться. У Тани фото есть: Дуся, Таня, Лена и Катя.

Женя Евсеев, двоюродный брат Нины и Володи, живёт в Москве, а здесь он жил раньше в доме, где потом батюшка жил, и дом тот сгорел.

У Терентия Ивановича Лункина были дочери Наталья Терентьевна (Нотюшка была самая младшая) и Екатерина Терентьевна (самая старшая), сыновья Пётр Терентьевич (жил в Новосибирске) и Никита Терентьевич.

## Из застольных разговоров в Делехово

---

Вспоминает Юрий Михайлович Басманов про своего сына Андрея (1965 г. р.). Этот отрывок можно назвать «Воспоминания отца», как будто он сам всё это прошёл и пережил:

— Мой сын Андрей до армии раза два-три уже прыгал с парашютом и очень хотел служить в ВДВ. А когда он заканчивал авиационный техникум имени Годовикова на «Войковской», то проходил призывную комиссию и там ему написали: «Годеен во все войска, кроме ВДВ». Ему дали доучиться, защитить диплом, даже поработал немножко успел.

У нас была хорошая знакомая, у которой муж работал в военкомате, ну и попросили его посмотреть, что там не так в медицинских документах. Тот посмотрел и сказал, что сына вашего стоматолог забраковал. Оказывается, что при неправильном прикусе человек может при потере сознания прикусить язык, а у десантников такое бывает. Но когда Андрей пришёл на заключительную комиссию в военкомат, то там с ним уже капитан общался из 2-го отдела, который призывниками занимается, а не медики. Капитан ему и говорит: «Что, прыгать хочешь? Ну и прыгай, годеен!» — и приписал сына в ВДВ.

И вот призвали Андрея в армию. Вечером домой вернулся — команду не собрали, «приходите завтра». На следующий день

такая же история, ночевать домой отпустили. Ну на третий раз опять мы его собрали, и наконец поехал он служить под Ригу около Руколо. Там стояла учебная дивизия ВДВ, и Андрея стали учить на механика-водителя БМП. Когда Андрей уже потом написал, где он, то я позвонил туда в Министерство пищевой промышленности заместителю министра по строительству: так и так, сын мой у вас недалеко служит. Ну мне отвечают: «Юрий Михайлович, приезжайте, гостиницу Вам сделаем». А тут Андрей позвонил и сказал, когда у них будет присяга, на присягу могут родственники приехать. Мы с женой Евдокией собрались и поехали. Этот замминистра нас встретил, в руках два короба. В одном вино, в другом продукты, и отвёз нас в гостиницу в маленьком посёлке. От воинской части, где Андрей был, всего остановок 4–5 автобусных. А на машине нас потом и в часть отвезли. Подъехали к проходной, а там — как всегда, самый главный на проходной старшина-хохол: «Проходить нельзя, да надо вещи посмотреть, вино и водку нельзя, надо туда-сюда», настоящий хозяин. Но, смотрим, ребята выбегают на встречу с родными. Кого-то из родственников даже в клубе устроили ночевать перед завтрашней присягой. А тут мальчишка случайно появился, который там уже год служит, сержантиком стал, и сказал, что Андрея знает, обещал позвать. Мы с женой ждём, ждём, а Андрея всё нет. Потом прибежал опять тот сержантик и сказал, что Андрея старшина задержал. Потом Андрей всё же вышел, мы с ним поговорили. Тут ещё один солдатик бежит: «Андрей, тебя сержант зовёт». Ну он сходил, возвращается и говорит: «Пап, он бутылку просит». Ну супруга моя говорит: «Да куда ты, тем более хохол на проходной стоит». Но я: «Мать, не волнуйся», ему бутылку дал, он её за пояс на спине и отнёс сержанту.

Потом я с тем сержантом встретился и говорю ему: «Отпусти сына на ночь к нам в гостиницу. У нас машина есть, тут всего 4 остановки». Тот и говорит: «Я-то отпущу, но чтобы к утренней поверке был как штык». Ну мы и знакомого сержантика тоже с собой в гостиницу взяли, вечером посидели. Утром присяга, всё нормально. И после присяги сержант до вечера Андрея опять отпустил. И вот вечером вышли мы с сыном на остановку — ни души и вот-вот должен автобус подойти. И бах, из-за кустов откуда-то военный патруль, офицер, сержант и солдат. Офицер вдалеке стоит, а подходит

сержант и говорит: «Солдат, офицер просит подойти». Я тогда сыну говорю: «Стой, я сам подойду». Иду я к офицеру. Ну тут, конечно, это просто чудо случилось. Я был заместителем начальника союзного главка Госснаба СССР и у меня был вход в Госплан по моему пропуску Госснабовскому и в Минфин. Ну, в Минфин мне ходить-то было не нужно. Мы же материально-техническим обеспечением занимались. Но в Госплан мне часто приходилось ходить, защищать в проектах нужные ресурсы: металл, котлы и прочий дефицит. И у меня было удостоверение с красным гербом, внутри все цвета переливаются, фотокарточка большая с печатями, очень было презентабельное удостоверение. И вот подхожу я к офицеру и из кармана удостоверение вынул и даже не раскрыл его и офицеру говорю: «Вы знаете, я конечно не имею права Вам это показывать и рассказывать, но мы сейчас должны в автобус сесть». Офицер говорит: «Ладно, ладно, поезжайте». Тут и автобус подошёл, я сына в охапку схватил, в автобус засунул, и мы поехали в часть. И только в этот момент я даже сам себе не поверил, ну откуда у меня в голове «это реле щёлкнуло», что нужно офицеру мои внушительные корочки показать. Или офицер тот неопытный оказался, что мы так легко отделались? На следующий день я того офицера в автобусе видел, он всё на меня косился.

Прошло какое-то время, и Андрея забирают из учебного батальона в хозвзвод. В чём дело? Сын уже привык, техника его интересовала. Тут вызывает его командир хозвзвода и говорит: «Мы тут новую трансформаторную подстанцию получили, будешь монтажом заниматься». У Андрея написано в личном деле «Техник-электрик», вот его и определили. Но электрик-то он был слаботочник, что тому начальнику и сказал. Тот за голову схватился, но приказ то уже подписан, обратной дороги нет. И стал Андрей в хозвзводе работать. Месяца два проходит, и Андрея обратно в учебный батальон перевели, но уже в медицинский, на медбрата учить стали. Месяцев через пять присваивают Андрею ефрейтора, выдают сумку с красным крестом, шприцы, бинты, и стали готовить к Афганистану. Я «шапку в охапку» и поехал к сыну. Прихожу в часть и с каким-то офицером переговорил, всё ему рассказал, а он спрашивает: «А где сын раньше работал?» Я говорю: «Да на почтовом ящике». Тогда офицер и говорит: «Ну сейчас такие все в Афган попадают,

где бы не служили. Сделать ничего нельзя, списки составлены, приказ утверждён». Все офицеры из этой части тогда тоже по несколько месяцев в Афганистане стажировку проходили. Потом целый месяц или больше всех солдат, которых в Афганистан определили, от работ освободили и на весь день вывозили в лес, чтобы отдыхали. И в один прекрасный вечер подняли, в самолёт, и полетели. Под Ригой уже холодно было, а в Кабул прилетели — там жарыща невозможная. Потом в Баграм, это километров 200 от Кабула, там наша крупная группировка тогда стояла. И так сын с сумкой с красным крестом и проходил. У них там 3 батальона было. В его батальоне командиром был майор, Герой Советского Союза. И вот по тревоге то караван сопровождают, то бандитов ловят.

Как-то моджахеды подбили наш вертолёт, и наши по тревоге вылетели на другом вертолёте на выручку, в него только одно отделение помещалось. Приземлились около небольшого селения. Солдаты наши в бронезилетах, в касках, заходят в селение, а там никого. В дом заходят, так на столе ещё пища тёплая, а никого нет, все как тараканы по горам разбежались. А потом эти местные ребята смотрят, что нас немного, опомнились и с гор на нас поперли с автоматами. Наши бегом к вертолёту и только успели взлететь, как бандиты уже под самым вертолётном были.

Наш караван по ущелью идёт, его наши охраняют и местные войска — царандой. Ночью с гор бандиты-моджахеды постреляют, «Аллах Акбар» покричат, а утром смотрим, от царандоя половины нету, разбежались кто к бандитам, кто куда.

Письма оттуда недели 2 шли. И вот приходит нам письмо от Андрея: «Мама, я в госпитале в Термезе, руки-ноги целы, мама, не волнуйся». Термез — это недалеко от афганской границы, километров 5–6, но уже на нашей стороне. И вот я туда ездил и здесь потом тоже бегал, как мог сына защищал. Но всё это законно было, указание такое от маршала Ахромеева было, чтобы вторично в Афганистан после отпуска солдат не посылать.

А случилось вот что: наши сопровождали какой-то большой караван и потом уже ночью возвращались в свою часть в Баграм. Подъезжают к речке, справа и слева горы, а настроение какое-то

у всех было тревожное, неладно что-то. И вот когда голова колонны уже речку перешла, тут бандиты и ударили. Оказалось, что там засада была. Как с двух сторон врезали, а мы ещё на другой стороне речки были. Но командир взвода у нас опытный был, приказал всем спешиться и речку вброд переходить. Был во взводе у них радист маленького роста, так его пришлось под руки приподнимать, так как иначе он бы захлебнулся. Речку перешли, на ту сторону вышли, огнём ошестинились, стали отбиваться. Отбились, ну и потом дальше пошли, все до нитки мокрые, а вода в реке была ледяная и ночи там очень холодные. В машине очень холодно, некоторые заныли, тогда командир приказал вылезать и бежать за машиной, чтобы согреться. А когда в часть уже вернулись, то у Андрея поднялась температура и из-за переохлаждения началось осложнение на сердце, давление поднялось, дыхание отказывать стало. Несколько дней он там в госпитале пролежал, а улучшений нет. Там в госпитале очень много было солдат с желтухой, так их оставляли в Баграме отлёживаться, а вот с больным сердцем отправляли подалее, на родину. И тогда Андрея отправили на родину в госпиталь, так в пижаме, с одним продовольственным аттестатом и отправили.

Вот тут-то и я в Термез поехал, остановился там в гостинице, потом с врачами в госпитале поговорил. Со мной вместе в гостинице оказался какой-то «тёмный» человек. Раз мы с ним даже из госпиталя в гостиницу вместе возвращались. Всё он мной интересовался, к Андрею зачем-то в госпиталь ходил, а потом он вдруг исчез. Это хорошо, что там у меня местный начальник плодоовощной промышленности знакомый был. И я туда не на голое место приехал: они мне там и гостиницу устроили и всё такое. Видать, это КГБ-шника тогда ко мне приставили, всё-таки граница рядом.

Как-то раз я и сына к себе в гостиницу из госпиталя взял, мне только сказали, чтобы утром к поверке он вернулся. И я там познакомился с главным врачом госпиталя. И получилось так, что через несколько дней после моего возвращения в Москву этот главврач появился проездом в Москве (он ехал куда-то за новым набором) и остановился он у нас дома и ночевал три ночи. Такое вот удивительное совпадение, как так получилось, что он у нас три дня прожил, хотя у него самого какие-то родственники в Москве были.

И этот врач сказал, что моему сыну после такого лечения положен месячный отпуск по месту жительства. А ещё этот врач сказал, что есть приказ маршала Ахромеева №0051. Ну какой-то номер с нулями впереди о том, что если участник афганских событий уж попал в госпиталь по лечению или ранению и побывал месяц в отпуске дома, то вторично в Афганистан такого уже не направлять. И дать возможность такому солдату дослужить до дембеля в своём военном округе по месту жительства. Примерно через неделю и сын приехал домой в отпуск. Регистрация таких отпускников была только в центральном военкомате города Москвы в Бауманском районе на Басманной улице, а не по месту жительства. Его там отметили, что он дома, и вот уже время отпуска к концу подходит.

Андрей обращается в военкомат, а ему и говорят: «Поезжай в Афганистан». А он им сказал, что у него кроме продовольственного аттестата ничего нет, ни денег, ни документов, даже формы нет, так как из Афганистана его в одной рубашке привезли (Андрей потом очень жалел, что десантной формы у него не осталось). Ну, а одна знакомая нам посоветовала, чтобы сын сказал, что у него сердце ещё побаливает. И тогда сына отправили в госпиталь в Подольск на дополнительное обследование. Туда в то время всех афганцев направляли: и безруких, и безногих, там такой специальный госпиталь был. Там тоже половина врачей штатских, половина военных. В том госпитале Андрей пробыл 56 дней. Дают там ему при выписке бумагу и отправляют обратно в центральный военкомат Москвы. А в бумаге той, оказывается, написано: годен во все рода войск. Откуда прибыл, туда и отправляйся, поезжай в Афганистан. А вот как туда ехать, не говорят. Поезжайте в штаб ВДВ на Матросской Тишине, может, они что-то подскажут или денег дадут, или езжайте в Афганистан за свой счёт, может быть, потом вам деньги и вернут.

Тогда я жене и говорю: «Мать, поезжай в военкомат, дела там всё равно штатская женщина ведёт».

А у меня двоюродный брат есть, Виктор Васильевич Евсеев, который в то время служил комендантом одного из московских военкоматов, на Динамо, полковник. И я решил к нему обратиться, чтобы посоветовал, как написать письмо маршалу Ахромееву. И тут

как назло Виктор Васильевич в отпуск ушёл. Его брат мне сказал, что завтра, в субботу, он ещё в Москве будет.

А в военкомате моей жене сказали, что может сын больничный взять, но только в единственной поликлинике на Октябрьском Поле. Во всех остальных поликлиниках выданные справки будут недействительны и сын ваш будет считаться дезертиром. Если бы такую тонкость тогда упустили, то в какую бы историю можно было вляпаться! И вот врач на Красном Октябре дала Андрею бюллетень на три дня и сама потом заболела (или ребёнок у неё заболел). Я тут же поехал в Подольский госпиталь, а там штатский врач начал мудрить: «А Вы пойдите к заместителю главного врача подполковнику ХХХ, да попросите, может быть, он чего-то сделает». Тяжба началась, может быть, «на лапу» намекали — нужно дать.

Тогда я написал письмо маршалу Ахромееву, но никаких приказов в нём не упоминал, а просто просил дать сыну дослужить не в Афганистане, а в Московском военном округе. Повёз я это письмо в главный штаб около метро «Арбатская». Захожу в проходную, а там ни окон нет, ни дверей, никого не видно. И вдруг открывается в стене какая-то шторка — и там офицер: «Что хотите». Я и говорю, что у меня письмо к Ахромееву. А офицер говорит: «Мы не принимаем, отправляйте почтой». Ну я его прошу: «Вы хоть адрес посмотрите, правильно ли я написал?» Тот посмотрел — всё верно. Ну и пошёл я обратно домой, но письмо не отправил. По почте это 3–4 дня, а время-то поджидает.

И вот тогда я позвонил Виктору Васильевичу Евсееву — он как раз в Москву вернулся. И говорю, что вот письмо написал Ахромееву, а его у меня не взяли. Виктор и спрашивает: «А приказ-то тот какой?» Я номер ему сказал, а он отвечает: «Ну, это секретный приказ, это нужно в секретную часть идти». И он туда сходил и приказ тот почитал. Потом в субботу или даже в воскресенье он поехал с моим письмом в штаб, в приёмную к Ахромееву. А там порученец — секретарь маршала сидит. Они поговорили, и порученец пишет на письме: «Генералу такому-то» и отдаёт обратно Виктору. Тот сразу сам пошёл к этому генералу-исполнителю. Заходит к нему в кабинет, а тот сразу встаёт: «О, Виктор Васильевич, помнишь, как мы с тобой в Барнауле на испытаниях атомную бомбу взрывали? Что ко мне привело?» Виктор ему бумагу подаёт: «Да вот племянник

из Афганистана после госпиталя...» Тот сразу берёт и пишет: «В батальон на Баковке, в обслуживание генштаба». И нам потом домой по телефону звонок: «Басмановы? — «Да». — «Андрей Юрьевич?» — «Да». — «Никуда не ходите, никому не звоните. В понедельник поезжайте в Баковку в такую-то воинскую часть к подполковнику такому-то». И вот Андрей утречком встал и туда поехал. Подполковник тот долго Андрея расспрашивал: как там да что. Андрей ведь в Афганистане целый год пробыл не в Кабуле, а в Баграме. Там авиабаза была, и при входе в Панджшерское ущелье и стояла наша крупная воинская часть. А рядом там прямо рассадник моджахедов был.

Ну и стал Андрей там в Баковке служить. А в том батальоне все блатные, руководство сплошь хохлы: командир роты Голоб, командир взвода Ворона. Андрей-то уже бывалый, после Афгана, и служить ему оставалось всего 3 месяца до дембеля, и вот какой-то конфликт у него с теми блатными случился. Ну потом как-то всё уладилось. Утром солдаты в автобус загружаются и едут в Москву, в столовую генштаба, где-то около ЦУМа, и помогают там. А вечером опять в автобус и возвращаются в часть в Баковку.

И вот так мы, может быть, сыну жизнь спасли, спасибо тому врачу, который нам о секретном приказе с нулями впереди подсказал.

А вскоре закончилась у Андрея служба, и пришёл он домой с красными погонами.

